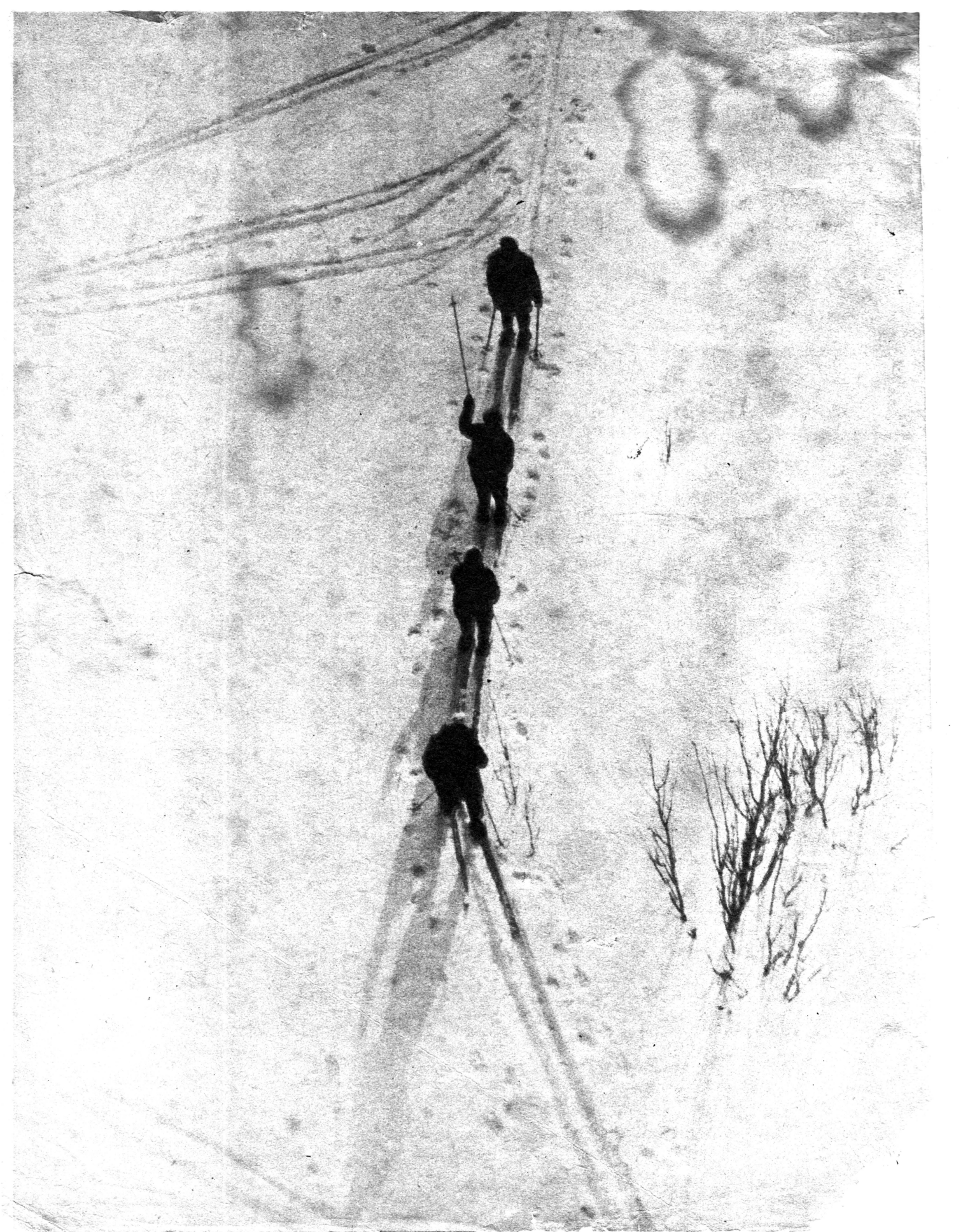

1
—

У Р А Л Ь С К И Й
С Л Е Д О П Ы Т

Литературно-художественный,
научно-популярный ежемесячный
журнал для детей и юношества.
Орган Союза писателей РСФСР,
Свердловской писательской
организации и Свердловского
обкома ВЛКСМ

Год издания тринадцатый

В Н О М Е Р Е

ВЫСОКОЕ НЕБО	
<i>В. Грин. Документальная повесть</i>	2
СТИХИ	
<i>Б. Марьев. Н. Мережников. Н. Домовитов</i>	18
РАБОЧАЯ ВЛАСТЬ	
<i>П. Клюев</i>	19
«ЭКЗ. ЛЕНИНА»	
<i>Л. Наумов</i>	22
ТРОПОЮ АРСЕНЬЕВА	
<i>А. Нечаев. Путевые заметки</i>	23
СЛЕДОПЫТСКИЕ ДЕЛА	27
ЗДЕСЬ ЖИЛ И РАБОТАЛ В. И. ЛЕНИН	28
И ЗВАЛИ ЕГО ИВАНОМ!..	
<i>Д. Плашинов</i>	33
СТИХИ	
<i>А. Романов</i>	35
АФОНЬКА ПРАВИТ ПОСОЛЬСТВО	
<i>К. Богданович. Сибирский сказ</i>	38
«ЗЕЛО КРЕПОК СЕЙ ОРЕХ БЫЛ»	
<i>А. Розов</i>	52
ДОРОГА СМЕРТИ	
<i>Б. Галязимов. Документальная повесть</i>	54
САБЛЯ КАРЛА ВЕЛИКОГО	
<i>А. Кирпичников</i>	68
КЛАД, ЕДИНСТВЕННЫЙ В СВОЕМ РОДЕ	
<i>С. Гомельская</i>	71
ДРУЗЬЯ СКАЗКИ	
<i>В. Утков</i>	75
ИЗ КНИГИ ПРИРОДЫ	
<i>К. Абрашев. Л. Фомин</i>	77
ПТИЧЬЯ СТОЛОВАЯ	
<i>А. Малышев</i>	80

Обложка В. Воловича и С. Киприна

На второй странице обложки
фото А. Потапова

У Р А Л Ь С К И Й
С Л Е Д О П Ы Т Ы
1
1970

Высокое небо

Борис ГРИН

Рисунки Н. Мооса

Все выше и выше, и выше

Стремим мы полет наших птиц...

Звонок Поликарпова

В последних числах октября раздался телефонный звонок междугородней, и телефонистка предупредила: «Будете разговаривать с Поликарповым». С Поликарповым? Это было полнейшей неожиданностью. Ведь только на днях приехавшие из наркомата товарищи рассказали, что он отбыл в длительную заграничную командировку с правительственным заданием особой важности. Разумеется, по авиационным вопросам.

Один из наркоматских буквально сгорал от желания показать свою осведомленность. В разговоре, там, где нужно было ставить точку, он ставил многоточие. «Что за правительственное задание? О, об этом знают лишь немногие...» Дальше следовала сердечная и чуть виноватая улыбка: дескать, так уж случилось, что и я в их числе.

— Тайна, действительно, не шутка, — сказал он уже без многоточия. — Не могу не вспомнить изречения: «Один может открыть больше другого, но никто — всего». Между прочим, так говорят в Испании.

Разговор на этом оборвался. Конструкторы разошлись и только потом спохватились: наркоматский-то начал с Поликарпова, а кончил Испанией. Что это, намек?

...Телефонистка долго и безуспешно соединяла с Москвой. По-видимому, была повреждена линия. Женский голос монотонно и безнадежно звал: «Москва... Москва... Москва...»

Но вот, наконец, Москва отозвалась.

2 — Товарищ Швецов? У телефона товарищ Поликарпов. Говорите, пожалуйста.

И секунду спустя — голос Поликарпова:

— Аркадий Дмитриевич? Здравствуйте!

— Здравствуйте, Николай Николаевич!

Эти сдержанные слова означали нечто большее, нежели обыкновенное приветствие. Швецов и Поликарпов впервые встретились в середине двадцатых годов. Аркадий Дмитриевич жил в ту пору в Москве и уже несколько лет работал на авиационном заводе «Мотор». Положение главного инженера не изменило его привычку жить незаметно. В авиационных кругах он вращался по надобности, а не моды ради, избегал шумных пирушек с летчиками — фаворитами сезона, не терпел тех, кто верил в удачный случай.

Он знал, что его считают нелюдимом, но отнюдь не тяготился этим. Наоборот, радовался. Скольких толковых инженеров погубило неумение управлять собою! Они искренне верили, что все успеют, и просчитались. Он же панически боялся потерять хотя бы час. А тут еще конкурс...

Надо было обладать немалой смелостью, чтобы, будучи никому не известным конструктором, по существу дебютантом в моторостроении, принять участие в конкурсе на лучший двигатель для учебного самолета. Но недаром говорят, что слава любит смелых. Стосильный М-11, решенный в виде пятицилиндровой звезды воздушного охлаждения, принес своему создателю широкую известность. Этому мотору суждено было стать первым серийным авиадвигателем отечественного производства.

Конструктору выплатили конкурсную премию. В Госавиатресте в торжественной обстановке ему

Генеральный конструктор, Герой Социалистического Труда, доктор технических наук Аркадий Дмитриевич Швецов.

вручили золотые часы с многозначительной гравировкой: «Первому конструктору первого советского авиадвигателя тов. Швецову». Но, может быть, самым значительным было то, что Поликарпов присмотрел новорожденный двигатель для своего, тоже только что созданного, учебного самолета.

Морозным январским утром 1928 года служители ангара Центрального аэродрома выкатили на линейку новенький У-2 пред грозны очи испытателя Михаила Громова.

Летчик глядел хмуро, был неразговорчив. Накануне он испытывал новый истребитель и вынужден был покинуть машину в воздухе. Прыжок оказался не совсем удачным: было ветрено, парашют отнесло далеко в сторону, и шелковый купол накрыл вершину березы, а Громов повредил ногу. Впрочем, это не помешало ему наутро явиться на новые испытания.

Поликарпов и Швецов были уже на месте. Они, конечно, волновались, но каждый по-своему. Аркадий Дмитриевич отвлекал себя тем, что в уме прикидывал дальность знаменитого громовского рейса на самолете АНТ-3 — «Пролетарий» по европейским столицам: Москва — Кенигсберг — 1200 километров, Кенигсберг — Берлин — 560, Берлин — Париж — 900...

Поликарпов же ни на минуту не отходил от летчика. Он что-то ему объяснял и, наконец, не выдержал и рассмеялся, давая себе разрядку:

— Двигателек-то каков, а? Перевести бы его на собачьи силы!

Механики услышали про собачьи силы и тоже

засмеялись. А Громов промолчал. Техник уже готовился провернуть винт, и пора было забираться в кабину самолета.

Когда через несколько минут У-2 поднялся, оба конструктора, забыв обо всем на свете, неотрывно смотрели в синее подмосковное небо. Небольшой зеленый биплан был их общей судьбой.

Через несколько лет Аркадий Дмитриевич чуть не лишился дара речи, когда вдруг узнал, что Поликарпов обвинен во вредительстве и осужден на немалый срок. Швецов только что возвратился из длительной командировки в Америку и, поотстав от московской жизни, решил справиться о новостях. И как новость «номер один» ему сообщили, что Николай Николаевич пребывает «в Менжинке на тюроположении». Без кавычек это означало: Поликарпов находится на тюремном положении и работает на авиационном заводе имени Менжинского.

Однако талант Поликарпова не угас. В короткий срок Николай Николаевич спроектировал несколько великолепных истребителей, первый из которых — одноместный биплан с отличной аэродинамикой — вскоре был испытан в полете. На нем стоял двигатель М-22, который серийно выпускали на «Моторе», и Швецов искренне радовался, что своим трудом помог Поликарпову. После первых же полетов истребителя в 1933 году Николай Николаевич был освобожден, о чем без промедления оповестили газеты.

Уму непостижимо, как это многолетняя симпатия двух близких по делу, по духу людей, ро-

весников не переросла в личную дружбу! Когда в 1934 году Швецов покинул Москву и уехал в Пермь на новый моторостроительный завод, Поликарпов очень жалел об его отъезде, однако и не помышлял о перемене мест — самолетостроителю желательно держаться ближе к научным центрам.

Вновь они встретились лишь летом 1935 года, когда Пермский завод уже выпускал серийно новый двигатель, спроектированный Аркадием Дмитриевичем. Поликарпов, запросив данные о моторе, решил поставить его на свои новые истребители — биплан И-15 и высокоскоростной моноплан И-16 с убирающимися в полете шасси. Испытателем обеих машин был назначен Валерий Чкалов.

С облетом новых истребителей торопились. Вскоре в Милане должна была открыться международная авиационная выставка, туда готовили И-16. Николай Николаевич и Аркадий Дмитриевич целыми днями пропадали на заводе, где осматривали выставочную машину.

Вместе с истребителем в Милан должен был выехать сам Поликарпов, и эта миссия очень волновала его. До того он, похоже, не бывал за границей. Расставаясь, Поликарпов обещал приехать в Пермь, поглядеть новое хозяйство Швецова. Аркадий Дмитриевич только улыбнулся: вырваться из Москвы? Неосуществимая мечта. Вот если официальным порядком, на предстоящие торжества по случаю пуска завода?

Николай Николаевич тронул Швецова за руку: что-нибудь придумаем.

В самый последний момент он все же не утерпел, спросил о новом двигателе. Швецов тогда промолчал, перевел разговор на другое. Новый двигатель был еще только в первых набросках.

Иное дело сейчас, год спустя.

Многое изменилось за этот год. Вот уже и завод принят в постоянную эксплуатацию... Поликарпов, разумеется, так и не приехал, да, видно, теперь уж не приедет.

— Алло, алло! — выкрикивал Поликарпов. — Здравствуйте, здравствуйте, дорогой Аркадий Дмитриевич! С пуском завода вас! От всей души. Не собираетесь ли в наши края?

Вот тебе раз, сам обещал приехать в Пермь на торжества, а теперь зовет в Москву!

— Дело есть к вам, Аркадий Дмитриевич, — продолжал Поликарпов, — дело большой важности. И, я бы даже сказал, безотлагательное. Вы меня слышите?

Швецов слышит и отлично понимает, что волнуется Поликарпов. Конечно, ему не терпится узнать, как дела с новым мотором. Разумеется, он и не рассчитывает узнать по телефону подробности, его интересует «да» или «нет». Но что тут скажешь, если новый двигатель еще не прошел испытаний!

Однако с Поликарповым не отмолчишься.

— «Товарищ» еще не ложился на обследование? — иносказательно спрашивает он об испытаниях.

— Собирается днями, — отвечает Аркадий Дмитриевич.

— А что вообще говорят «врачи»?

— Полагают, что «товарищ» очень скоро станет в строй.

— Дай-то бог, — откликнулся Поликарпов с такой ноткой искренности, будто разговор действительно шел о человеке. — Как только все будет

в порядке, пусть немедленно выезжает в Москву. С «братом». Мои «пострелята» очень ждут встречи.

«Вот оно что, — сообразил Швецов. — Поликарпову срочно нужны два экземпляра двигателя...»

— Вы меня слышите, Аркадий Дмитриевич? У нас они проживут недолго. Мы их пошлем к теплу, к солнцу, к апельсинам...

— Ну что ж, Николай Николаевич, в добрый час!

Положив трубку, Швецов долго ходил по кабинету. Что же получается? Все уповают на новый двигатель, не один Поликарпов. Недавний гость из наркомата в общем-то был послан Орджоникидзе. Значит, в высших кругах тоже возлагают надежды? Как сказал Поликарпов? «Мы пошлем их к теплу, к солнцу, к апельсинам...» Значит, в Испанию. А как поведут себя двигатели в боевых условиях? Этого не знает никто, даже испытатели. Только война может ответить на этот вопрос.

У нас фантастическая вера в то, что раз наше, значит, самое лучшее. Понятен оптимизм Поликарпова, но разделять его... Нет, главное — не допускать спешки, она может все погубить. А два двигателя отправить все-таки придется. Два новых, еще безымянных двигателя...

Давно ли Аркадий Дмитриевич был во власти М-25? Этот мотор, разработанный конструкторами американской фирмы «Райт», предназначался отнюдь не для советской авиации. Чистым золотом пришлось расплачиваться за лицензию. Конечно, будь в то время своя подходящая конструкция, «Райт-Циклон» не понадобился бы. Но создать хороший двигатель — дело не простое, а время подпирало — новый моторостроительный завод требовал загрузки.

За звучным именем «Райт-Циклон» был неброский девятицилиндровый двигатель воздушного охлаждения. Его цилиндры располагались звездообразно в один ряд. И если об «американце» говорили, что это золотая машина, то только потому, что получили его за баснословную цену.

Уже через несколько дней, выбравшись из дебрей технической документации, Аркадий Дмитриевич мог со спокойной совестью сказать, что знает двигатель как свои пять пальцев. И с этой поры «Райт-Циклон» был похоронен.

Мозг конструктора в пору творческого подъема способен мыслить параллельно. Окружающие предметы вдруг приобретают очертания деталей, в причудливых ветвях деревьев видятся рационально уложенные трубопроводы. И так будет до того счастливого мгновения, когда все перевернет вспышка озарения.

На чертежном столе Швецова «американец» благополучно скончался, смертью своей возвестив рождение нового мотора. Получив новое подданство, «Райт-Циклон» получил и новое имя: М-25.

В это время Поликарпов был уже знаменитым автором истребителя И-15. Демонстрируя невиданную скороподъемность, его самолет за шесть с небольшим минут взмывал на высоту пяти тысяч метров. И все же конструктор решительно выбросил устаревший, по его мнению, мотор и поставил на свой истребитель новый, только что родившийся, еще никем не испытыванный и тающий в себе немало загадок двигатель.

Это был прозорливый шаг. Об истребителе

И-15-бис заговорили как об авиационном чуде своего времени. Газеты, склонные поддерживать табель о рангах, называли его самым лучшим истребителем в мире. И это не было преувеличением. Возвратившись в 1936 году из Милана, Поликарпов привез диплом авиационной выставки и восторженный отзыв жюри: «Наиболее интересным признан скоростной самолет высокими аэродинамических качеств с мотором М-25».

В том, что страна получила замечательные истребители, была немалая заслуга Швецова. Лучше других это понимал сам Поликарпов. Потому он с таким нетерпением ожидал, что скажет Аркадий Дмитриевич дальше.

Телефонный звонок из Москвы, разговор с Поликарповым не застали Швецова врасплох. Около года он занимался проектом, который недавно завершил, и со дня на день новый двигатель должен был стать на заводские испытания. Его-то Поликарпов и собирался поставить на свой новый истребитель. Тот самый, который должен был воевать в Испании.

Эдисоновский процент

Каким бы ни было творчество, это всегда преодоление.

В молодые годы, еще только делая первые шаги на конструкторском поприще, Аркадий Дмитриевич построил авиационный двигатель М-8-РАМ. За этим шифром скрывалось гордое имя «Русский авиационный мотор». Двенадцать цилиндров, расположенных по V-образной схеме, давали отличнейшую мощность — 750 лошадиных сил. В двадцать третьем году этот двигатель с полным правом называли сверхмощным. Интересен он был еще и тем, что многие решения оказались новыми и позднее были использованы англичанами в двигателе «Нэпир-Лайон».

Одним словом, машина получилась такая, что конструктор мог быть доволен.

Но «Русский авиационный мотор» имел водяное охлаждение. Собственно говоря, в те времена такого рода охлаждение было принято едва ли не всеми конструкторами.

Еще работая над проектом, Аркадий Дмитриевич как-то подумал, что «РАМ» вбирает в себя минусы своих менее мощных собратьев. Удивительно, но, создавая моторы для авиации, конструкторы обращали свой взор не на небо, а на землю, которую к тому времени успели завоевать автомобили. С них и перешла на авиационные двигатели водяная система охлаждения.

Но правильный ли это путь?

На память приходили блестящие лекции Николая Романовича Бриллинга в Высшем техническом училище. Да, знаменитый профессор твердо стоял на том, что авиации нужны двигатели с водяным охлаждением. С водяным... Именно по этому пути уверенно шел Микулин¹, по этому же пути шел он сам, Швецов, создавая свой «РАМ».

Швецов был еще молод, чтобы противо-

¹ Микулин Александр Александрович — конструктор авиационных двигателей, Герой Социалистического Труда, академик.

ставлять себя таким авторитетам, как Бриллинг. Но был еще Николай Егорович Жуковский — отец русской авиации. Когда Аркадия Дмитриевича вызывали на спор, он ссылаясь на авторитет Жуковского. Он имел на это право, потому что в свое время прослушал цикл его лекций о теоретических основах воздухоплавания. Строго говоря, Жуковский не касался вопросов моторостроения, но он настойчиво подводил своих слушателей к необходимости облегчения воздухоплавательного аппарата. И как раз воздушное охлаждение двигателя давало такую возможность.

Так для Швецова, через преодоление самого себя, через отрицание пройденного, был решен главный вопрос.

Эдисон заметил однажды, что труд изобретателя — это девяносто девять процентов пота и один процент творчества. Но он же уточнил, что этот один процент важнее всех прочих.

Работая над первым своим двигателем воздушного охлаждения, Аркадий Дмитриевич полностью отдал ему и «99» и «1».

Его М-11, за который он на конкурсе получил золотые часы с громким и обязывающим посвящением, дался ему немалой кровью. Конкурс привлёк многих конструкторов, и проекты рассматривались с особой тщательностью. Проектов поступило много. Слабые тут же отсеивались, а те, что представляли интерес, откладывались для повторного изучения. Круг сужался, но все же это был круг. Микулин в соавторстве с Бриллингом и Стечкиным¹ тоже вышел в финал, и, значит, предстояла борьба.

Хороший проект — это еще не двигатель. Опытный образец — это тоже не двигатель. Все решается в период доводки. Мотор необходимо запустить в производство, и тогда он сам откроет перед конструктором свои слабые места.

Первое заводское испытание М-11 шло на специальной платформе. Испытатели и контролеры расположились полукругом и молча, как загипнотизированные, вслушивались в ровный гул двигателя. Вдруг этот гул словно сбился с однообразной ноты и, прежде чем кто-нибудь понял, что произошло, раздался взрыв. Оборвавшаяся лопатка мулинетки² с силой отлетела в потолок.

Инстинктивно все бросились в рассыпную. Мотор замер.

Испытатели расходились с тягостным чувством. Теперь все зависело от конструктора: он мог махнуть рукой, взяться за другую работу, а мог впрячься в доводку.

Аркадий Дмитриевич «впрягся». И «довел» так двигатель.

М-11 удался на славу. Эксперты отмечали простоту управления, большой срок службы и чудесную способность мотора работать на любом бензине.

¹ Стечкин Борис Сергеевич — теплотехник, академик. Является одним из создателей теплового расчета авиадвигателей. В 1929 году опубликовал работу «Теория воздушного реактивного двигателя», где впервые изложил теорию воздушно-реактивного движения.

² Мулинетка — деревянный воздушный винт, по которому определяется мощность испытываемого двигателя.

Конкурс, между тем, продолжался. Наступил день государственных стендовых испытаний. К нему пришли только два мотора: М-11 Швецова и М-12 Микулина и его соавторов. Они сдавали экзамен одновременно.

Все шло хорошо, но вдруг — авария. У микулинского мотора сломался коленчатый вал. Проверили расчеты конструктора — ошибки найти не удалось. Предположили, что всему виной случай: попался, мол, дефектный вал, такое бывает. Но когда запустили еще один двигатель Микулина, то и он вышел из строя по той же причине. Это уже не могло быть случайностью.

Пока комиссия сокрушенно вздыхала, гонка М-11 продолжалась. Мотор Швецова успешно выдержал испытания, он оказался лучшим. Ему суждено было стать первым отечественным серийным авиадвигателем.

А в практике Швецова это был первый двигатель воздушного охлаждения.

Вскоре командование Военно-воздушной инженерной академии имени Жуковского предложило Швецову руководить дипломным проектированием. Надо было научить молодых военных специалистов понимать и любить двигатель, а это значило передать им свой конструкторский опыт.

В ту пору среди слушателей академии было много приверженцев авиационных двигателей с воздушным охлаждением. Этому способствовали испытания поликарповского У-2, гидросамолета МУ-2 конструкции Григоровича, легкого гидросамолета-амфибии Ш-1, созданного Шавровым, — новейших машин со знаменитым швецовским М-11. Сама жизнь вербовала Аркадию Дмитриевичу сторонников. Именно тогда, на пороге тридцатых годов, начала складываться школа конструкторов авиадвигателей с воздушным охлаждением.

Впрочем, школы бывают разные. Нередко под влиянием плодотворной идеи вдали от главного творца появляются последователи. Их может быть много, даже очень много. Правда, у них нет непосредственного контакта с основным источником идеи, они, чаще всего, варятся в собственном соку.

Совсем другое дело, когда основатель школы и его ученики собираются под одной крышей. Складывается одинаковый для всех принцип, стратегия творчества.

В КБ Швецова эту стратегию уподобили штурму многоэтажного здания. Солдаты поднимаются вверх и распространяются по этажу, еще выше — и опять по всему этажу. Так удается охватить все здание.

И подобно тому, как немислим без разделения ратный труд штурмующих, невозможен плодотворный труд конструкторского коллектива, если в нем не заложена правильная структура.

Аркадий Дмитриевич понял это сразу. В своем немногочисленном коллективе он создал такие подразделения, как конструкторские бригады, ввел ведущих конструкторов по узлу, по двигателю. Несколько позднее, когда КБ пополнилось специалистами, главный выделил перспективную группу. Ее освободили от текущих дел, поручив ей разрабатывать идеи будущих проектов.

В тридцатые годы специализация только-только получала права гражданства. Структура конструкторского бюро, предложенная Швецовым, была прозрением будущего.

Испытание боем

... **А**ркадий Дмитриевич закончил новый двигатель. Это была уже третья модификация заводского первенца. Однорядную звезду воздушного охлаждения с взлетной мощностью 1000 лошадиных сил назвали М-62.

Тысяча сил! На двадцать пять процентов выше, чем у предшественника. Истребитель с таким «сердечком» может вести воздушный бой более чем в четырех тысячах метров от земли. Поликарпов будет доволен...

А дальше?

В КБ стояли перед выбором: либо наращивать мощность двигателя на десяток-другой сил, либо отважиться на глубокую модификацию. Первое было выгоднее заводу, потому что двигатель, который выпускали несколько лет подряд, хорошо «впился» в производство и не было необходимости перекраивать технологию. Второе же непременно повлекло бы за собой лихорадку, она всегда сопутствует внедрению нового.

* Сложность заключалась еще в том, что решение зависело от технического директора и главного конструктора, а борьба между ними исключалась, поскольку это был один человек — Швецов.

И все-таки верх взяла точка зрения конструктора. По-видимому, тут сыграл роль дальний прицел: ведь после того как будут исчерпаны ресурсы первенца, можно взяться за принципиально новый проект.

Но вот вопрос: до каких пор можно черпать из одной и той же конструкции? Ведь все имеет предел, нельзя бесконечно перегружать двигатель.

А если придать двигателю компрессор? Ведь все дело в том, чтобы питать цилиндры воздухом, давление которого выше атмосферного. Это предотвратит падение мощности на большой высоте, двигатель перестанет «задыхаться». Значит, воздух нужно сжать перед подачей в цилиндр. Наддув с помощью нагнетателя! Ничего, что сжа-

тие вызовет повышение температуры, — срывает охлаждение, испытанное воздушное охлаждение, которое тем интенсивнее, чем выше скорость полета. А скорость увеличится, двигатель с нагнетателем непременно даст значительно большую скорость.

Выбор был сделан.

Поликарпов, казалось, только того и ждал. Едва завод дал первую партию двигателей с нагнетателем, он сразу пустил в переделку истребитель И-15-бис, который еще три года назад с легкой руки Коккинаки завоевал славу «самого-самого».

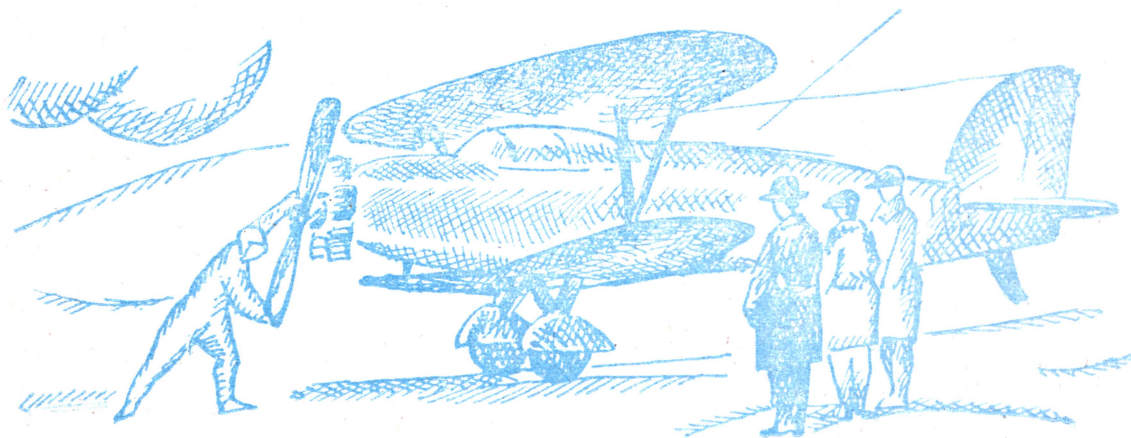
У Поликарпова было острое зрение. Он и на этот раз раньше других увидел недостаток, присущий его машине, — малую маневренность. Раньше это не так бросалось в глаза, завораживал мировой рекорд высоты. Но теперь, когда появился новый двигатель, пелена с глаз спала.

Новый истребитель назвали «Чайкой». Он и впрямь отличался высокой маневренностью, этому способствовало убирающееся в полете шасси. Максимальная скорость самолета доходила до 440 километров в час.

Если «Чайка» чем-то не походила на чайку, то это, конечно, своими крыльями: Поликарпов создал биплан. Птица обходится парой крыльев, а самолету хорошую маневренность на горизонталях придают две пары крыльев.

Новый двигатель Швецова пришелся в пору и на поликарповском истребителе-моноплане И-16. Чкалов, испытавший машину в воздухе, дал ей высокую оценку.

Ох эти оценки мирного времени! Они рождались после мучительных раздумий, взвешивались на аналитических весах неподкупной совести, их давали знатоки своего дела — испытатели, у которых слово — на вес золота. И все-таки эти люди невольно заблуждались. Боевая машина могла показать себя по-настоящему только в бою.

В те дни не многие знали, что наши истребители сражаются в небе Испании. Бои уже шли в предместьях Мадрида, и машины Поликарпова были надеждой республиканцев. Первое время они, надо сказать, оправдывали эти надежды: немецкие и итальянские эскадрильи, поспешившие на помощь генералу Франко, не выдерживали натиска наших маневренных, напористых истребителей. Обломки фашистских самолетов догорали на мадридских площадях.

И тогда Гитлер бросил в Испанию крупные соединения новейших истребителей Мессершмитта. Их превосходство обозначилось сразу. «Чайки» были не в силах с ними соперничать.

Этот вывод тяжелой вестью переходил из инстанции в инстанцию, обрстая заключениями экспертов, особыми мнениями военных специалистов и руководителей авиапрома. Прежние оценки разом поблекли и скорее походили на ярлыки, которые все еще украшают уцененный товар.

В штабах и наркомовских кабинетах бились

в поисках ответа на вопрос: как такое могло случиться? Ведь наша авиация всего за каких-нибудь несколько лет совершила гигантский скачок вперед. Только завзятый скептик, а то и просто злопыхатель, мог умалить значение блистательных дальних перелетов, каскада рекордов, мощи авиационных новостроек. Что же произошло?

Ответ давался мучительно трудно. И все же, вырвавшись за рамки устоявшихся привычных представлений, специалисты склонялись к тому, что головокружительные успехи вызвали головокружение. Чем успехи были значительнее, тем нереальнее мы их оценивали.

Конструкторам тоже было над чем задуматься. Многолетняя работа «на рекорды» обернулась неожиданным финалом. Разумеется, за плечами осталась хорошая школа, пришла творческая зрелость, и никто не помышлял о том, чтобы перечеркнуть все то, чего удалось достигнуть, но было ясно: дальше придется работать уже не так, как прежде.

Озарение

Размышляя о случившемся, Аркадий Дмитриевич чувствовал, как вдруг, подобно ослепительной вспышке, все его мысли затмевало видение нового мотора.

То, что представлялось новым авиадвигателем, на какое-то время стало одушевленным предметом. Конструктор обращал к нему свои вопросы, поверял предположения, делился сомнениями.

Отказ от привычного сложен и труден. Добровольно, без принуждения отбросить идею, которую сам же проводил в жизнь долгие годы, может только тот, кто чувствует себя способным на большее. Однако Аркадий Дмитриевич, отказавшись от идеи «Русского авиационного мотора», преодолел такой барьер. Теперь ему предстояло преодолеть новый — отказаться от однорядной звезды. Еще не зная точно, как будет выглядеть его новый двигатель, он знал, что больше никогда не повторит однорядную звезду. Время ее прошло. Пусть догорает.

В свободные часы неудержимо тянуло к столу. Казалось, стоило остаться наедине с листом бумаги, как сразу потоком хлынут мысли, и их естественным завершением будет краеугольный расчет, к которому все остальное приложится само собой.

Рука, державшая остро отточенный карандаш, вдруг замирала над листом, потом вздрагивала и порывистым движением набрасывала причудливый контур, загадочный и чужой.

За этим следовало неподвижное сидение и полная отрешенность. И только потом, через час, а может быть и через несколько часов, когда возвращалось обычное состояние, вдруг обнаруживалось, что от начального наброска не осталось и следа. Весь лист был испещрен величественными львиными головами, добродушными медвежатами, хитрыми мордочками лис.

Краеугольный расчет не был найден, но в эти мгновения конструктор продвинулся в своих поисках на один шаг вперед.

На заводе Аркадий Дмитриевич оказывался в сумятице неотложных дел, которые не имели

прямого отношения к его замыслу. По логике вещей, они должны были угнетать, поскольку уходили от того главного, что теперь заполняло все существо, мешали спокойному течению мысли. Но кто объяснит сложность человеческого разума?

Непостижимым образом тревоги заводского дня рождали у конструктора взрывы энергии. Происходило чудо, подобное тому, когда колеблющийся маятник «захватывает», приводит в движение своего неподвижного двойника. Где-то в недрах души срабатывал подобный же принцип, и рожденная энергия «захватывала» увядшую мысль и вела ее дальше.

Девяносто девять процентов пота были еще впереди. Пока работал основной «эддисоновский» процент — процент творчества. Нужно было вырваться из обыденных представлений, разорвать их прочную цепь, которая заколованным кругом неизменно возвращала к старому.

Расшатать устои одним усилием воли почти невозможно. Тут без постороннего вмешательства не обойтись. Нужен могучий импульс, который перекроет, погасит в нас то, что укоренялось годами.

Сотворить это чудо Аркадию Дмитриевичу всегда помогала музыка. Симфонии и сонаты Бетховена, насыщенные огромным драматизмом и эмоциональной силой, оказывали на него неотразимое воздействие. Они переворачивали душу, возносили на высоту, откуда открывались новые горизонты.

Потрясенный Аркадий Дмитриевич возвращался с симфонических концертов, уединялся в кабинете и подолгу оставался там со своими мыслями, всем существом ощущая обновление.

А дома царил Шопен. Он был любим во все времена, но далеко не безоговорочно. Его грациозные полонезы, воздушные вальсы, щемящие ноктюрны в часы таких творческих взлетов отзвука в душе не находили.

Ему нужен был другой Шопен, тот, который мучился, сомневался, не находил успокоения и вновь провозглашал героический порыв.

За роялем Аркадий Дмитриевич преобразился. Его лицо становилось возвышенно-красивым, даже величественным, руки над клавишами взлетали легко, молодо. Звучал Этюд № 12, и будто могучий прибор врывался в квартиру. Жалобным звоном хрустала отзывались подвески в люстре, и все, что было вокруг, словно участвовало в этом взрыве творчества.

В юности, проводя отведенный матерью час за старенькой фисгармонией, застенчивый пермский реалист не думал, что музыка станет для него доброй спутницей в жизни. Его робкие протесты не принимались в расчет, и он подчинился материнской воле. Что заменило бы ему музыку сейчас, в пору творческой зрелости? — Ничего. Она оказалась необходимой.

Теперь лист бумаги, когда Аркадий Дмитриевич оставался с ним наедине, больше не превращался в «зверинец». Двигатель перестал быть видением и приобрел реальный облик. Он еще был полон загадок, но вырисовывалось главное — принцип. Рождалась двухрядная звезда с воздушным охлаждением, которая предвещала невиданные мощности.

Уходящий тридцать восьмой год принес немало разочарований. Но он дал и высшее удовлетворение, какое может испытывать творец. Отказ от старого не нанес душевной травмы, напротив, он вызвал небывалую энергию, что уже само по себе было счастьем.

Соратники

Около полудня у заводууправления остановился новенький «ЗИС», из него вышел невысокий, широкий в плечах человек в длиннополой шинели и меховой шапке. Пройдя через две стеклянные двери, он кивнул вахтеру и назвал: «Гусаров». Вахтер по-военному бросил руку под козырек и, едва Гусаров миновал вестибюль, снял трубку внутреннего телефона и доложил: «Секретарь обкома».

Аркадий Дмитриевич познакомился с Гусаровым на заводе. Первая их встреча была короткой, почти на ходу. Гусаров решил осмотреть ультрасовременный литейный цех, где, как говорили, все пылинки наперечет, а люди работают в белых халатах. В провожатые он взял себе не начальство, а рабочего-формовщика, с которым успел, по случаю, встретиться в обкоме.

Они уже подходили к цеху, а навстречу — Аркадий Дмитриевич с калькой в руке. Формовщик и представил его Гусарову: «Наш главный конструктор и технический директор».

— Товарищ Швецов? Очень приятно. — Секретарь обкома протянул руку. — Будем знакомы: Гусаров Николай Иванович.

Аркадий Дмитриевич хотел было тоже пойти в литейный, но Гусаров запротестовал:

— Не смею отрывать от дела. Через часок сам непременно к вам зайду.

В цехе секретарь обкома пробыл недолго. Из города позвонил его помощник и передал, что на проводе Москва — через сорок минут состоится разговор с секретарем ЦК. Пришлось срочно покинуть завод.

Вторично Гусаров приехал на моторостроительный, когда прошло что-то около недели.

Аркадий Дмитриевич просматривал компоновку и, углубившись в чертеж, не услышал, как открылась дверь. Неожиданно у самого его стола словно вырос Гусаров. В гимнастерке и галифе он казался ниже ростом и не таким широкоплечим, как в шинели, и всем своим обликом надомынил кого-то виденного не то на портретах, не то в жизни.

Гусаров заговорил первым. Против ожидания, он начал не с вопросов, а с фразы, которая мгновенно расположила к нему:

— Я ведь тоже некоторым образом авиационник, правда, скорее в душе.

Он произнес это с улыбкой.

— Это очень приятно,— откликнулся Аркадий Дмитриевич.

Гусаров выложил подробности в нескольких словах: в молодости был на партийной работе, потом запросился на учебу и дошел до последнего курса авиационного института, но неожиданно его отозвали и вновь направили на партийную работу. Так и не состоялся в его лице инженер авиапрома.

Николай Иванович говорил об этом спокойно, но от Швецова не ускользнула чуть затаенная грусть.

Аркадий Дмитриевич вспомнил, что и ему диплом инженера дался с трудом. Поступил в Высшее техническое училище в 1909 году, а окончил его в 1921-м. И не то чтобы двенадцать лет грыз гранит науки, сама жизнь устроила перерыв. Кончил два курса, а из Перми телеграмма от матери: «Отец скончался». Что делать? Ответил домашним: «Приезжайте в Москву». Они приехали — мать, два брата и две сестры, а как жить такому семейству? Вот и пришлось бросить Высшее техническое, податься на заработки. Кем только он ни работал в эти годы! Репетитором, корректором в типографии, токарем на заводе, прорабом на стройке электростанции... И все ради хлеба насущного.

Гусаров слушал с удивлением. Он не предполагал, что Швецов, знаменитый конструктор, имеет за плечами такую прозаическую историю!

Тогда они расстались, чувствуя друг к другу симпатию.

И вот Гусаров опять на заводе. На этот раз его привело сюда дело чрезвычайной важности. Накануне он возвратился из ЦК, где шел разговор о наиболее важных вопросах авиации, и там договорились о вещах, в которые непременно надо было посвятить Швецова.

У Аркадия Дмитриевича только что закончилось совещание. Оно прошло бурно. Кто-то из технологов обвинил технического директора в том, что он больше главный конструктор, что интересы КБ для него выше всего прочего. Аргумент был не очень значительный, но технолог оказался человеком эмоциональным, и его речь возымела действие. Все, кто находился в кабинете, притихли, ожидая бури.

На какое-то мгновение Аркадию Дмитриевичу показалось, что технолог решил произвести впечатление борца за правду-матку, потому и отважился на дерзость. «Хотя, почему дерзость? — тут же пресек Аркадий Дмитриевич эту мысль. — Он технолог и отстаивает свои интересы. Вполне логично. Истина прорывается наружу, только и всего».

Бури не последовало. Справившись с волнением, Аркадий Дмитриевич ответил:

— Не стану отрицать. Это так.

Никто не предполагал, что главный завершит разговор таким образом. Совещание продолжалось обычным порядком, даже прямолинейный технолог и тот помягчел.

Оставшись один, Аркадий Дмитриевич захотел отвлечься от неприятного совещания и взял свежие иностранные технические бюллетени. Он свободно читал по-французски, вполне успешно справлялся с английским и немецким. Он и сотрудников своих настойчиво приучал к иностранной периодике.

На этот раз знакомство с журнальными новинками не состоялось. Никак не выходило из головы обвинение технолога. Да, сидеть дальше в двух креслах нельзя. Надо полностью переключиться на работу в КБ. Занимать два кресла — это значит не сидеть ни в одном. Дело даже не в упреках, хотя они и жестоки. Налицо бессмысленность этой двукресельности. Разумеется, в исключительных обстоятельствах возможно всякое, но не всякие обстоятельства надо считать исключительными. В самые первые годы после пуска завода, видимо, имело смысл сосредоточить все инженерные службы в одних руках. Но сейчас-то к чему?

Прав, черт возьми, этот технолог. Хорошо видит. Умница..

— О ком такие лестные отзывы?

Аркадий Дмитриевич, видно, адресовал свой комплимент технологу вслух, откуда иначе такой вопрос у Гусарова? Швецов отошел от окна, поздоровался, предложил сесть.

Секретарь обкома сразу заговорил о деле. В ЦК есть мнение провести совещание ведущих конструкторов авиапрома. Всех — и самолетчиков и мотористов. Ему придается важное значение, поскольку есть намерение именно с этого начать подъем отрасли. Совершенно очевидно, что причина созыва такого совещания одна — итоги деятельности нашей авиации в Испании. Разговор, следовательно, пойдет о создании новейшей техники.

Гусаров словно излагал заранее подготовленные тезисы. Был краток, в комментариях не вдавался.

— И когда? — спросил Аркадий Дмитриевич.

— Надо срочно подготовиться и ждать вызова, — ответил Гусаров. — Скорее всего, в самом начале нового года.

Этот разговор состоялся в двадцатых числах декабря.

Аркадий Дмитриевич имел все основания полагаться на свою память. Она у него была удивительная.

Своему сотруднику он говорил:

— Мне очень срочно нужен английский журнал «Машиностроение». За прошлый год. Там есть статья об усовершенствовании кокильного литья. Кое-что хотелось бы посмотреть.

— Какая обложка?

— Синяя. На ней изображен фрезерный станок. Страница, помнится, двадцать шестая.

Когда приносили журнал, статья оказывалась именно на этой странице.

Да что там прошлогодний журнал! Аркадий Дмитриевич отчетливо помнил алгебраическую задачу, которую ему предложили на выпускных экзаменах в реальном училище. Тридцать лет назад!

Однажды, приехав с шефской миссией в Пермский машиностроительный техникум, кото-

рый, кстати, помещался в здании «реалки», он разговорился с преподавателями физики и математики, поинтересовался учебными пособиями. Ему показалось, что эти пособия несут печать школярства, хотя и предназначены для людей, которым необходима основательная математическая подготовка.

Швцову возразили: мол, учебники написаны не для ученых мужей, ими пользуются молодые ребята.

Тогда он и набросал на доске ту самую задачу, которую решал в свои шестнадцать лет.

На такую память смело можно надеяться. Не случайно Аркадий Дмитриевич пренебрегал записными книжками. Огромный фактический и цифровой материал надежно хранился в его уме.

Вот и сейчас, направляясь в Москву, он не обременен никакими документами. В маленьком чемоданчике только самое необходимое: смена белья, пара галстуков, любимый одеколон да книга, которую не успел дочитать дома. Ни чертежей, ни расчетов. И не только потому, что подобные вещи брать с собой в дорогу, мягко говоря, не рекомендуется. Понадобится чертеж — он его сделает по памяти, потребуется расчет — тут же набросает.

Старенький пассажирский самолет уже около часу в воздухе. Он трудно набирал высоту, припадая то на крыло, то на хвост, и теперь, выбравшись, наконец, на положенную горизонталь, помчался молодо и резво. Мотор тянул ровно и уверенно. М-62. А сколько они помучились с этим двигателем! То стучали цилиндры, то стружка оказывалась в масле...

Странно, в полете об этом думается как-то спокойно, не так, как на земле. Как будто и не было никаких трудностей.

Люди выбились из сил, пока определили моторесурс этого М-62. Шесть часов непрерывной работы — и выход из строя, потом девять часов, потом одиннадцать...

После каждого выхода из строя приходилось все начинать сначала. Ох уж эта доводка! Она выматывает всю душу.

А сейчас вон как ладно рокочет. Пилоту этот рокот слаще музыки. А знает ли он, что если предпринять совсем несложную модификацию, то этот самый М-62 накинёт еще процентов двадцать мощности!

Хотя... Теперь-то уж вряд ли придется заниматься модификацией. Гусаров сказал, о чем пойдет речь на совещании: о новой технике. Об М-62 там и не вспомнят. К нему успели привыкнуть, он стал «своим человеком» в авиации. Спросят: «Что нового?»

Любопытно, что это будет за совещание. Возможно, придет Сталин, он весьма пристрастен к авиации. Говорят, даже сведущ во многих вопросах. Интересно...

Был уже поздний час. Неподвижность и монотонный гул клонили ко сну. Хотелось сосредоточиться, представить себе завтрашнее совещание, но дремота взяла свое.

Аркадий Дмитриевич очнулся, когда подлетали к Москве.

Из кабины вышел штурман и сообщил, что самолет сейчас пойдет на снижение и потому надо пристегнуть ремни.

Под ногами что-то гроыхнуло — это летчик выпустил шасси. Самолет, словно запнувшись, слегка качнулся вперед. Москва.

Доклад Сталину

Кремлевский зал, в котором должно было проходить совещание, имел овальную форму, и поэтому все, кто там находился, казалось, сидели совсем близко, почти рядом.

Аркадий Дмитриевич встретил многих старых знакомых. В креслах чинно сидели Поликарпов, Микулин, Ильюшин¹, Архангельский², руководители наркомата авиапрома и аэрогидродинамического института, видные военные летчики. Еще больше среди присутствующих было незнакомых людей, но одно то, что они здесь находились, говорило об их причастности к авиации.

Незадолго до начала совещания, прогуливаясь в вестибюле, Аркадий Дмитриевич лицом к лицу встретился с Поликарповым. Они дружно поздоровались, обменялись ничем не значащими словами. Серьезный разговор не клеился, было видно, что Поликарпов занят своими мыслями. Гибель Чкалова, которую в конце прошлого года пережила страна, угнетала его. Ведь катастрофа случилась с истребителем И-180, который он выстрадал и на который возлагал большие надежды. А тут еще посыпались репрессии на близких ему людей, помогавших создавать эту машину... Тяжело было смотреть людям в глаза.

Едва Поликарпов скрылся в зале, появился Михаил Моисеевич Каганович, сравнительно недавно назначенный наркомом авиапрома. Он был озабочен предстоящим совещанием, это выдавал его рассеянный взгляд, однако не увидев Швецова он не мог — Аркадий Дмитриевич и здесь был едва ли не выше всех ростом. «Что слышно в Перми? — торопливо поинтересовался нарком и, не дожидаясь ответа, кивнул на дверь зала: — Исключительно важное мероприятие!»

Подошел Микулин, молодежавый, подтянутый. Давненько они не виделись, чуть ли не со времени его приезда в Пермь на приемку завода. Много воды утекло с тех пор, было о чем поговорить. Но говорить не хотелось, потому что неизбежно пришлось бы коснуться положения дел в их КБ, и тогда это была бы уже не беседа уважающих друг друга коллег, а спор носителей противоположных идей, которым очень непросто найти общий язык.

Выручил Климов³. Он приветствовал обоих учтивым поклоном и тут же, взяв Микулина под руку, увлек его в зал.

Как конструкторы, Микулин в Москве и Климов в Рыбинске выступали в одном амплуа. У них были довольно сильные КБ, пользовавшиеся всеми преимуществами большой объединенной школы, о чем на периферии можно было только мечтать.

Уже в силу своей центральной «прописки»

¹ Ильюшин Сергей Владимирович — Генеральный авиаконструктор, дважды Герой Социалистического Труда, академик.

² Архангельский Александр Александрович — авиаконструктор, Герой Социалистического Труда, академик.

³ Климов Владимир Яковлевич — Генеральный конструктор авиадвигателей, Герой Социалистического Труда, академик.

эта школа была значительно авторитетнее совсем юной школы Швецова, которая только переживала становление. Одаренные молодые люди с дипломами, стоя перед выбором, естественно, предпочитали работать в центре, нежели на Урале. Тем более, что тут были под боком крупные исследовательские центры, сулившие возможность научной карьеры.

А в Перми что? Костяк КБ составили инженеры технического отдела завода, которых главному удалось обратить в «конструкторскую веру», а обростал этот костяк молодыми ребятами, окончившими машиностроительный техникум. Так что школа Швецова была школой и в самом буквальном смысле.

Заложив руки за спину, Аркадий Дмитриевич вышагивал по ковровой дорожке и в который уж раз думал обо всех этих проблемах. Здесь они почему-то не казались такими многозначительными, как дома. Может быть, потому, что уже сегодня, через каких-нибудь несколько часов, будущее его КБ могло круто измениться.

В зале, между тем, уже были заняты почти все места. Пустовал только стол президиума.

Но вот открылась боковая дверь, и показался Сталин. Все поднялись со своих мест, приветствуя его и шедших с ним рядом Ворошилова и Молотова. Они расположились за столом, и совещание началось.

Молотов председательствовал. Перед ним лежал список конструкторов, и он, сверкая стеклами пенсне, наклонялся к нему и объявлял имя и должность очередного оратора.

Оратор же стоял у стола президиума и был не оратором в привычном понимании, а скорее учеником, которого внезапно решили проэкзаменовать. Сама обстановка не допускала пылкой речи, обстоятельно изложенной на бумаге и тщательно отрепетированной. Торжественный настрой исключало уже то, что Сталин все время прохаживался по залу, попыхивая своей неизменной трубкой и изредка бросая оценивающие взгляды на выступавших конструкторов.

Говорить нужно было кратко, чтобы в немногих словах ответить на вопросы, поставленные в самом начале совещания перед конструкторами: над чем работаете? Над чем думаете работать?

На стенах были развешены чертежи и диаграммы.

Аркадий Дмитриевич отыскал глазами схему нового двигателя Микулина и, напрягая зрение, стал ее рассматривать. Сопоставление с предшествующим образцом говорило в пользу конструктора. Двигатель был компактнее и значительно мощнее.

Получив слово, Микулин рассказал об этой новой работе. Он говорил горячо, ничто его не сковывало, и такая уверенность исходила от него, что непосвященным могло показаться, будто при них родилась сама идея авиационного мотора.

Однако в зале не было непосвященных. Были сторонники двигателей водяного охлаждения и были их противники. Сторонников гораздо больше, и это все знали. Раньше всех это знал сам Микулин, который отлично понимал, что в этой аудитории любое его слово на вес золота.

Аркадий Дмитриевич слушал Микулина с двойственным чувством. С одной стороны, ему очень импонировал этот выдающийся инженер, яркий конструкторский талант, племянник Жуковского. С другой стороны, никак не удавалось отделаться от странного ощущения, будто он, Микулин, заблуждается и знает об этом, но уже не в силах остановиться и тем более свернуть со своего пути.

Это было навеяно какой-то мимолетной мыслью. Сама мысль ускользнула, а ощущение осталось.

Все же Аркадий Дмитриевич не хотел давать волю чувству. Он больше доверял разуму и предпочитал опираться на достоверные факты. А фактов у него не было.

«Слишком много нетерпимости,— укорял он себя. — В конце концов, почему не могут существовать водяные и воздушные двигатели? Только слепому не видно, что «водянка» служит большую службу. А раз так, значит, она нужна.

Даже хорошо, что у «воздушки» есть антипод. По крайней мере, борьба будет не академической. А оценки, как всегда, расставит само время...»

Охладив себя этим рассуждением, Аркадий Дмитриевич стал приводить в систему мысли, которые намеревался высказать. Он понимал, что судьба двухрядной звезды будет во многом зависеть от того, как он обоснует здесь свою идею. Нужно выразить самую суть, принцип и заключить сопоставлением с однотипным, скажем, американским двигателем.

Сверкнув стеклами пенсне, Молотов объявил: — Товарищ Швецов Аркадий Дмитриевич, главный конструктор Пермского моторостроительного завода.

Аркадий Дмитриевич легко поднялся со своего места и направился к столу. По пути он перехватил брошенный на него Сталиным взгляд, и приготовленная было начальная фраза словно растворилась в памяти, никак не удавалось ее вспомнить. Понадобилось несколько секунд, чтобы собрать волю.

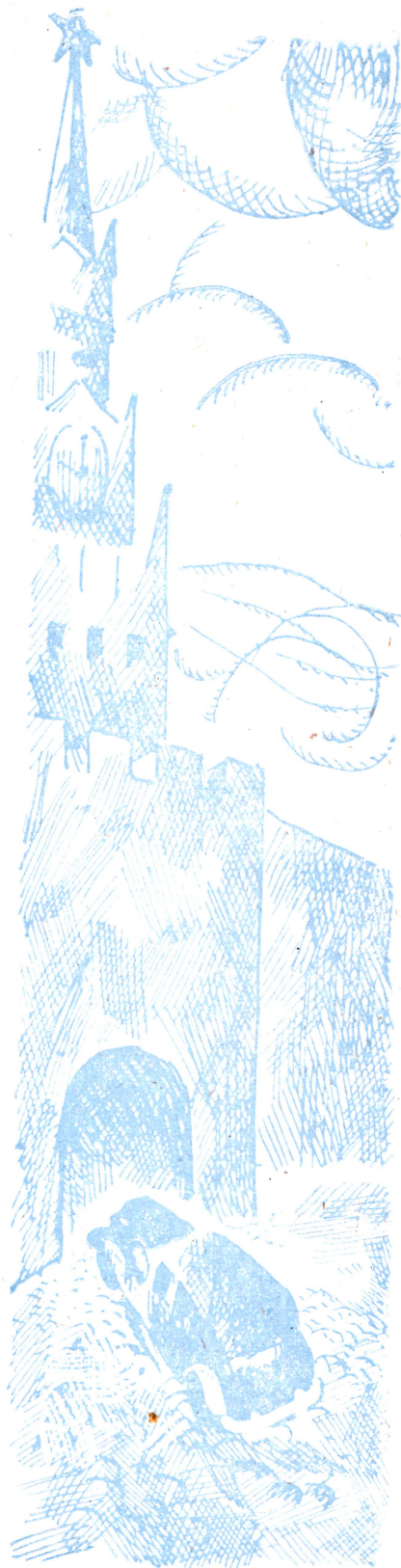
Овладев собою, он обрел равновесие, и уже ничто не могло его смутить. Хорошо, что говорить надо у стола, а не на трибуне. Не надо напрягать голос. По существу, предлагалось поразмышлять вслух, и это было по душе.

Едва Аркадий Дмитриевич заговорил о двухрядной звезде, как сразу почувствовал себя в фокусе внимания. И конструкторы и военные летчики сразу поняли, что речь идет не о «дежурном блюде», а о чем-то таком, что предлагается в противовес микулинской школе. Это было интересно само по себе, но тем более потому, что идея была не московского, а периферийного происхождения.

Воцарилась абсолютная тишина. Ее нарушали только медленные и мягкие шаги Сталина.

Понимая, что нужно быть немногословным и предельно точным, Аркадий Дмитриевич сообщил самое главное:

— Наш новый двигатель будет четырнадцатилетцилиндровым. Все цилиндры располагаются звездообразно в два ряда. Размещенные по лучам двух одинаковых звезд, цилиндры задней звезды вписываются в интервалы между цилиндрами передней звезды. Этим достигается равномерное воздушное охлаждение всего двигателя. Предполагаем последовательно осуществить два варианта — длинноходовой и короткоходовой.

Во втором варианте, чтобы уменьшить лобовую площадь двигателя, мы решили пойти на снижение высоты цилиндра. А для того чтобы укорочение хода поршней не сбавило мощность двигателя, увеличим подачу топлива в цилиндры, повысив за счет этого число оборотов.

Авиаконструкторы, сидевшие в зале, отлично понимали, какие перспективы открывает идея Швецова. Его двигатель позволит выбрать наилучшие формы фюзеляжа и, следовательно, даст возможность уменьшить лобовое сопротивление самолета, то есть повысить скорость. Ведь это выстрел в самую точку!

Но сейчас их более всего интересовала мощность двигателя, только цифра и ничего другого.

Утоляя это нетерпение, Аркадий Дмитриевич заключил:

— Теперь о мощности. Имея вес восемьсот пятьдесят килограммов, наш двигатель разовьет мощность в первом варианте — до тысячи шестисот и во втором — до тысячи семисот лошадиных сил. Это значительно превосходит однотипные американские моторы системы «Райт-Циклон».

По залу прокатился приглушенный говорок. Он тотчас же прекратился, потому что с вопросом к Швецову обратился Ворошилов.

— Когда мы сможем получить двигатель?

Аркадий Дмитриевич не был готов ответить на такой вопрос. Он смущенно улыбнулся, неопределенно пожал плечами.

Сталин, оторвавшись от трубки, бросил:

— Подумайте.

Это прозвучало как совет. Только потом Аркадий Дмитриевич понял, что это был приказ.

«А вместо сердца — пламенный мотор»

В марте в Москве прошел XVIII съезд партии, и Гусаров возвратился в Пермь с мандатом кандидата в члены ЦК. Неотложные дела все мешали ему выбраться на завод, и он откладывал встречу с Швецовым со дня на день.

Об этой встрече Николай Иванович думал еще в Москве. Поздними вечерами, после напряженных часов съездовских заседаний и важных деловых встреч, он возвращался в гостиницу и, валясь от усталости, все же раскрывал свою записную книжку, чтобы подытожить прошедший день. Перебирая страницу за страницей, он подолгу задерживался на контрольных цифрах новой пилетки и в который уже раз углублялся в запись с пометкой «Об авиации».

Только ему одному понятными обозначениями Николай Иванович законспектировал речь Ворошилова, который по праву наркома обороны обстоятельно рассказал съезду о состоянии военно-воздушных сил. Выходило так, что наши дела хороши, как никогда. Во всех видах авиации и рост, и скорости, и высоты, и дальности. Собственно говоря, все это было чистой правдой, которую подтверждали внушительные цифры. С точки зрения статистики, выкладки наркома были безупречны. Но одно обстоятельство вызывало досаду: он сравнивал с 1934 годом. Словно не было в помине Испании.

Но что по-настоящему радовало, так это темпы развития истребительной авиации. Ворошилов подчеркнул: рост в два с половиной раза. Разумеется, он и не упомянул Пермский моторостроительный, но Гусаров хорошо знал, чей вклад сколько весит.

Обо всем этом ему хотелось рассказать Швецову.

И Аркадию Дмитриевичу не терпелось свидеться с Гусаровым. Он знал о его возвращении домой и в глубине души надеялся, что вот-вот секретарь обкома даст о себе знать.

Встреча с Гусаровым была необходима. После совещания в Кремле Аркадий Дмитриевич уже не расставался с мыслью о создании современного конструкторского бюро. Ему виделось крупное предприятие с опытными цехами, с просторными конструкторскими залами и лабораториями.

Часто, идя на завод, он ловил себя на том, что по-детски загадывает желаемое. Хорошо бы так: на завод пришла директива из высших инстанций — и все завертелось, пришло в движение. А что, если такая директива поступила минувшей ночью, и сейчас, едва он переступит порог кабинета, ему торжественно ее преподнесут?

Аркадий Дмитриевич обрывал эту игру воображения, еще не переступив порога своего кабинета. Здесь она казалась неуместной.

В один из таких дней Швецов сам позвонил Гусарову.

У секретаря обкома шло совещание. Было слышно, как он сказал кому-то: «Извините, это Швецов». И сразу же забросал Аркадия Дмитриевича вопросами: «Что нового? Здоровье как? Удается ли выкроить вечером часок-другой?»

Они сговорились о встрече, и остаток дня Швецов провел в напряженном ожидании. Ему казалось, что он не готов к серьезному разговору. Что толку вновь повторять свою идею? Нужно предложить радикальное решение.

Есть только один путь: дать новый двигатель. Но для этого надо быстрее закончить проект. Тогда, на совещании, Сталин бросил всего одно слово: «Подумайте». Оно было сказано после того, как Швецов не нашелся, что ответить Ворошилову. Значит, быстрота — самое главное.

Гусаров внимательно выслушал эти соображения. Доводы главного конструктора казались резонными. Но что получается? Готовый двигатель появится не так уж скоро, а это значит, что быстро решить вопрос о создании современного КБ не удастся.

— Как же быть? — Аркадий Дмитриевич с надеждой смотрел на Гусарова.

Николай Иванович чуть помедлил и ответил неопределенно:

— Вот и я думаю: как быть?

На этот раз они просидели в домашнем кабинете Гусарова до самого рассвета. На столе осталась пепельница, которую хозяин дома к концу разговора заполнил окурками «Казбека». После долгих раздумий они составили обстоятельную докладную записку, которую решили послать в Москву. Были в ней и трижды продуманные до-

воды, и веские ссылки на решения прошедшего съезда партии, и добрая порция эмоций. Весь этот заряд казался им точным и неотразимым.

А где-то около полудня следующего дня Гусарова вызвал по телефону Кремль. Закончив разговор, он тотчас соединился с Швецовым и возбужденно сказал:

— Докладную — отставить. Намечено новое совещание по авиапрому. У Сталина. Там выскажете лично.

И он назвал дату.

Снова Москва, Кремль и знакомые лица — Климов, Микулин, Ильюшин, Яковлев¹, Лавочкин²... Они разбрелись по просторной приемной, и, не в силах скрыть волнения, ожидают вызова. В напряженной тишине бесшумно раскрывается высокая дверь, и с блокнотом в руках входит Поскребышев, личный секретарь Сталина. Отчеркнув что-то на листке бумаги, он называет имя конструктора.

На прошлом совещании обо всем говорили при всех. На этот раз порядок иной: Сталин решил побеседовать с каждым конструктором с глазу на глаз. Да и круг приглашенных значительно уже, чем в тот раз.

Одни выходят довольно быстро и, едва очутившись в приемной, утирают платками разгоряченные лица. Другие, находившиеся в кабинете дольше, торопливо достают из карманов папиросные коробки или портсигары и с наслаждением затягиваются дымом. Судя по всему, за высокой дверью разговоры не из легких.

И все-таки каждый наперед знает, о чем его спросят. Знает это и Швецов. О новом двигателе. Спросит опять, конечно, о том, когда этот двигатель получат самолетчики. Что на это ответить? Разработка проекта окончена, значит, задержка

по вине главного конструктора невозможна. Теперь все будет зависеть от быстроты продвижения проекта.

Как водится, его, моториста, захотят «спарить» с кем-либо из самолетчиков. Что ж, не исключено, что есть хороший проект у Поликарпова или, к примеру, у Лавочкина — молодой он, а говорят — блестящий талант...

Бесшумно растворилась дверь, и появившийся с блокнотом в руках Поскребышев объявил:

— Товарищ Швецов Аркадий Дмитриевич.

...Настойчивый звонок поднял Гусарова с постели. Извинившись за беспокойство, пермская телефонистка соединила секретаря обкома с Москвой.

На проводе был Швецов. Никогда Гусаров не предполагал, что Аркадий Дмитриевич способен запеть, да еще по телефону! Но в трубке отчетливо слышалось:

Нам разум дал стальные руки-крылья,

А вместо сердца — пламенный мотор...

Швецов оборвал песню и безудержно расхохотался. Успокоившись, наконец, поздоровался с Гусаровым.

— Что случилось? — Николай Иванович был не на шутку встревожен.

— Все чудесно и распрекрасно! — кричал в трубку Аркадий Дмитриевич. — Сверх всяких ожиданий! Полное понимание и поддержка!

Гусаров не сразу нашелся, что и ответить. Сон у него как рукой сняло, но то, что он услышал, походило на сон.

— Аркадий Дмитриевич, дорогой! — теперь уже кричал Гусаров. — От всего сердца поздравляю! Жму руку! ОКБ — это здорово!

Двухрядная звезда

В 1939 году в далекой от западных границ Перми каждый жил ожиданием вестей о событиях в Европе. Люди с тревогой читали международную хронику.

Пятнадцатого марта чехословацкий президент Гаха подписал берлинский акт, и Чехословакия стала германским протекторатом.

Двадцать второго марта Германия вынудила Литву подписать соглашение о передаче немцам Мемельской области с портом Мемель (Клайпеда).

Двадцать третьего марта Германия заключила соглашение с Румынией.

Двадцать восьмого апреля Гитлер на заседании рейхстага заявил об аннулировании польско-германского пакта о ненападении.

В Европе запахло порохом, — это было ясно даже неискушенным в политике людям.

Тревожным выдалось это лето. На заводе прошли митинги, ораторы то и дело напоминали

указание прошедшего партсъезда об усилении оборонной мощи. Теперь это указание уже не казалось простым лозунгом.

В конструкторском бюро спешно пересматривали планы. Главного одолевали представители парткома и цехкома, они считали, что нужно принять и обнародовать специальные обязательства.

Аркадий Дмитриевич никогда не давал увлечь себя общественной работой. Ему все казалось, что это будет в ущерб его главному делу. Но тут он переменил позицию. Обстановка подсказывала, что такое обязательство не будет пустой формальностью. Оно мобилизует конструкторов.

В конце июля в заводской газете появилось сообщение, что конструкторы включаются в соревнование имени XVIII съезда ВКП(б). Тут же были приведены обязательства:

«В основу обязательств положена борьба за высшее качество проектируемых конструкций, за сокращение сроков их испытаний...»

Обстановка требовала осторожности, не все можно было называть своими именами. Потому несколько туманно выражена главная часть обязательств:

«Наш коллектив поставил своей задачей провести два официальных заводских и одно государственное испытание, а также внедрить в серийное производство опытные объекты в полном

¹ Яковлев Александр Сергеевич — Генеральный авиаконструктор, дважды Герой Социалистического Труда, член-корреспондент АН СССР.

² Лавочкин Семен Алексеевич — Генеральный авиаконструктор, дважды Герой Социалистического труда, член-корреспондент АН СССР.

соответствии со сроками, установленными наркомом нашей промышленности...»

Теперь конструкторы были на виду у всего завода. Они заявили о себе как полноправные хозяева, которые знают, на что можно рассчитывать в своем доме. Время «квартиранства» кончилось.

Что же, однако, подразумевалось под объектами, которые предстояло запустить в серию «в полном соответствии со сроками, установленными наркомом»?

На тридцать девятый год наркомат запланировал выпуск нового варианта девятицилиндрового двигателя, который предназначался для истребителей и транспортных самолетов. Он родился из предыдущих модификаций однорядной звезды, но по всем статьям превзошел своих предшественников. Его взлетная мощность достигала тысячи ста лошадиных сил, а высотность — четырех с половиной тысяч метров.

Но о самом главном, чем жило в те дни КБ, в обязательствах не было сказано ни слова. Это сохранялось в тайне, и самые строгие грифы надежно прикрывали ее от постороннего глаза.

Под руководством Швецова конструкторы устранили последние огрехи в проекте двухрядной звезды. Их никто не торопил, но они знали, что работа эта сверхсрочная. Главный докладывал о своем проекте Сталину, значит, все, что происходит в КБ, теперь под контролем Кремля. Никакие отсрочки или скидки уже невозможны.

Аркадий Дмитриевич видел будущий двигатель с такой отчетливостью, как если бы он только что, у него на глазах, сошел с конвейера. По желанию своего создателя мотор представлял перед ним то разъятым на детали, то дрожащим от напряжения на испытательном стенде, то сращенным с самолетом. Главный чувствовал двигатель в любом мыслимом для него состоянии. Он уже видел то, что для других еще было загадкой.

Одно ни у кого не вызывало сомнений — выдающиеся проектные характеристики мотора. Они восхищали всех без исключения. Часто наезжая в наркомат, где можно было уловить новые веяния, встречаясь со специалистами из других КБ, заводским ни разу не удалось прослышать ни о чем таком, что хотя бы отдаленно повторяло идею Швецова.

Собственно говоря, сама двухзвездная схема не была открытием. Цилиндры такого двигателя расположены по лучам одинаковых звезд. Если смотреть по оси вала, то видишь все цилиндры сразу. Вал имеет два колена, смещенных на пол-оборота. Такая схема была известна американским конструкторам. Их четырнадцатилцилиндровый «Райт-Циклон» считался венцом моторостроения. До той поры, пока не родился проект Швецова.

Аркадий Дмитриевич создал мотор, который отличался от своих зарубежных собратьев малой лобовой площадью. Над этим бились конструкторы во многих странах. Они понимали, что такое решение позволит выбрать наилучшие формы фюзеляжа, уменьшить лобовое сопротивление самолета. Но реализовать эту задачу, которая в моторостроении значилась под номером один, никому не удавалось.

Это удалось Швецову. Во втором варианте ему пришлось снизить высоту цилиндров. Укоротить ход поршней — значило уменьшить мощность. Но он повысил обороты за счет большего поступления топлива в цилиндры. И хотя диаметр двигателя оказался на сто сорок миллиметров меньше, чем у «американца», мощность его была намного больше.

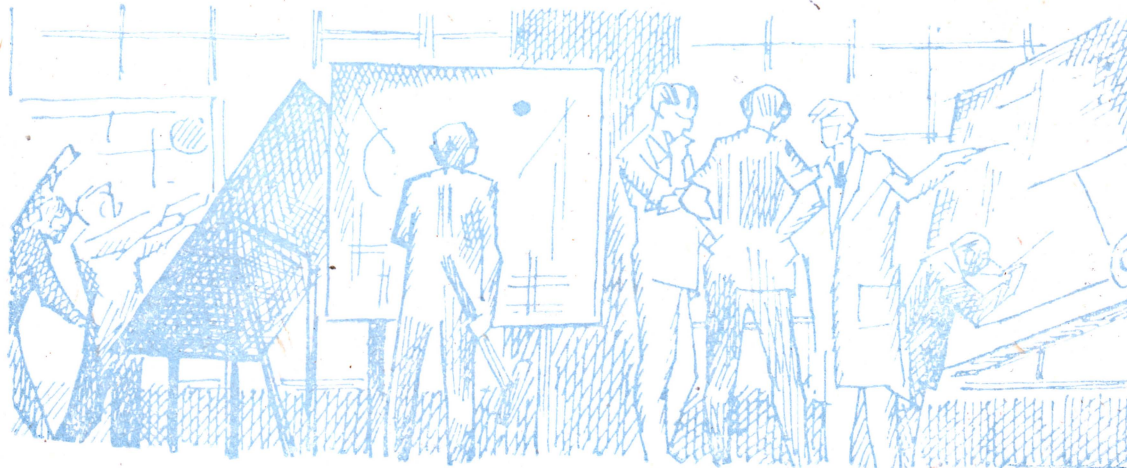
Швецов сказал свое слово. И теперь, подписав обращение, он ждал, что ответит завод.

И завод ответил: опытный образец нового двигателя предъявлен к стендовым испытаниям даже раньше, чем предполагал главный.

Могуче ревет двухрядная звезда. Ее запустили с первой попытки, и испытатели восприняли это как счастливый знак. Они улыбаются, хлопают друг друга по плечам, что-то говорят, не надеясь, впрочем, что их услышат в этом крошечном аду.

На испытательной станции такой шум, будто произошел взрыв, эхо которого бьется в стенах станции и никак не может утихнуть. Бешеный бег поршней в четырнадцать цилиндрах сотрясает двигатель, и эта неумная дрожь передается всему вокруг. Труднее всех мотористам: тяжестью наливаются затылок, до последнего предела напрягаются барабанные перепонки, одно спасение — чуть приоткрытый рот.

Аркадий Дмитриевич тут же. Грохот двигателя не мешает ему быть сосредоточенным.

У него есть программа, и она во что бы то ни стало должна быть выполнена.

Пройдут часы, двигатель будет остановлен. Его разберут по «косточкам», чтобы проверить износ деталей, устранят дефекты. Потом соберут и опять пустят, только на этот раз ему придется работать значительно дольше. Затем снова разборка и тщательная ревизия, и опять пуск. Так будет не два, и не три раза — значительно больше. Если понадобится, доведут его до полного разрушения: мертвый, он тоже о многом расскажет.

Все это еще впереди, но сейчас главный доволен: начало неплохое. Может быть, это тот счастливый случай, когда доводка не выматывает душу, когда дело ладится, и «новорожденный» не выказывает свою строптивость. Так бывает не часто, даже очень редко. Но очень хочется верить, что на этот раз будет именно так.

Когда придет ночь и тревожным сном забудутся люди, участвовавшие в испытаниях, главный

еще долго не сможет уснуть. Среди ночи он поднимется с постели и будет звонить на испытательную станцию, узнавать, что и как. Дежурный даст ему информацию и положит телефонную трубку. А главный включит настольную лампу и скоротает часок-другой за расчетом, который понадобится утром.

Неожиданно в самый разгар работы Аркадий Дмитриевич получил приказ выехать в Германию с группой авиационных специалистов. Две цели поставил наркомат перед отбывающими в командировку: познакомиться с новой немецкой техникой и провести переговоры о закупке некоторых образцов машин.

Аркадий Дмитриевич уже дважды выполнял подобную миссию: в тридцать первом и тридцать третьем годах. Но то были командировки в Америку, а сейчас ему предстояло отправиться в страну, которая развязала новую мировую войну.

Берлин

Вручая гостю ключ от номера, портье отеля «Адлон» учтиво сказал:

— Герр Швецов, в случае воздушного налета вам придется спуститься в бомбоубежище.

Было странно слышать это предупреждение. Оно никак не вязалось ни с ритмом жизни, ни с самим обликом огромного города.

Берлин просыпался как бы в две смены. В ранний утренний час, едва заканчивали свое дело поливальные машины и уборщики мусора, на улицы высыпали тысячи людей в неброской одежде. Они спешили на окраины и там, у заводов, вливались в проходные.

Улицы пустели, но ненадолго. Еще не сдерживаемые светофорами, пронеслись редкие автомобили, но их становилось все больше, и теперь они уже мчались в несколько рядов. На разные голоса пели клаксоны. С бравой песней, печатая шаг, шли отряды «гитлерюгенда».

Аркадий Дмитриевич узнавал и не узнавал Берлин. Шесть лет назад, возвращаясь из Соединенных Штатов на родину, он вынужден был провести здесь сутки. Ему хотелось поближе познакомиться с городом, но знающего спутника не оказалось, и пришлось совершать вояж на собственный страх и риск. На улицах пред ним предстала жуткая картина. Шли и шли колонны, над которыми реяли знамена со свастикой. В узкой, как кишка, Вильгельмштрассе творилось невообразимое: над колоннами вздымался лес поднятых рук, и все потрясал дикий вопль «хайль». Не люди, а взбесившееся стадо...

На этот раз Берлин выглядел совсем иначе. Город как город, ничего похожего на тридцать третий год. Правда, на его улицах непомерно много военных, правда, безусые члены «гитлерюгенда» без стеснения распевают песню о своем ровеснике, который всадил нож в горло собственному отцу, отступившему от идеалов фюрера. Правда, газеты полны карикатур, на которых коммунисты изображены с собачьими головами...

Вот он каков, отзвук тридцать третьего года! Это открытие оказалось страшным.

Авиационные заводы были загружены до предела. И здесь хозяевами были военные...

Советских специалистов повсюду встречали с холодной вежливостью. Руководители заводов, конечно, отдавали себе отчет в том, что имеют дело не с туристами. Они по-деловому решали все вопросы, были внимательны и даже покладисты. Но все это давалось ценою немалого напряжения, которое было не под силу скрыть даже многоопытным чиновникам военного концерна. В своих партнерах они видели вовсе не партнеров. Для них это были враги.

Медленно и тоскливо тянулось время, командировка казалась нескончаемой. Вечерами, когда наступала пора светомаскировки и Берлин погружался в мрак, становилось вовсе немощно. Хотелось домой, к родной конструкторской братии. Ведь двухрядная звезда ушла на летные испытания, и все еще нет никаких известий. Как они прошли, благополучно ли?

Именно здесь, в столице фашистской Германии, Аркадий Дмитриевич понял, как нужен авиации его новый двигатель. Германия поглотила Чехословакию, Польшу, она уже не может остановиться, ее нужно будет остановить. А кто приготовился к бою, тот его наполовину выиграл.

Похоже, портье шутил: «придется спуститься в бомбоубежище». Для чего? Что-то помалкивает английская авиация, не видать ее над Берлином. Выжидает подходящий момент? Или не готова?

Как важно вовремя успеть с двигателем, пустить его в серию без проволочек. Что можно противопоставить новым истребителям Мессершмитта, бомбардировщикам Хейнкеля? Новые самолеты. Теперь все решает время, только время, потому что война неизбежна.

Отъезд на Родину Аркадий Дмитриевич воспринял как избавление. Он и не представлял, какой удар его ждет в Москве.

Окончание следует

17

Борис МАРЬЕВ

Мотало в самолете, как в трамвае,
Высотный вихрь за окнами трубил.
В разрыве туч тяжелым караваем
Дымилась и ворочалась Сибирь.
Как будто в русской печке, временами
Мерцали три-четыре огонька...
Зато с Востока — прямо перед нами —
Румяной сдобой плыли облака,
Как будто там, за дальним горизонтом,
Дул кто-то в уголь, озарив лицо...
И вдруг сверкнуло жаркой позолотой
Таежное глухое озерцо.
И — занялось, взялось, возликовало,
Зажгло крыло, спалило небеса!
Хозяйкой мира Солнце поднимало
Свои неторопливые глаза.

И глянуло! И грянуло! И вышло!..
И самолет, заваливаясь в тьму,
Шел на Сургут, на штабеля и крыши,
В дымок и новостроек кутерьму...
Как сварен день! Мы пробовали жадно
Его настой! Мы окунались в пар!
Земля колумбов фарами бежала,
Кричала, пела — и никто не спал...
О, привкус хвои! Дух махры и нефти!
Гром рупоров, предчувствие стихов.
Нет ничего отраднее на свете
Моторами разбуженных снегов!
Да, завтра к вам домчит на телетайпе:
Мол, снова — газ! Мол, молодец — Тюмень!
...А вы, ей-богу, сами прилетайте —
Попробуйте на вкус сибирский день!

Николай МЕРЕЖНИКОВ

Постучалась дорога в дом.
То ли в гости ко мне пожелала,
Или, может, она устала:
Все-то в спешке, все-то бегом!..
Я открыл ей двери:
— Входи!
Отдохни чуток, отогрейся.
И вошли колеи да рельсы
В дом мой —
рельсы да колеи.
И сквозь стены, сквозь дом —
напроход

Загрело и загрохотало.
Жаром щеки мне обжигало,
Иссушило мне жаждой рот.
Упирается ветер в стены.
Под ногами — колесный гром.
И на стрелках, на закругленьях
Пошатывает мой дом.
Я тут ем, я тут сплю —
тут живу,
А дорога зовет, грохочет.
И летит скно в синеву,
Через реки, поля и рощи!

Николай ДОМОВИТОВ

Нет у этой песенки начала.
Мне ее речушка нашептала
Назвенела вешнею порою
Под высокой старою сосною.

Много слов хороших нашептала,
А сама куда-то убежала.
Много слов веселых назвенела,
А сама от зноя обмелела.

РАБОЧАЯ ВЛАСТЬ

Бережно держу в руках ветхую тетрадку в коричневой клеенчатой обложке. Страницы ее пожелтели от времени и стали ломкими, чернила выцвели. Да и по орфографии видно, что записи сделаны давно.

Тетрадка принадлежала Михаилу Ананьевичу Андрееву — слесарю, а потом комиссару Надеждинского металлургического завода на Урале. Записи сделаны самим Андреевым в памятные 1917—1918 годы, более пятидесяти лет назад. События, о которых пойдет речь, происходили на Надеждинском заводе и в далеком от него Петрограде.

Надеждинский завод, расположенный в северной таежной глуши, в то время был самым крупным металлургическим предприятием горнозаводского Урала. Принадлежал он акционерному обществу Богословского горного округа, куда также входили рудники, угольные шахты, железная дорога и пароходство. Размеры округа превышали территории некоторых европейских государств. Правление находилось в Петрограде. Непосредственно командовал заводом управитель. Из высококачественной стали, выплавленной на заводе, надеждинцы делали рельсы, которые укладывались на всем протяжении великой транссибирской магистрали до самого Владивостока. В годы империалистической войны завод выпускал снаряды.

Архивные материалы говорят, что в апреле — мае 1917 года (все даты по старому стилю) здесь уже были избраны комитеты профсоюза. Председателем

Центрального Совета профсоюзов округа был каменщик мартеновского цеха большевик Алексей Васильевич Курлынин. Михаил Ананьевич Андреев в то время работал электрослесарем газомоторной станции завода.

Рабочие завода радостно встретили весть о переходе власти в стране в руки рабочих и крестьян, о создании Советского правительства во главе с Лениным и одновременно потребовали от управителя выполнять новые советские законы.

Первые записи М. А. Андреева относятся к ноябрю 1917 года.

«Положение на заводе становится угрожающим. Рабочие очень волнуются. Ежедневно возникают конфликты с управителем. Переговоры с ним не приводят к нужным результатам. Надо принимать срочные меры, чтобы обуздать управителя и не допустить эксцессов».

На объединенном совещании парткома, завкома и Совета 4 ноября 1917 года было решено послать в Петроград делегатов, А. В. Курлынина и М. А. Андреева, чтобы там выяснить обстановку. Делегатам дали наказ в случае необходимости обратиться лично к В. И. Ленину.

«...Прибыли в Петроград. С трудом устроились в общежитии. Начались хождения по столичным канцеляриям — искали управу на правление округа. Ничего для Надеждинского завода не выходило. В правлении округа нас принял самый прижимистый из акционеров Цейдлер. Он сказал нам:

— Все ваши требования правлением отвергнуты. Задолженности по зарплате в ближайшее время погасить не можем.

На реплику Курлынина, что рабочие Надеждинска не могут ждать, они голодают, Цейдлер ответил:

— Теперь вся Россия голодает, — и, ехидно усмехнувшись, предупредил, что в дальнейшем он не будет вести с нами никаких переговоров о Надеждинске».

Круг хождений по столичным канцеляриям замкнулся. Куда еще пойти? Что сообщить надеждинцам? Подавленные неудачами ходоки решили: «Пойдем к Ленину!»

«...1 декабря пошли в Смольный. Людской поток катился по коридорам. Мы стали в стороне и присматривались, у кого бы спросить, как пробраться в Совнарком. Возле нас остановился молодой человек, разговаривающий с двумя другими. Курлынин тронул его за рукав:

— Будь добр, милоч, скажи, как в Совнарком попасть?

— Вы откуда, товарищи? — спросил он.

— Нас двое, из Надеждинска.

— Зачем вам в Совнарком?

— К Ленину! — Курлынин коротко рассказал, какое у нас дело к Ленину.

— Напишите докладную записку. Я передам.

— А ты кто будешь? — спросил я.

— Я секретарь Ленина, Горбунов.

— Это другое дело. Напишем!

...Пришли в гостиницу «Хижина дяди Тома», выбрали уголок, где меньше шума, и начали писать. Тут у нас спор вышел. Я говорю: «Курлынин, ты пиши записку», а он говорит: «Нет, ты пиши!» Взяли мы лист графленой бумаги, достал я карандаш, наточил его и начал писать... Когда все было готово, Курлынин прочитал и сказал, что надо получше переписать. А у меня рука устала, не писаря мы были: он — каменщик, а я — слесарь. Бумагу переписывать не стали.

Чуть не всю ночь толковали друзья о том, что будут говорить Ленину и чего они будут добиваться. Уснули поздно.

«2 декабря. С утра снова пошли в Смольный, чтобы встретиться с Горбуновым и передать ему нашу бумагу. Народу в Смольном снова было много.

На лестнице встретили Горбунова. Напомнили ему о нашем деле.

— Где же бумага? — спросил Горбунов.

Я подал ему докладную записку и к ней приложил копию ответа правления Богословского округа.

— Что ж это вы, ребята, карандашом написали? Ну ничего! Приходите завтра. Ждите меня внизу, в столовой.

Третьего числа пришли мы часов в 12. Когда встретились, Горбунов сообщил, что Ильич примет нас пятого в 11 часов вечера. В комендатуре нам выдали пропуска на указанный день. Радостные мы отправили в Надеждинск телеграмму, сообщив, что пятого декабря будем на свидании у Владимира Ильича.

Дождались пятого числа с нетерпением, все боялись, как бы не отменили встречу. Наконец нас пропустили в приемную Совнаркома.

Очень удивились мы, что в Совнаркоме такая приемная. В других приемных, где нам пришлось побывать, не так. Например, у Цейдлера или у Шляпнико-

ва в Мраморном дворце. Там приемные — большой зал с громадными окнами, висят бархатные портьеры, стены обиты шелковой материей, ковры, хрустальные люстры... А тут — комната метров 30, стены выбелены известкой, всю меблировку составляют некрашенный стол и шесть табуреток.

— Подождите здесь, к вам выйдет Владимир Ильич, — сказал Горбунов.

Ни я, ни Курлынин никогда не видали даже портрета Ленина.

Минут через пять вышел человек среднего роста, коренастый. С большой лысиной. Он, улыбаясь, быстро подошел к нам.

— Здравствуйте, товарищи уральцы! Я — Ленин.

Не помню, что пробормотали мы ему в ответ. Он сказал:

— Чего же вы волнуетесь? Садитесь и говорите, в чем дело.

Мы, перебивая друг друга, стали рассказывать.

— Я читал вашу записку, — сказал Ленин, — жаль, что вы сидите тут безрезультатно, когда у вас на местах так много дела. А вы арестовали членов правления?

— Нет.

— Плохо, очень плохо. Разве можно так? Сейчас ведь пролетариат у власти.

Ленин спросил, как обстоят дела на заводе.

Курлынин сообщил, что рабочим не платили зарплаты вот уже два с половиной месяца, что новых известий с завода мы не имеем.

Спросив, как работает завод, что выработывает, куда идет продукция, Ленин задал такой вопрос:

— А как вы сможете перейти на мирное производство?

Я ответил, что для этого в рельсопрокатном цехе никаких изменений не требуется, снарядную мастерскую придется переделать на механическую для токарных работ. Сортопрокатка может катать другую проволоку, листокатальный также можно пустить.

— Так что никакой особой передраги не будет?

Мы невольно переглянулись. Нам обоим очень понравилось это рабочее словечко, так к месту употребленное Лениным.

— Никакой передраги не будет, — сказал я.

— А плохо, что вы не арестовали чле-

нов правления,— Ленин снова вернулся к этой теме.— Исправьте ошибку. Зевать нельзя. А в вашем деле мы поможем, обязательно поможем. Не беспокойтесь! Через день смотрите в газетах, будет опубликовано постановление.

Ленин посмотрел на часы, которые он вынул из жилетного кармана, и встал.

— К сожалению, я должен проститься. Сейчас начинается заседание Совнаркома. Но вы не беспокойтесь. Поможем! До свидания, товарищи уральцы!

Он протянул руку и, попрощавшись, вышел из комнаты. Вышли и мы, по улице шагали рядом, молчали, но каждый перебирал в голове подробности беседы с Лениным».

8 декабря в газете «Известия ВЦИК» было напечатано постановление правительства о национализации Богословского горного округа со всем имуществом, в том числе и пароходством, и передаче его в собственность Российской Республики. Декрет подписали: Председатель Совета Народных Комиссаров В. Ульянов (Ленин), Народный комиссар Джугашвили (И. Сталин) и Управляющий делами Совета Бонч-Бруевич.

Месяц спустя вслед за Богословским округом был национализирован Невьянский, а затем и Нижне-Тагильский.

Читали и перечитывали уральцы декрет Ленина. Теперь все стало понятно.

— Эх, сколько времени зря потеряли. Надо было сразу к Ленину,— сказал Курлынин.

В тот же день в Наркомтруде Курлынин и Андреев от имени рабочих завода подписали обязательство о подъеме производительности труда в округе, о зарплате, контроле и охране предприятий и свободы рабочих и крестьян.

Вечером того же дня Андреев уехал домой, на завод, захватив с собой десяток номеров газеты с Ленинским декретом о передаче предприятия в руки рабочих, а Курлынин остался в Петрограде добывать деньги на зарплату рабочим. Теперь, после того как они побывали у Ленина, все вопросы решались много быстрее.

Рабочие завода одобрили действия своих посланцев, а некоторая часть инженеров, не желая подчиняться декрету о национализации, стала тайком разбегаться. Сбежал и управитель.

Совет назначил комиссаром завода М. А. Андреева.

«Положение на заводе не улучшалось. Задолженность по зарплате нарастала. Голод и холод стучались во все двери. Надо было действовать решительно. Посоветовался с парткомом. В заводской типографии напечатали боны, заменяющие деньги, подписали их, скрепили заводской печатью. Вечером вызвали в Совет всех торговцев поселка:

— Завтра же начнете торговать на эти боны. Получим из Петрограда деньги — выкупим у вас боны. Кто откажется торговать на боны — конфискуем все товары и опечатаем магазины».

Угроза подействовала. Все магазины были открыты и торговали на заводские боны, кассиры в цехах выдавали их в счет зарплаты. Положение улучшалось.

«Однажды в моем кабинете неожиданно появился Курлынин с мешками багажа. Тут были деньги, которые он привез из Петрограда. Мы обнялись и горячо расцеловались.

— Почему не телеграфировал, мы подмогу послали бы?

— Как не телеграфировал. Несколько телеграмм посылал. Один совсем измучился, от мешков не отходил, не спал, питался всухую...

— Как тебе удалось достать такие большие деньги?

Мне рассказывали о записке В. И. Ленина к тов. Дзержинскому, в которой Ленин предлагал ему немедленно арестовать членов правления округа и принудить их погасить задолженность по зарплате надеждинским рабочим.

— Значит, Феликс Эдмундович тоже помогал нам?

— Да, и очень помог. Спасибо ему!

— Вот она, рабочая власть!»

К весне 1918 года прежние владельцы все упорнее и настойчивее стали распускать слухи, что Надеждинский завод будет возвращен прежним владельцам. Слухи эти волновали рабочих. Надеждинский Совет снова обратился к Ленину за разъяснением. Полученный ответ гласил:

«Слухи о денационализации Богословского округа — глупый вздор.

Ленин»

П. КЛЮЕВ, бывший член Президиума ЦК профсоюза рабочих черной металлургии Востока.

«ЭКЗ. ЛЕНИНА»

Экз. Ленина»... Таковую пометку можно увидеть на многих книгах библиотеки в кабинете и квартире В. И. Ленина в Кремле.

Каталог этой библиотеки состоит более чем из восьми тысяч названий. Среди них немало изданных на Урале или имеющих к Уралу самое прямое отношение.

Прежде всего назовем книги самого Ильича.

Это, например, книга «Новый курс. (Речи и статьи)». Она вышла в 1921 году в Екатеринбурге. «Дорогому автору. Уралгосиздат» — гласит типографская надпись на переплете. Второй экземпляр книги был подарен Н. К. Крупской. На нескольких страницах — ее пометки.

Другая ленинская книга, выпущенная Уральским областным отделением Госиздата в том же году, называется «О продовольственном налоге. (Значение новой политики и ее условия)».

В ленинской библиотеке — «Резолюции и постановления IX Екатеринбургской конференции Российской Коммунистической партии (большевиков) 10—13 марта 1923 г.», сборник Пермского бюро Истпарта «Борьба за власть», книги: «Из жизни уральских организаций» (Екатеринбург, 1923), «Рабочая революция на Урале. Эпизоды и факты. 1917—1921 гг.» (Екатеринбург, 1921) и другие.

Испещрены записями, вычислениями, подчеркиваниями и другими пометками книги Е. И. Красноперова «Кустарная промышленность Пермской губернии на Сибирско-Уральской научно-промышленной выставке в г. Екатеринбурге в 1887 г.», «Статистические материалы Пермской губернии», «Кустарные промыслы и ремесла на Казанской научно-промышленной выставке 1890 г.». Эти книги Ильич изучал, работая над своим трудом «Развитие капитализма в России».

«Конъюнктурные графики Урала» (1922), «Производственная программа Уральской крупной промышленности на 1922—23 операционный год», «Формы и пути организации Уральской промышленности» (1921) — таковы еще некоторые названия книг по экономике Урала в библиотеке В. И. Ленина.

Но не только экономика края представлена в этом собрании.

О деятельности «Оренбургского тайного общества» и судьбе его участников рассказывает книга В. П. Колесникова «Записки несчастного, содержащего путешествие в Сибирь по канату», выпущенная в 1914 году петербургским издательством «Огни» под редакцией и со вступительной статьей известного историка и литературоведа П. Е. Щеголева.

Много уральских страниц в двухтомнике С. Т. Аксакова, из-

данном в 1909 году в Москве, в книге С. И. Гусева-Оренбургского «Тайна» (Петербург, 1918) и других.

«Три года борьбы. 1919 — сентябрь 1922» — так называется сборник, выпущенный в 1922 году в Самарканде политотделом XI Кавдивизии. На 110 страницах этой книги собраны материалы о трехлетии прославленной дивизии, память о которой и поныне живет на Южном Урале.

Этот экземпляр — подарок Ильичу. На нем надпись:

«Славному бойцу Председателю Совнаркома т. В. И. Ленину от Политического отдела».

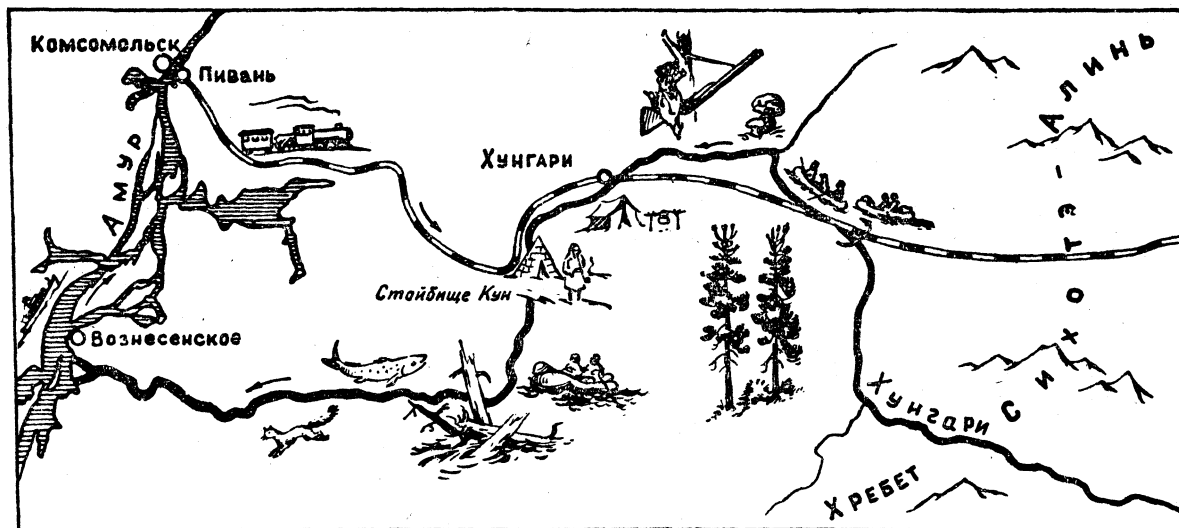
А вот книга, изданная в Оренбурге: В. А. Зенькович, «Советская власть есть власть трудящихся. (К перевыборам Советов)». Ее выпустил ЦИК КССР в 1920 году.

На полках — книги, касающиеся вопросов культуры и народного образования: «Дом народного просвещения в гор. Перми» (Пермь, 1918), «Энциклопедия внешкольного образования» — лекции, читанные на педагогическом факультете Уральского университета в 1920—1922 гг. Е. Н. Медынский (Москва—Петроград, 1923), «Известия Союза учителей Уфимской губернии» (Уфа, 1917).

Все эти — и некоторые другие — книги перечислены в каталоге «Библиотека В. И. Ленина в Кремле» (издательство Всесоюзной книжной палаты, 1961 год).

Л. НАУМОВ

ТРОПОЮ АРСЕНЬЕВА

Ясным сентябрьским днем поезд Пивань — Совгавань остановился близ одного из железнодорожных мостов, переброшенном через Хунгари. Прозвучал прощальный гудок паровоза, и под мостом на узкой галечной косе буйного потока остались четверо.

Кроме меня, ботаника, в экспедиции участвовали научный сотрудник Комсомольского заповедника Феликс Робертович Штильмарк, зоолог, охотовед и наш начальник, аспирантка Светлана Крикливенко, моя помощница по изучению растений, и студент Хабаровского пединститута Валерий Скибо, помощник зоолога.

Молодые люди впервые участвовали в подобных экспедициях. Их интересовало все: как мы будем спускаться на резиновых лодках, высаживаться на берег, ставить палатки, жить в лесу, варить пищу и многое другое. Мы же со Штильмарком были более опытны: Феликс Робертович уже два раза спускался по Хунгари, а мне приходилось плавать на резиновых лодках по рекам Приамурья. Но нынешнее путешествие по Хунгари было для нас со Штильмарком серьезным испытанием.

Перед нами со скоростью курьерского поезда, извиваясь среди собственных наносов, мчался голубой, чуть прозрачный поток. Сквозь толщу воды прослеживались неровности дна, крупные валуны и мелкая галька. А с обеих сторон к реке вплотную подступали отроги хребта Ходжар.

Осень в горах уже успела поработать. Разноцветные мазки ее кисти лежали на гребнях гор, бухарским ковром укутывались склоны. Узкую полосу низменного берега покрывала сиреневая бахрома свидины. За ней тянулись рощи серебристой чозении. Тонкий запах ее вянущих ли-

стьев сопровождал нас на протяжении всего пути.

На высоком берегу багрянцем полыхали клены и рябины, оранжевыми кострами горели липы и ильмы; будто освещенные прожектором, золотились белоствольные березы. Над разноцветным шатром возвышались темно-зеленые многовершинные кроны кедра, украшенные бурыми смолистыми шишками, а выше по склону и в узких распадках с таежными ключами темнели леса из ели и пихты.

Пока Светлана, добровольно взявшая на себя обязанности повара, готовила на костре обед, мы извлекли из чехлов и накачали воздухом резиновые лодки. «Резинки», как мы их называли, были нагружены до предела. Тут находились тюки со снаряжением и продуктами, рюкзаки с личными вещами, палатки, спальные мешки, гербарные сетки, ружья, фотоаппараты, посуда, бинокль. Все это необходимо в пути. Ведь нам предстоит спуститься до Амура почти четыре сотни километров. На всем этом протяжении только один населенный пункт — станция Хунгари, да два стойбища удэгейцев.

— Взглянем на карту? — предложил Штильмарк.

Истоки Хунгари — ревущий Гур и стремительный Джаур — несут холодные воды с отдаленных, еще не изученных вершин Сихотэ-Алиня. По их склонам раскинулась мрачная темнохвойная тайга. Удэгейцы как-то говорили

Арсеньеву про верховья Хунгари: «...Мы никогда туда не ходим, там темно, всегда идут дожди, дуют холодные ветры, там царство холода и смерти».

После слияния Гура и Джаура Хунгари поворачивает на запад. На среднем отрезке справа в нее впадают Верхняя и Нижняя Удоми. Между ними мы высадились из поезда и отсюда решили спускаться вниз. Тут Хунгари продолжает сохранять еще характер горной реки со стремительными и почти непроходимыми для моторных лодок перекатами. Но уже кое-где появились первые заломы и скопления плавника, галечные острова, укрытые зарослями росистой ивы.

После обеда и крепкого чая все подбодрились. Чувство неуверенности в своих силах при виде незнакомой реки сменилось бодростью и уверенностью в благополучном исходе экспедиции. Члены двух экипажей с веслами в руках заняли свои места в лодках. Отныне и до конца маршрута каждый должен знать свое место на лодке и роль, которую будет выполнять во время движения.

На передней, более прочной лодке из черной резины сидели зоологи. Таков закон тайги — впереди идущие выбираются из числа сильных. На носу занял место Валерий с дробовиком у сиденья, за ним на корме — Штильмарк с винчестером и мелкокалиберкой. Между ними в качестве пассажира сидела собака Наури, белая как снег, — совсем еще глупый щенок. На второй, красной лодке плыли мы со Светланой.

— Салют! — скомандовал начальник экспедиции.

Валерий схватил дробовик. В прозрачном воздухе раздался двоянный выстрел. Горное эхо подхватило и мгновенно повторило звук. Небольшое усилие веслами, и лодки вышли на течение.

— Перекат! — крикнула Светлана.

Нашу лодку подхватила стремительная струя. В следующее мгновение лодка оказалась за перекатом и закачалась на высоких и пологих волнах.

В первый день мы спустились всего на десяток километров и остановились задолго до вечера. Вскоре на высоком берегу стояли две палатки, между ними пылал жаркий костер. Оба зоолога ушли ставить ловушки на грызунов. Мы со Светланой бродили около лагеря по лесу и собирали в гербарий растения.

— Вот и жаркое! — послышался голос девушки.

Под белыми березами мы нашли множество грибов. Тут были маслята, осиновники, березовики и даже редкие козляки. С полной сумкой грибов мы вернулись к табору.

— Не надо ли таежной курятины? — воскликнул вышедший из щели Валерий и бросил к ногам повара двух пестрых рябчиков.

В тот день вечером Светлана в своем дневнике записала: «Мне кажется, что во всем мире осталось только четверо — Андрей Петрович, Феликс Робертович, Валера и я. Остальные люди исчезли и для меня не существуют».

Последующие дни были заполнены работой. Обычно мы по двое суток жили у подножия горных хребтов. На третий день с полудня несколько часов плыли по реке. Затем снова оставались лагерем. Зоологи ловили грызунов, отстреливали птиц, вели обмеры добытых животных. Ботаники собирали флору, описывали растительность и почву.

— Вот ваш любимый бархат, — смеясь, воскликнула однажды Светлана.

На высокой релке красовалась роцца пробкового дерева. Это были первые деревья бархата, встреченные нами на Хунгари. Осень окрасила листья бархата в золотистый цвет. Листочки по одному опадали, оставляя на ветвях черешки. Тут же вились спирально лианы лимонника с редкими гроздьями рубиновых плодов.

Через несколько дней лодки подошли к окраине станции Хунгари. Мы получили письма, пополнили запасы продовольствия, закупили картофель. На ночевку расположились невдалеке от поселка, в веселой роцце из старых берез. До позднего вечера то вниз, то вверх сновали моторные лодки, оглашая окрестность гулом моторов.

Когда-то Хунгари на всем протяжении считалась самым труднодоступным и наименее исследованным притоком Амура. Зимой 1909—1910 годов во время перехода на лыжах от Татарского пролива к берегам Амура на ней погиб Арсеньев с двумя казаками — Рожковым и Ноздриним. «Зимний переход по реке Хунгари, — вспоминал потом немолодой путешественник, — был одним из самых тяжелых в моей жизни».

Да и теперь только этот средний отрезок Хунгари обжит человеком. Ниже станции несколько десятков километров река течет вдоль железнодорожной насыпи, и везде, насколько глаз охватывал, тянулись поросшие кустарником гари. Лишь кое-где торчали изогнутые березки или полуобгорелые лиственницы. На крутом берегу промелькнула новостройка, вокруг нее суетились тракторы, бульдозеры, копошились люди. Это сооружали комплекс зданий для рыбопереработного завода — на Хунгари находятся лучшие водосточные кеты. И именно здесь, в этих местах, Арсеньев, изнемогая от усталости и голода, мечтал встретить хотя бы следы охотника.

Но вот река круто повернула влево. Дорога, полустанки с поселками, горелые леса исчезли. Снова красовалась украшенная осенней палитрой дикая, не тронутая человеком тайга.

— Поворот вправо! — скомандовала Светлана, заметив, что передняя лодка свернула в широкую протоку.

На высоком берегу показались строения. Выделялся вместительный склад. За ним виднелись удэгейские зимовья. Стойбище Кун.

Когда-то обитатели этого селения приютили полуживых, голодных Арсеньева и его товарищей. Путешественник с чувством глубокой симпатии вспоминал о двух удэгейках: «Из юрочки вышла маленькая сморщенная старушка с длинной трубкой. За ней вышла другая старушка, еще меньше ростом, еще более сморщенная, с еще более длинной трубкой».

Потрясающее совпадение. В стойбище мы нашли одну маленькую старушку, будто появившуюся со страниц арсеньевской книги. Во рту у нее тоже была длинная трубка. Глядя на нас живыми глазками, она сообщила, что мужчины отправились ловить кету на главное русло реки.

Ниже Куна Хунгари резко изменила свой характер. Сначала река разбилась на два почти одинаковых русла. Русла в свою очередь разделились на несколько мелких протоков. Чтобы успешно спуститься, надо подробнее знать всю запутанную систему разветвлений. На многих протоках река заготовила сюрпризы. То образовала

перекат, то завалила русло плавником, то вовсе смыла и перенесла на другое место часть берега вместе с лесом.

После ночлега в ельнике на берегу небольшой протоки наши лодки продолжали путь. Мы шли мимо низменных берегов, поросших тополем, елью и пихтой. Несколько раз впереди взлетали утки и крохали.

— По протоке идти опасно. Возможны заломы. Зато для натуралистов интересно. Тут могут быть внезапные встречи с лесными животными, — пояснил Штильмарк, когда мы попали в боковую протоку и выразили со Светланой опасение.

— Ваша лодка должна держаться подалеже от нашей, — посоветовал Феликс Робертович. — Если мы наткнемся на залом, то вы успеете вовремя свернуть в сторону и поможете нам.

Так мы плыли некоторое время. Протока постоянно меняла направление, бросалась то вправо, то влево. Иногда трудно было догадаться, куда она свернет.

— Залом! — вдруг крикнула моя спутница и с силой стала грести направо.

Приналег на весло и я. Оказавшись у берега, мы увидели наших товарищей, уцепившихся за ветви черемухи.

В каких-нибудь двадцати шагах от нас бушевал залом. Видно, что поток много лет накладывал плавник друг на друга. Сквозь кое-где видимые узкие щели с грохотом пробивались потоки воды. У нас на глазах попавшее в залом бревно было в течение нескольких секунд раздроблено в щепки. Что же было бы с нашими лодками, если бы они попали в этот бурлящий котел?

— Перетащить лодки и груз по берегу и спуститься ниже залома! — скомандовал наш начальник.

Мы высадились на берег. Но перетащить лодки оказалось не просто. Сперва мы прорубили сквозь чащу просеку, потом протоптали дорожку и по ней перенесли вещи. И уж в последнюю очередь — лодки. Более часа возились мы, прежде чем выбрались из тисков залома.

Продолжая путь, мы еще несколько раз встречали скопления плавника. Однако находили проходы и благополучно плыли дальше. В одном месте проход сквозь хаотическое скопление древесины был чуть-чуть шире наших лодок. Положение осложнилось тем, что поперек потока застряло бревно. С него вода сбрасывалась водопадом метровой высоты.

Вначале через опасный проход проскочила черная лодка. Штильмарк и Скибо, отплыв в сторону, с беспокойством следили за нами, готовые в любую минуту прийти на помощь. Они знали, что наша лодка гораздо слабее.

Выхода не было, и я направил лодку в узкий коридор потока. Суденышко стремительно бросилось вперед, заскочило на бревно, с него кинулось вниз и плюхнулось в середину кипящего водоворота. Наши усилия со Светланой были настолько слабы, что никоим образом не смогли бы изменить направление лодки. Нам оставалось сидеть, вцепившись одной рукой в лодку, а другой держать наготове весло, чтобы в нужную минуту сделать решающий взмах. Через мгновение наша «резинка» вынырнула из водоворота и спокойно закачалась рядом с черной лодкой.

Когда суденышки благополучно преодолели все препятствия и вышли на главное русло, ни у кого не осталось желания искать встречи с лесными жителями в боковых протоках.

— Я не имею права злоупотреблять вашим доверием и подвергать вас опасностям, которые таятся в стороне от главного русла, — с сожалением сказал наш начальник.

Широкая судоходная протока Гуадо привела нас к почти отвесному склону крутой сопки. Выше нее на низком берегу стояли жилища удэгейцев, приехавших из Куна ловить кету. Мы снабдили их хлебом, табаком, чаем. В ответ удэгейцы подарили нам великолепного икряного лосося.

Переправившись к подножию сопки, мы остановились лагерем. Зоологи тотчас же ушли ставить ловушки. Мы со Светланой принялись за приготовление обеда.

— Что делать с ней? — спросила девушка, извлекая из рыбины упругую красную икру.

— Посолим, — ответил я. — Через десять минут у нас будет таежный деликатес.

Икру мы поместили в марлевый мешочек и промыли в холодной воде. Потом вместе с марлей икра была опущена в насыщенный раствор соли. Я держал ее в этом растворе всего шесть минут. После этого мешочек с икрой был повешен на куст, чтобы с него стекли капли раствора.

— Икра что надо! — похвалил Валерий, — голько маловато, — добавил он, облизывая измазанные в икряном соке пальцы.

Этот ужин у склона сопки Гуадо был особенно богат таежными дарами. Кроме икры и жареной кеты на скатерти лежали отварные куски тайменя и рябчики. На десерт были кедровые орехи, ягоды актинидии и винограда, собранные зоологами на склоне горы.

Меня поразили кедровый лес, раскинувшийся на склоне горы. Мы со Светланой его подробно описали. Мне приходилось видеть различные кедровники в долинах рек Южного Приморья, в бассейнах Бикина, Хора и других притоков Усури и Амура. Все же должен признать, что такого сочетания растений, какое я встретил в этом кедровнике, мне еще не приходилось встречать.

Это был высокоствольный кедровый лес, опутанный лианами лимонника, актинидии и винограда, в сочетании со стелющимся тисом. Два типа леса находились на одном участке склона. Небывалое сочетание, до сих пор неизвестное для нашей страны и не описанное в научной литературе.

Перед погрузкой в лодки на сухую вершину одного из кедров села какая-то птица размером с галку. По странной манере полета, прерываемого парением на месте, по повадке сидеть на вершине деревьев птица напоминала сизоворонку. Схватив дробовик, Валерий подкрался к кедру. Послышался выстрел, за ним второй.

Держите попугая! — запыхавшись, радостно закричал студент.

— Это восточный ширококорот,— с волнением произнес Штильмарк, бережно принимая убитую птицу.

По ярко-красному широкому клюву и синевато-зеленоватому оперению ширококорот напоминает тропического попугая. Известный орнитолог К. А. Воробьев указывал, что Хунгари — самое северное местообитание ширококорота в Восточной Азии.

Путь продолжался. Лодки плыли по главному руслу. Тут река расширялась до двухсот метров.

Вдруг впереди показалась небольшая коряга. Нас удивило, что она плыла нам наперерез.

— Это белка! — крикнула Светлана и усиленно принялась грести к зверьку.

Когда наша лодка оказалась поперек пути белки, девушка протянула весло. Белка не растерялась. Вскочила на весло, пробежала по нему, с него в лодку и плюхнулась в воду с другой стороны. Это произошло так быстро, что мы не успели сделать ни одного движения, чтобы поймать зверька.

Ниже второго удэгейского стойбища, Таломо, река стала особенно трудной для плавания. Мы встретили грандиозные заломы из наваленных друг на друга в несколько этажей стволов. Они перекрывали главное русло в двух местах. Только благодаря советам удэгейцев да опытности нашего начальника наши «резинки» благополучно проходили опасные места.

— Андрей Петрович, мы погибли! — иногда в ужасе кричала Светлана, когда сильная струя течения стремительно кидала нас на кипящие корни застрявшего в воде ствола, бросала в крутые водовороты, сбрасывала с водопадов, вознивших над полузаполненными стволами.

— Держись за лодку! — командовал я своей спутнице. — Грести сильнее!

Последнюю ночевку мы сделали у стойбища удэгейца Петра Амулинки. Наутро мы в последний раз погрузились в лодки. Гостеприимным хозяевам оставили все наше продовольствие. Нам оно уже не нужно. К концу дня мы будем на Амуре в деревне Вознесеновка.

Последний переход был тяжелым. Река сморилась, и пришлось идти на веслах. Вокруг по берегам расстились одни луга. Когда-то шедшие тут Арсеньев с двумя казаками чуть не замерзли. Арсеньев принял единственное в таком положении решение. Они оставили котомки на льду и с топорами ушли назад, к кромке леса. Несколько часов шли измученные и голодные люди. Далеко за полночь они добрались до первых зарослей леса, нашли дрова и разожгли костер. Согретьшись у огня и выпавшись, Арсеньев и его спутники утром отправились в путь и в тот же вечер были на Амуре.

Когда усталое солнце садилось за изломанной линией гор Баджала, наши «резинки» выплыли на плес Амуре. Быстро темнело. Попутная моторка подхватила наши суденышки, и вскоре мы высадились у пристани села. Отсюда теплоход доставил нас в Комсомольск.

Тропа Арсеньева пройдена.

А. НЕЧАЕВ, доктор биологических наук

Клуб следопытов «Орленок» при Челябинском Дворце пионеров готовится к 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Группа ребят выезжала в Кусу, где собирала материалы по истории улицы имени Н. К. Крупской. Следопыты школы № 47 — члены клуба — разыскали В. И. Цветкова, одного из создателей памятника Ильичу на Алом поле в Челябинске. Он подарил ребятам уникальные снимки закладки памятника в 1924 году. Теперь эти фотографии выставлены в Ленинском зале Дворца пионеров.

Девятого ноября 1920 года газета «Красный Алтай» писала, что при праздновании третьей годовщины Октябрьской революции на братскую могилу павших в борьбе с контрреволюцией был возложен венок от В. И. Ленина.

А пятого декабря 1920 года эта же газета сообщила о том, что в деревне Рассказиха «членами коммунистической ячейки, Союза коммунистической молодежи, сельхозкоммуны, учащимися и крестьянами 28 ноября было устроено празднество — возложение венка, подаренного Председателем Совета Народных Комиссаров т. Лениным на братскую могилу 24-х партизан д. Рассказиха, павших за свободу и Советскую власть от рук колчаковских палачей».

Как были получены эти венки? Ответа на этот вопрос пока нет. Поиск ведут барнаульские следопыты.

Воспитанники железнодорожного детского дома в Таганроге в 1922 году послали письмо Владимиру Ильичу, в котором обещали всегда охранять и защищать завоевания Октября. Разыскать этих ребят, узнать, как сложились их судьбы, — решили таганрогские следопыты. Поиск привел их в Волгоград, где живет Александр Баликов.

Бывший детдомовец, командир взвода разведки в годы Отечественной войны, а ныне работник Волгоградской ГРЭС, Александр Григорьевич Баликов рассказал, как составлялось и принималось на собрании детдомовцев письмо к Ленину.

Ну, а как сложилась его судьба?

Александр Баликов был студентом четвертого курса архитектурного факультета Харьковского инженерно-строительного института, когда грянула война. Он сражался под Москвой и Ленинградом, участвовал в освобождении пушкинских мест на Псковщине, дошел до Берлина. Его наградили тремя медалями «За отвагу», орденом Красной Звезды.

ЗДЕСЬ ЖИЛ И РАБОТАЛ

В. И. ЛЕНИН

Основные места жизни и деятельности

СССР

Ульяновск (бывш. Симбирск). В Симбирске 22 апреля 1870 года родился Владимир Ильич Ленин. Здесь протекали его детство и школьные годы.

1. Дом, в котором жила семья Ульяновых с 1870 по 1875 год¹.

Казань. Здесь Владимир Ильич учился в университете на юридическом факультете. В ночь на 5 декабря 1887 года за участие в студенческой сходке он был арестован, заключен в тюрьму и 7 декабря выслан в деревню **Кокушкино** (ныне село **Ленино**). В начале октября 1888 года Ленин вернулся в Казань и жил до весны 1889 года. Изучал «Капитал» К. Маркса, участвовал в работе одного из марксистских кружков, организованных Н. Е. Федосеевым.

В последний раз В. И. Ленин был в Казани в конце августа 1890 года.

2. Казанский университет.

Деревня Алакаевка. На хуторе около этой деревни Ленин жил с перерывами в 1889—1891 годах, готовился к сдаче экстерном экзаменов за курс университета.

Куйбышев (бывш. Самара). Здесь В. И. Ленин жил с октября 1890 года по август 1893 года. Занимался пропагандой марксизма, выступал защитником в окружном суде.

Сызрань. В Сызрани Владимир Ильич был летом 1892 года и в июле 1900 года.

Горький (бывш. Нижний Новгород). В. И. Ленин посещал Нижний Новгород в 1890, 1893 и 1894 годах.

Уфа. В. И. Ленин останавливался здесь в феврале 1900 года, возвращаясь из ссылки. В июне того же года приезжал вместе с матерью, М. А. Ульяновой, и сестрой, А. И. Ульяновой-Елизаровой, навестить Надежду Константиновну, отбывавшую в Уфе ссылку. Встречался с ссылочными социал-демократами.

3. В этом доме жила Н. К. Крупская.

Москва. Владимир Ильич был проездом в Москве в 1890 и 1891 годах. В августе 1893-го жил у своей сестры Анны Ильиничны, работал в читальном зале Румянцевского музея (ныне — Государственная библиотека имени В. И. Ленина), устанавливал связи с местными марксистами.

В. И. Ленин приезжал в Москву в 1894, 1895, 1897, 1900 годах. В январе 1906 года участвовал в обсуждении итогов Декабрьского вооруженного восстания на заседании лекторской группы МК РСДРП. В марте того же года провел несколько совещаний московских большевиков.

11 марта 1918 года Центральный Комитет партии и Совет Народных Комиссаров переехали из Петрограда в Москву. Москва стала столицей Советского государства. С апреля 1918 года В. И. Ленин жил в здании Совнаркома в Кремле. Здесь находился и его служебный кабинет. В Москве протекала многообразная, титаническая деятельность Ленина.

В последний раз он был в Москве 18—19 октября 1923 года.

4. Кремль. Здание Совета Народных Комиссаров.

Кузьминки. Летом 1894 года Владимир Ильич жил на даче у своей сестры А. И. Ульяновой-Елизаровой.

Орехово-Зуево. Здесь Ленин был в сентябре 1895 года.

Подольск. Владимир Ильич жил в Подольске в июне-июле 1900 года у своей матери, встречался с социал-демократами.

Совхоз «Лесные Поляны» (бывш. село Мальцево-Бродово). Здесь В. И. Ленин отдыхал в июне 1918 года и в феврале 1919 года.

Кунцево. Владимир Ильич приезжал сюда летом 1919 года с Н. К. Крупской и М. И. Ульяновой, выступал на партийном собрании.

Горки Ленинские.

5. Северный (боковой) флигель, в котором В. И. Ленин отдыхал впервые в 1918 году и ра-

ботал над книгой «Пролетарская революция и ренегат Каутский».

В Горки Владимир Ильич приезжал на отдых также в 1919, 1920, 1921, 1922 годах. Здесь он писал статьи, готовился к докладам, встречался с делегациями рабочих и крестьян. В Горках В. И. Ленин жил с 15 мая 1923 года до последних дней жизни. Здесь 21 января 1924 года в 6 часов 50 минут вечера Ленин умер.

Деревня Кашино. 14 ноября 1920 года В. И. Ленин вместе с Н. К. Крупской присутствовал при открытии электростанции и выступил на митинге с речью.

Деревня Горки. 9 января 1921 года В. И. Ленин и Н. К. Крупская присутствовали на собрании крестьян.

6. Дом крестьянина В. А. Шульгина, где проходило собрание.

Рабочий поселок «Октябрьский» [бывш. поселок Новые Горки]. 13 февраля 1921 года В. И. Ленин выступал на собрании рабочих фабрики имени Октябрьской революции.

Деревня Корзинкино. Здесь с 6 по 25 марта 1922 года Ленин отдыхал, писал статью «О значении воинствующего материализма» и готовился к выступлению с отчетом Центрального Комитета партии на XI съезде РКП(б).

Владимир. В этот город Владимир Ильич приезжал в сентябре 1893 года для встречи с Н. Е. Федосеевым.

Смоленск. Здесь в 1900 году Ленин встретился с И. В. Бабушкиным и В. Н. Розановым.

Первый петербургский период. Ленинград [бывш. Петербург, Петроград].

7. Петербургский университет, в котором В. И. Ленин весной и осенью 1891 года сдавал экстерном государственные экзамены за курс юридического факультета.

В августе 1893 года Ленин переехал из Самары в Петербург. В 1895 году здесь им был создан «Союз борьбы за освобождение рабочего класса».

В ночь с 8 на 9 декабря 1895 года Владимир Ильич был арестован и отправлен в дом предварительного заключения, где находился до 14 февраля 1897 года. 17 февраля 1897 года Ленина выслали в Восточную Сибирь.

По возвращении из ссылки В. И. Ленин дважды нелегально приезжал в Петербург — в феврале и мае 1900 года.

Второй петербургский период [1905—1907]. В. И. Ленин вернулся в Петербург из первой эмиграции 8 ноября 1905 года. Вынужденный укрываться от царских ищеек, Владимир Ильич переехал в Финляндию и продолжал нелегально ездить в Петербург. В этот период созданы многие замечательные работы В. И. Ленина.

Третий петербургский [петроградский] период [1917]. В. И. Ленин приехал в Петербург 3 апреля 1917 года и возглавил руководство большевистской партией, Центральным Комитетом и газетой

«Правда». Знаменитые «Апрельские тезисы» Ленина дали партии новую ориентировку, нацелили ее на борьбу за социалистическую революцию.

После июльских событий В. И. Ленин перешел на нелегальное положение. С 5 июля он скрывался у рабочих Петрограда, а с 10 июля по 8 августа — в окрестностях Сестрорецка. 9 августа Владимир Ильич выехал в Финляндию.

В начале октября 1917 года Владимир Ильич нелегально возвратился в Петроград и начал готовить партию к организации вооруженного восстания.

24 октября 1917 года В. И. Ленин поздно вечером прибыл в Смольный и возглавил Октябрьское вооруженное восстание. 25 октября было опубликовано написанное Лениным обращение «К гражданам России», объявлявшее Временное правительство низложенным.

Вечером 26 октября Ленин выступил на II Всероссийском съезде Советов. Съезд принял написанные Владимиром Ильичем воззвания «Рабочим, солдатам и крестьянам», провозгласившее переход всей государственной власти в центре и на местах к Советам, декреты о мире и о земле и образовал первое рабоче-крестьянское Советское правительство — Совет Народных Комиссаров во главе с Владимиром Ильичем Лениным.

Четвертый петроградский период охватывает деятельность В. И. Ленина на посту Председателя Совета Народных Комиссаров. В Смольном протекала гигантская работа Ленина по строительству социалистического государства.

10 марта 1918 года В. И. Ленин в связи с переездом Советского правительства в Москву уехал из Петрограда. В последующие годы Владимир Ильич приезжал в Петроград дважды: в марте 1919 года — на похороны М. Т. Елизарова, мужа Анны Ильиничны, и в июле 1920 года — на открытие II конгресса Коминтерна.

8. Смольный.

Пушкино [бывш. Царское Село]. Здесь В. И. Ленин бывал в 1891, 1893, 1894, 1900 годах. В апреле 1895 года участвовал в совещании петербургских социал-демократов.

Репино [бывш. Куоккала]. С конца февраля 1906 года В. И. Ленин скрывался у товарищей на даче «Ваза», где работал над подготовкой тактической платформы большевиков к IV (Объединительному) съезду РСДРП. В. И. Ленин и Н. К. Крупская жили здесь с конца лета 1906 года до глубокой осени 1907 года.

9. Дача «Ваза».

Зеленогорск [бывш. Териоки]. Ленин выступал здесь на партийных собраниях, совещаниях, конференциях Петербургской организации РСДРП и на заседаниях ЦК в 1906 и 1907 годах. На станции Териоки Владимир Ильич 9 августа 1917 года сошел с паровоза № 293, на котором, скрываясь от преследований Временного правительства, выехал со станции Удельная.

Выборг. В Выборге Ленин жил в августе 1906 года, выпускал нелегальную большевистскую газету «Пролетарий»; приезжал в 1907 году. С середины сентября до начала октября 1917 года Вла-

дмир Ильич вынужден был жить в Выборге. Отсюда руководил подготовкой вооруженного восстания.

Станция Белоостров. 3 апреля 1917 года на этой станции В. И. Ленина, возвращавшегося из эмиграции в Россию, встретили делегации рабочих Петрограда и Сестрорецка.

Поселок Разлив. Приехав на станцию Разлив в ночь на 10 июля 1917 года, Владимир Ильич несколько дней скрывался в поселке Разлив на чердаке сарая у рабочего Н. А. Емельянова.

10. Сарай на станции Разлив.

11. Шалаш за озером Сестрорецкий разлив.

В июле-августе 1917 года В. И. Ленин под видом финна-косца скрывался в шалаше. Здесь им были написаны важнейшие статьи, начата работа над книгой «Государство и революция».

Псков. В Пскове В. И. Ленин поселился по возвращении из сибирской ссылки и жил под негласным надзором полиции с 26 февраля по 19 мая 1900 года.

Красноярск. Следуя в ссылку, В. И. Ленин прибыл в Красноярск 4 марта 1897 года и жил здесь до 30 апреля 1897 года. Вторично посетил Красноярск в сентябре 1898 года.

Минусинск. В. И. Ленин приехал в Минусинск в мае 1897 года и отсюда на лошадях, в сопровождении жандармов, был отправлен в Шушенское. Владимир Ильич был в Минусинске также в сентябре и ноябре 1897 года, в мае 1898 года, а 10—12 августа 1898 года приезжал лечиться. В конце декабря 1898 года Ленин и Крупская участвовали здесь в собрании ссыльных марксистов. В последний раз Владимир Ильич был в Минусинске 29 января 1900 года, возвращаясь из ссылки.

Село Шушенское. В Шушенском В. И. Ленин отбывал ссылку с 8 мая 1897 года до 29 января 1900 года.

Жил Владимир Ильич сначала в доме крестьянина А. Д. Зырянова, а в июле 1898 года вместе с семьей поселился в доме крестьянки П. А. Петровой. В Шушенском Ленин закончил свой классический труд «Развитие капитализма в России». Здесь у него созрел план издания за границей общерусской политической газеты.

12. Дом П. А. Петровой, где жил В. И. Ленин.

Село Ермаковское. В августе 1899 года Ленин прозвел здесь совещание 17 ссыльных социал-демократов, на котором был принят написанный им «Протест российских социал-демократов», направленный против «экономистов». В сентябре того же года Ленин приезжал в Ермаковское на похороны А. А. Ванеева.

13. Дом, где проходило совещание социал-демократов.

ШВЕЙЦАРИЯ

30 Женева. В. И. Ленин впервые приехал в Женеву в мае 1895 года. Встретился с Г. В. Плехановым и

другими членами группы «Освобождение труда». Второй раз был в Женеве в августе 1900 года, совещался с Плехановым и его группой об издании «Искры».

В 1902 году Владимир Ильич неоднократно приезжал в Женеву, участвовал в политических диспутах, выступал с рефератами. Весной 1903 года печатание «Искры» было перенесено из Лондона в Женеву, и Владимир Ильич переехал сюда, поселившись с семьей в пригороде Сешерон. В августе 1904 года провел здесь совещание 22 большевиков, которое приняло ленинское обращение «К партии».

В Женеве Ленин организовал издание большевистской газеты «Вперед». Здесь были написаны многие выдающиеся работы Владимира Ильича. Среди них — «Шаг вперед, два шага назад» (1904), «Две тактики социал-демократии в демократической революции» (1905), «Материализм и эмпириокритицизм» (1908).

В 1908 году В. И. Ленин снова жил и работал в Женеве. Приезжал сюда в 1911, 1913, 1914, 1915, 1916 годах, выступал по важнейшим вопросам международного рабочего движения.

14. Дом, в котором жил Ленин в 1903 году.

Цюрих. В этом городе В. И. Ленин был в 1895, 1900, 1902, 1904, 1911, 1913, 1914, 1915, 1916 годах.

В сентябре 1901 года участвовал в проходившем здесь «Объединительном» съезде заграничных организаций РСДРП; 10—11 сентября 1911 года — в работе Международного бюро.

В конце января 1916 года Ленин переехал в Цюрих из Берна и жил здесь до конца марта 1917 года. Летом 1916 года он завершил классический труд «Империализм, как высшая стадия капитализма». В Цюрихе Владимир Ильич приступил к разработке марксистской теории государства.

Лозанна. Осенью 1902 года Ленин выступал в Лозанне с рефератом против эсеров. Летом 1904 года, путешествуя с Надеждой Константиновной по Швейцарии, посетил Лозанну. В этом городе с рефератами по важнейшим вопросам революционной теории и тактики Ленин выступал в 1908, 1913, 1914 годах.

Берн. В Берне в ноябре 1902 года Владимир Ильич выступил с рефератом, в мае-июне 1903 года прочитал несколько лекций по аграрному вопросу. В 1904, 1911, 1913, 1914 годах выступал с рефератами.

В начале первой мировой войны Ленин с семьей переехал из Австро-Венгрии в нейтральную Швейцарию и прожил в Берне с 23 августа 1914 года до конца января 1916 года. В августе 1914 года провел совещание местной группы большевиков и выступил с докладом об отношении большевистской партии к войне. В феврале 1915 года Владимир Ильич руководил конференцией заграничных секций РСДРП и сделал доклад «Война и задачи партии».

В марте 1917 года В. И. Ленин приезжал из Цюриха в Берн для решения вопросов, связанных с возвращением русских политических эмигрантов на родину.

Кларан. Здесь в октябре 1914 года Ленин прочитал реферат о войне.

Зёренберг. В этой деревушке В. И. Ленин и Н. К. Крупская отдыхали летом 1915 года.

Циммервальд.

15. В этом доме в конце августа 1915 года по инициативе Ленина была проведена 1-я международная конференция социалистов-интернационалистов.

Кинталь.

16. В этом доме в деревне Кинталь в апреле 1916 года проходила вторая международная социалистическая конференция. В. И. Ленин возглавил на этой конференции левое крыло.

Флюмс. Во Флюмсе, горном местечке в окрестностях Цюриха, в доме отдыха «Чудивизе» Ленин и Крупская жили летом 1916 года.

Шо-де-фон. 5 марта 1917 года Ленин выступал здесь с докладом о Парижской коммуне и перспективах развития русской революции.

ФРАНЦИЯ

Париж. В. И. Ленин посетил Париж в мае 1895 года и пробыл в нем почти полтора месяца. Здесь он встретился с Полем Лафаргом. В июне 1902 года Владимир Ильич выступал с рефератом против эсеров; в феврале 1903 года прочитал четыре лекции в русской высшей школе общественных наук на тему «Марксистские взгляды на аграрный вопрос в Европе и в России». В ноябре 1904 года Ленин прочитал в Париже реферат о внутривластном положении.

Весной 1905 года, возвращаясь с III съезда партии из Лондона в Женеву, Владимир Ильич останавливался в Париже и осматривал его достопримечательности. Вместе с группой делегатов III съезда побывал на кладбище Пер-Лазез у Стены коммунаров. В мае 1905 и в мае 1908 года выступал с рефератами.

В конце 1908 года Владимир Ильич и Надежда Константиновна переехали из Женевы в Париж, куда было перенесено издание газеты «Пролетарий». Последняя их квартира была на улице Мари-Роз, 4, где они прожили до лета 1912 года. Теперь здесь музей В. И. Ленина.

В Париже в декабре 1908 года Ленин участвовал в работе V Общероссийской конференции РСДРП. В июле 1909 года под руководством Ленина проходило совещание редакции газеты «Пролетарий», созданное для сплочения большевиков в борьбе против отзовистов. На пленуме ЦК в январе 1910 года Владимир Ильич резко выступал против ликвидаторов, примиренцев и их союзника — Троцкого. В 1912 году на заседании Парижской секции Заграничной организации РСДРП Ленин сделал доклад о Ленском расстреле и задачах партии.

17. Здесь проходила V (Общероссийская) конференция РСДРП.

Лонжюмо. В Лонжюмо, под Парижем, весной 1911 года В. И. Ленин организовал партийную школу для работников партийных организаций пролетарских центров России. В этой школе он читал лекции по политической экономии, аграрному вопросу, теории и практике социализма в России, о материалистическом понимании истории.

18. Дом, где жили В. И. Ленин и Н. К. Крупская летом 1911 года.

БЕЛЬГИЯ

Льеж. В Льеже Владимир Ильич в 1902, 1909, 1911, 1914 годах выступал с рефератами.

Брюссель. В июне 1903 года Ленин принимал участие в работе II съезда партии, первые заседания которого проходили в Брюсселе. В сентябре 1908 года Владимир Ильич участвовал в работе конференции журналистов-социалистов, в заседаниях Международного социалистического бюро, Международной конференции социалистов. В октябре 1909 года Ленин принимал участие в работе сессии Международного социалистического бюро, в Интернациональной конференции социалистических журналистов и в заседаниях Межпарламентской комиссии при Международном социалистическом бюро.

В октябре 1911 года и январе 1914 года Ленин выступал с рефератами.

АНГЛИЯ

Лондон. В Лондоне, куда было перенесено из Мюнхена издание «Искры», В. И. Ленин и Н. К. Крупская жили с апреля 1902 года по апрель 1903 года. Владимир Ильич изучал английское рабочее движение, посещал митинги и собрания, готовил созыв II съезда партии, работал в библиотеке Британского музея.

В июле-августе 1903 года в Лондоне проходил II съезд партии. Ленин выступал на съезде с докладом об уставе партии, вел непримиримую борьбу с оппортунистами по программным и организационным вопросам.

В. И. Ленин руководил в Лондоне III съездом партии, проходившим в апреле 1905 года. На съезде Владимир Ильич выступал с докладами по основным вопросам повестки дня. Съезд избрал Центральный Комитет во главе с Лениным.

В апреле 1907 года в Лондоне продолжалось прерванное в Копенгагене совещание делегатов большевиков V съезда партии.

В конце апреля и в мае 1907 года Владимир Ильич руководил работой V съезда партии, выступал на нем с докладами и речами. В мае того же года Ленин сделал доклад на II съезде Социал-демократии Латышского края. В мае 1908 года Владимир Ильич приезжал в Лондон, работал в библиотеке Британского музея над книгой «Материализм и эмпириокритицизм». В октябре 1911 года выступал с рефератом.

19. Дом, в котором В. И. Ленин жил в 1902—1903 годах.

ГЕРМАНИЯ

Берлин. В. И. Ленин жил здесь в июле-сентябре 1895 года. Работал в публичной библиотеке, изучал заграничную марксистскую литературу, встретился с Вильгельмом Либкнехтом. Останавливался в апреле 1907 года и в конце того же года.

В марте 1911 года Ленин приезжал для переговоров с К. Каутским, К. Цеткин и Ф. Мерингом; осенью 1911 года встречался с А. Бебелем. Последние приезды Владимира Ильича в Берлин состоялись в январе 1912 года и в декабре 1913 года.

Мюнхен. Владимир Ильич приехал сюда в августе 1900 года и жил до 30 марта 1902 года. Издавал газету «Искра», секретарем которой стала приехавшая в апреле 1901 года Н. К. Крупская. Одновременно под руководством Ленина в Штутгарте издавался журнал «Заря», в котором в декабре 1901 года впервые под псевдонимом «Н. Ленин» было опубликовано начало статьи Владимира Ильича «Аграрный вопрос и «критики Маркса».

20. Дом, в котором В. И. Ленин жил с сентября 1900 года по апрель 1901 года.

Лейпциг. В Лейпциг Ленин приехал в декабре 1900 года, чтобы отредактировать печатавшийся здесь первый номер «Искры». Последующие поездки Ленина в Лейпциг состоялись в январе и июне 1912 года, в апреле 1913 года, январе 1914 года.

Штутгарт. В августе 1907 года В. И. Ленин участвовал в работе Штутгартского конгресса II Интернационала и в заседании Международного социалистического бюро. В июне 1911 года приезжал для переговоров с К. Цеткин.

ЧЕХОСЛОВАКИЯ

Прага. В. И. Ленин был здесь в феврале 1901 года, а в январе 1912 года руководил работой VI (Пражской) Всероссийской конференции РСДРП, которая проходила в Народном доме на Гибернской улице, 7.

21. Прага.

ИТАЛИЯ

О-в Капри. Владимир Ильич был на Капри у А. М. Горького в апреле 1908 года и в июне 1910 года.

Неаполь. Сюда Ленин приезжал вместе с Горьким в апреле 1908 года.

ПОЛЬША

Краков. Сюда В. И. Ленин и Н. К. Крупская переехали из Парижа в июне 1912 года и жили до августа 1914 года — сначала на улице Звежинец, а затем на улице Любимирского (ныне улица Анджея Моджевского). С 26 декабря 1912 года по 1 января 1913 года под руководством Владимира Ильича проходило Краковское совещание ЦК РСДРП с партийными работниками.

22. В этом доме по улице Звежинец жил В. И. Ленин.

Бялы Дунаец. Ленин и Крупская жили в этой деревушке летом 1913 и летом 1914 года в доме крестьянки Терезы Скупень.

Поронин. Здесь под руководством В. И. Ленина с 23 сентября по 1 октября 1913 года проходило совещание ЦК РСДРП с партийными работниками.

Закопане. В. И. Ленин бывал в этом городе и его окрестностях летом 1913 года.

ШВЕЦИЯ

Стокгольм. Здесь Владимир Ильич жил несколько дней в ноябре 1905 года, направляясь из эмиграции в Россию.

В апреле 1906 года в Стокгольме проходил IV (Объединительный) съезд РСДРП. Ленин выступал с докладом «О современном моменте и классовых задачах пролетариата», с содокладом об отношении к Государственной думе, с речью о вооруженном восстании. Работа съезда проходила в жесткой борьбе с меньшевиками. Ленин был в Стокгольме и вел работу в декабре 1907 года, августе-сентябре 1910 года и в марте 1917 года.

ФИНЛЯДИЯ

Хельсинки (Гельсингфорс). Здесь В. И. Ленин останавливался по пути в Россию в ноябре 1905 года. 5—12 ноября 1907 года в Гельсингфорсе проходила IV конференция РСДРП (III Общероссийская), на которой Ленин делал доклад о тактике социал-демократической фракции в III Государственной думе.

В августе-сентябре 1917 года Владимир Ильич жил и работал в Гельсингфорсе, скрываясь от преследований Временного правительства. Здесь он завершил свой труд «Государство и революция».

Тампере (Таммерфорс). Здесь в декабре 1905 года В. И. Ленин руководил работой Первой конференции РСДРП.

В ноябре 1906 года Владимир Ильич руководил проходившей в Таммерфорсе работой II конференции РСДРП (I Всероссийской) и выступал с докладом.

23. Тампере.

Котка. В июле 1907 года В. И. Ленин участвовал в работе проходившей здесь III конференции РСДРП (II Общероссийской).

Оулункюля (ст. Огльбю). В ноябре-декабре 1907 года Владимир Ильич жил на этой станции нелегально. Здесь он работал над книгой «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов».

ДАНИЯ

Копенгаген. В апреле 1907 года Ленин прибыл на V съезд партии, который предполагалось провести в Копенгагене. Владимир Ильич провел здесь совещание делегатов-большевиков.

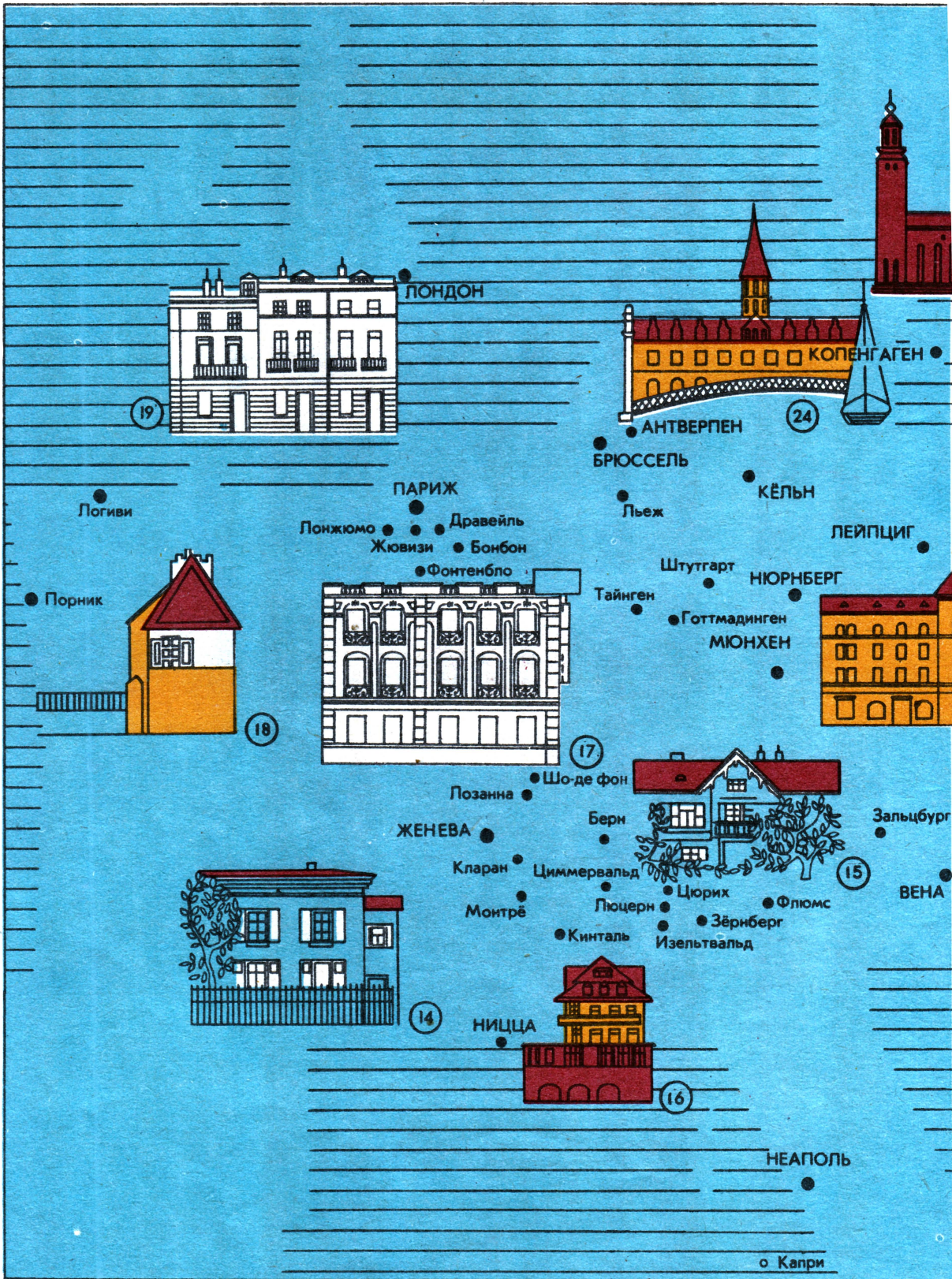
В августе 1910 года Ленин участвовал в работе VIII конгресса II Интернационала.

24. Копенгаген.

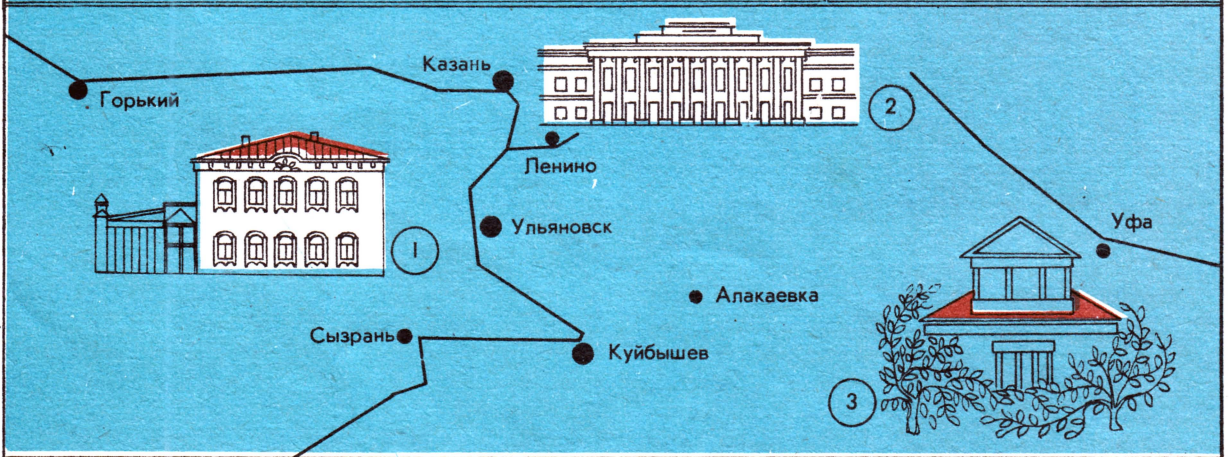
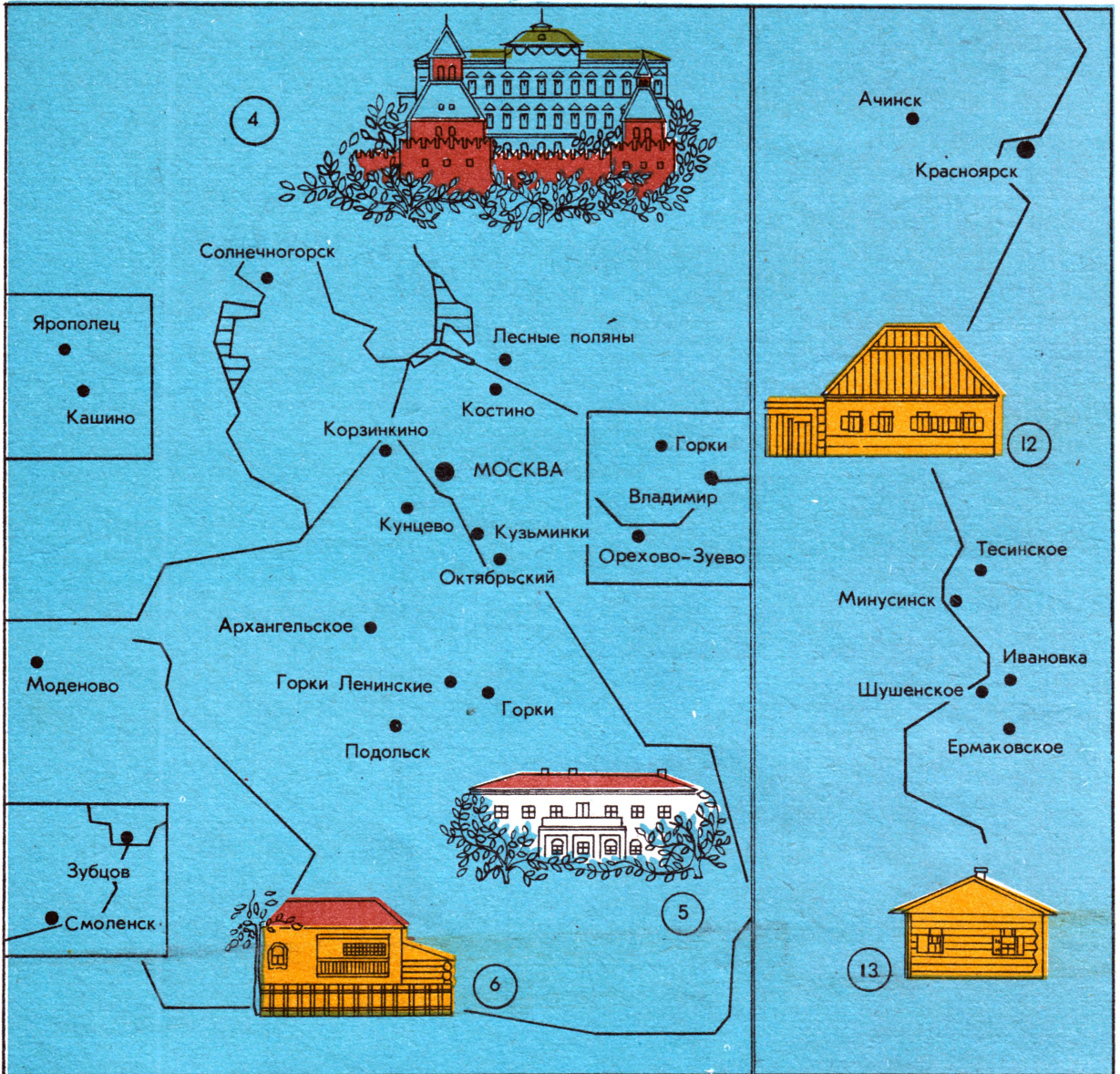
О. БЕРНГАРД.

УТРО СТРАНЫ СОВЕТОВ

**ЗДЕСЬ ЖИЛ
И РАБОТАЛ
В. И. ЛЕНИН**

И ЗВАЛИ ЕГО ИВАНОМ!..

Д. ПЛАШИНОВ

На опушке нас окликнул лейтенант Коля Седин; он заметил тяжелораненого командира минометной роты, моего земляка. Осколки изрешетили грудь капитана... Обессилев от большой потери крови, раненый тихо стонал...»

Эти строки взяты из книги К. Лапина «Подснежник на бруствере», созданной на основе воспоминаний и записей кавалера двух орденов Славы, снайпера Любви Михайловны Макаровой, ныне проживающей в городе Перми.

Вот еще одно место из книги:

«У артиллеристов жесткий лимит снарядов. Лишь командир минометной роты, капитан-уралец, не скупится на огонек. Он заставляет минометчиков собирать немецкие мины и стрелять ими, меняя прицел...»

Кто же он, тот безымянный герой-капитан?

Случилось так, что в феврале 1968 года в редакцию Шалинской районной газеты «Путь к коммунизму» принес свои фронтовые воспоминания Семен Яковлевич Новоселов, прошедший с 59-м полком 21-й гвардейской дивизии большой путь — от Подмосковья до Одера.

И вот оказалось, что командир минометной роты, о котором упоминается в книге К. Лапина, был ранен на глазах у С. Я. Новоселова, и был это Иван Михайлович Плешивых, житель уральского села Сылва. Еще до войны они знали друг друга. Иван Михайлович ушел на фронт несколько раньше и уже в 1941 году командовал лыжным батальоном. В этом батальоне служили и его земляки-шалинцы П. Оплетин и А. Неугодников, кото-

рые погибли в суровую зиму 1941—1942 годов.

С. Я. Новоселов с И. М. Плешивых встретились в июле 1942 года, когда вышли из окружения. Теперь Новоселов стал старшиной минометной роты, которой командовал капитан Плешивых. А командиром одного из взводов был уже знакомый читателям «Уральского следопыта» лейтенант Прокопий Кузьмич Шитоев, тоже уралец, впоследствии командовавший батальоном, а затем — полком.

«В тот злополучный день, — рассказал С. Я. Новоселов, — мы с капитаном Плешивых находились в одном блиндаже. Шли тяжелые бои под деревней Демешкино в долине, которую солдаты называли «Долиной смерти». За три месяца до того мы взяли Невель, так что боевой опыт у нас был. Бои проходили в сложной обстановке. Чтобы лучше помочь наступающим бойцам, капитан решил еще раз проверить минометные расчеты. Это было последнее, что он сделал во имя победы. Вражеский снаряд, ударившись о стоявшую рядом сосну, градем осколков изрешетил отважного командира».

А вот письмо Любви Михайловны Макаровой, адресованное С. Я. Новоселову:

«г. Пермь. 12 мая 1968 г.

Уважаемый однополчанин, Семен Яковлевич, здравствуйте!

Спасибо вам за письмо и пожелания.

За последние два года я много получаю писем, поэтому письмо ваше меня не удивило, а обрадовало: еще один однополчанин отозвался. Я переписываюсь со своими фронтовыми подругами, которые живы, с родными погибших, а также с однополчанами: К. А. Булавиным, М. Г. Гатночкой (помните, был такой

33

снайпер в нашем батальоне?), с двумя разведчиками и военврачом полка. Годы идут, но они не стирают память фронтовую. Да разве можно забыть о тех суровых, боевых днях!

Прочитала я ваше письмо и вспомнила: да, капитана звали Иван Михайлович. Был он тяжело ранен в декабре 1943 года. Можно сказать, был изрешечен весь осколками и еще кричал в бреду: «Дайте огонь!.. Дайте огонь!!» Но я не знала, что он погиб. Видимо, вскоре от ранения умер, тут же, на поле боя. Его я видела раненым, знаю, что принимали меры к отправке. Личность его очень, очень хорошо помню. Помню и то, что это был прекрасный командир.

Как он радовался каждому лишнему выстрелу по врагу, как наши минометчики собирали немецкие мины, чтобы лишний раз ударить!

Помню и то, как капитан И. М. Плешивых, сидя на землянке, ел из одного котелка со своим старшиной. И все повторял: «Хлебай, хлебай». Мне эти слова были знакомы, не вызывали удивления, а другим слово «хлебай» было в диковинку, так как это чисто уральское выражение. Так не вы ли, Семен Яковлевич, были тем старшиной, с которым командир роты ел из одного котелка?

Когда будете писать П. К. Шитову, передайте от меня привет и наилучшие пожелания, а также низкий мой поклон жене командира роты Ивана Михайловича Плешивых.

С глубоким уважением ваша однополчанка Л. Макарова».

Вот и Сылва. На воротах небольшого домика две красные звездочки, обведенные траурной каймой.

Анфиса Тимофеевна, жена погибшего капитана Плешивых, показала нам извещение:

«Гвардии капитан Плешивых Иван Михайлович, уроженец Свердловской области, Шагинского района, в бою за социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявил героизм и мужество, был ранен и умер от ран 23 декабря 1943 года. Похоронен в Калининской области, Невельского района, могила № 1. Начальник госпиталя... Секретарь...»

Вот что нам удалось узнать о капитане-уральце Иване Михайловиче Плешивых, не названном по фамилии в книге «Подснежник на бруствере».

И еще. О второй звездочке на воротах его дома. Анфиса Тимофеевна поведала:

— Это сынок мой, Саша. В 1944 году пошел на фронт. Еще сказал на прощание: «За отца отквитаю». Погиб он в Маньчжурии.

Александр РОМАНОВ

Я проснулся ночью неспроста:
Под окошком горницы моей
Вдруг рассыпал с мокрого листа
Золотой горошек соловей.

От восторга захватило дух,
Как услышал этот перещелк.
Где-то вскрикнул на задах петух
И, конечно,— устыдился — смолк.

И в едва намеченную вязь
Трав и листьев, и в туман дорог
Все катился, чуть ли не светясь,
Этот звонкий, радостный горох.

Дождик бил ладошками ему,
И, ей-богу, ночью слышал я,
Как трава распаривала тьму
И росла, чтоб чуять соловья.

Миг

Заметался пар щенком
Под ногами борзо.
Ты белье заносишь в дом,
Звонкое с мороза.

И повеяло вокруг
Молодо и чисто
От белья, лица и рук
В серебристых искрах.

Ношу мимо пронося,
Как несут подарки,
Дышишь холодом ты вся,
Только губы жарки.

Стояла ель...

Стояла ель. В лесном пределе
Стройнее не было ее.
И солнце колоколом пело,
Задев порой за острие.

Она ветвилась, в два охвата,
Совсем не чуя мужиков.
В два топора такую надо,
В два топора — наказ таков.

Рубили дерево, рубили
Два здоровенных мужика.
Иные щепки, как дробины,
Свистели около виска.

Добра, крепка попалась елка.
Хотели сразу наповал,

Но из подруба, как из щелки,
Огонь, казалось, вылетал.

На хвойных лапах — гнезда, гнезда
И верещание птенцов.
Но сталь дробила в два нахлеста
Кольцо, кольцо, еще кольцо.

И что кольцо — уже усталость,
И что колечко — белый свет,
И мужикам уже казалось,
Что этим кольцам счета нет.

Но наконец-то сердцевина,
И ель завьюжила, да так,
Что посинел от страха, хлынул,
Дава друг друга, березняк.

...Пошли за лошадьё. Низина,
Кочкарник хлябкий на пути.
И только тут сообразили
Что дерево не увезти.

Хозяин

Завидую хозяину:
Грибов поел — и сыт.
Прилег — уже храпит,
А встал — и свежий заново.

Возьмет топор отточенный
И вновь пойдет пешком
Рубить кому-то дом
И все такое прочее.

В одном себе уверенный,
Уже давно старик
От слов пустых отвык
И от пустых намерений.

А я лежу, ворочаюсь
И слышу ровный храп.
Ну, молви он хотя б —
И ночь была короче бы.

Но, утомленный бременем
Работы, а не слов,
Не слышит он часов —
Он не страшится времени.

Я перед ним — как маленький,
Один кручусь в ночи,
И надо мной стучит,
Как будто дятел,
маятник...

Столбы

Зашел и ахнул: тут спала заря!
По всей поляне капли земляники
Текли в траву, мерцая и горя,
И грузно в холодке зеленом никли.

Я брал в траве горстями эту сласть,
Хмелел, сиял и увидал не скоро,
Как просека с поляны началась
И в лес метнулась узким коридором.

Сутуло телеграфные столбы
Протаскивали провисавший провод.
Казалось, что в просветах голубых
Летел меж елок рыжеватый овод.

Я присмотрелся издали к столбам:
Они шагали, замкнуты порукой,
Знать не желая, что по сторонам
От них теснились елки друг за другом.

Теснились и шептались меж собой
И осыпали солнышка осколки.
Просвечены березовой резьбой,
Как будто избы, громоздились елки.

Низина встряла — выжили и в ней,
Ну, а столбы, шагнувши с косогора,
Там зашатались: не было корней.
Их не держали даже и опоры.

И падали, за провод ухватясь,
Но тут и он не помогал нисколько...
И вот в низине, скрытые от глаз,
Сошлись и плечи подставляли елки.

Столбы с привычных для себя вершин
Кренились, и слабы и темнолики...
И я жалел, что видел их один,
Что в лес один ходил за земляникой.

*Гравюры
Н. Никулиной,
Л. Вейберга,
М. Дистергефта*

Я ФОНЬКА ПРАВИТ ПОСОЛЬСТВО

Сибирский сказ

К. БОГДАНОВИЧ

Рисунки Е. Стерлиговой

На Красный Яр пришел с тремя рядовыми казаками томский служилый человек, десятник Волянко Терский. Принес он воеводе Красноярскому, Никите Карамышеву, весть о том, что-де киргизские люди князца Ишенея вновь шерть — присягу на верность — нарушили, от ласки царской и от даров-поминков отказались и ясак имать с себя не дают. Говорят, мол: один у нас царь, свой, — Алтын-хан. А откочевали, люди сказывают, в полуденные земли, что за Красноярским острогом. И надо, стало быть, того князца опять в русское подданство приводить, под высокую государеву руку.

Помрачнел Карамышев, слушая те сказки. Опять воровство, делу поруха! Да еще набега жди. И сколько же это можно, князцу Ишенею так-то вот юлой крутиться — то туда, то сюда. Беда с этими киргизами. Если, к примеру, пойти против них большой войной — чтоб, стало быть, побить разом до конца, — не выйдет. Одним, без подмоги — нечего и затевать. А от прочих воевод — что Кузнецкого, что Томского, что Енисейского

или иных кого — помощи не жди. Без царского на то указа ни за что не пойдут в товарищах. Первое — все в дальних даях, за сотни верст один от другого. Второе — сами скудны ратной силой. Третье — своих забот у каждого по верх головы. Те же киргизы... И выходит — беда-то одна, а вот сговору, чтоб супротив нее союзно выступить, — никак не выходит. Да и сами воеводы спесивы, завистливы, боятся друг против друга — а что, если кто лучше окажется? Победы и славы каждый только себе иметь хочет.

Долго смотрел в слюдяное окошко Карамышев, отвернувшись от прибывших. Все думал — делать-то что? Куда ни кинь — везде клин. Выходило одно — искать Ишенея, коли он в окольные от Красноярского острога земли откочевал, и вновь на русскую сторону обращать. Это же в который раз!

Пнув с досады в стену, Карамышев обернулся к томским служилым людям и к своим атаманам да приказным, которых велел призвать к себе, как дурную весть услышал.

— Ну, что делать станем?

— Может, аманатов-заложников побьем, коли, значит, ихние люди шерть нарушили, а? — подал голос сын боярский Иван Птицын.

Приказный подьячий Богдашка, щурясь — кто говорит? — закивал было головой, но воевода только рукой махнул.

— Э, советчики!

Прошел по горнице несколько раз.

— Аманаты! Толку-то от того? Киргизов этим до нас не повернешь. Да и за что аманатов живота лишать? Киргизы-то ведь отошли миром, Ишеневы люди-то. Не побили никого, не угнали — ни из наших, ни из ясачных.

— Они за аманатов выкуп сулили дать. Немалый, бают, выкуп, — молвил Волюнко, томский десятник.

— Что в том выкупе! Отдать им аманатов, тогда они и вовсе из-под нас уйдут, — прогудел из угла Дементий Злобин, атаман конной сотни Красноярской.

— Это верно, — кивнул Карамышев. — Не след нам ни аманатов побивать, ни за выкуп отдавать. Пусть сидят пока. Тут другое надо — в киргизы ехать, послов посылать к Ишеневу...

Все молчали — надо так надо, на то и воевода, чтоб указывать. А Карамышев, оглядев всех, кто в приказной избе был, закончил:

— Ин быть по сему.

— А кто в послах пойдет? — спросил Дементий Злобин.

— А хоть ты.

— Ну, я! Я разговоры весть не ученый. Вот этим, — он похлопал себя по левому боку, где сабле место, — я еще могу разговоры весть. Да и чести больно много будет, ежели за каждым князцом атаманы ходить будут. Вон подьячий Богдан Кириллыч пушай в киргизы идет — он грамоте ученый, да и...

— Тоже чести много будет, — не дал досказать Злобину Карамышев, — чтоб приказного подьячего к Ишеневу посылать.

Богдашка же, услышав свое имя, только вскинулся и глазами захлопал, а по горнице смешок прошел — учудил атаман: Богдашку в послы! Он же слеп, Богдашка тот. Как писать отписку али грамоту честь — носом по бумаге водит. Ходит по острогу — с издаля никого распознать не может. Да и так — хоть ученый грамоте, а как бы блажной, не от мира сего. И сабли в руках держать не умеет.

Когда смех утих и Богдашка кончил бубнить себе под нос, Карамышев сказал:

— Нужен в послах не токмо человек верный, а чтоб горяч не был, как Дементий наш. И чтоб умом скорбен не был... Ну, да ума-то хватит и у Дементия, и у Богдана Кириллыча. И чтоб воин умелый был, не трус какой. А из Богдана Кириллыча какой воин? Нет, ни атаман наш, ни подьячий не гожи в послы по статьям разным.

— Вот новый десятник в конной сотне — вот тот казак добрый, — вдруг заговорил Емельян Тюменцев, атаман пешей сотни. — Не рядовой — десятник, начальник, стало быть, человек. Ежели послом к Ишеневу слать — тому не обидно будет. А сам тот десятник — казак добрый: смел и в дураках никогда не ходил, рассудителен опять же...

— Какой еще новый десятник? — сердито спросил Карамышев.

— А тот, что замест убитого Романа Яковлева поверстан. Он еще в торги ходил с одним торговым человеком. Про новые места разведывал.

— Афонька-то, — опять прогудел из угла Дементий Злобин.

— А, Афонька, — улыбнулся Никита Карамышев. — Как же, как же. Востер казак. А справится ли с такой службой?

— Он-то, Афонька? Управится, — ответил Дементий Злобин. — Уж мне ли его не знать, Афоньку-то! На Красный Яр, чай, вместех пришли, еще с воеводой Дубенским, с Тобольска-города.

— Ну что же, пошлем твоего Афоньку в киргизы. Грамоту ему дадим, чтоб все как надо было. Как он по-ихнему, по-киргизски, разумеет?

— Умеет. Он и по-татарски может. У него в женах-то, слышь, татарка-новокрещенка.

— Ну, стало быть, пусть так и будет. Пойдет Афонька в киргизы править посольство. Все. Днями же, не мешкая, пусть и отправляется.

И через несколько дней новый десятник конной сотни уже выезжал из Красноярского острога разыскивать князя Ишеня.

Шел Афонька с наказом — привести Ишеня с его людьми к шерти на верность русскому царю. Но привести так, чтобы порухи какой делу не было. Это больше всего и пугало Афоньку — управится ли? Как бы не осрамиться в та-

ком деле. Как с ними, с киргизами, держать себя, чтоб и им обиды не было, и русским стыда не стало? Вот задача Афоське досталась!

Как съезжал он с острога, дали ему грамоты. Одну — что он-де, Красноярского острога конной сотни десятник, есть доподлинный посол и путь держит в земли князя Ишенея от Красноярского воеводы. А другую грамоту давали к самому князю Ишенею, чтобы тот поимел совесть, чтобы вновь по-прежнему служил государю и прямил ему во всем, и чтобы шерти боле не нарушал. И за то ему, Ишенею, по государевой милости вина в изменном деле снимется.

Дали Афоське еще поминки для князя и лучших его людей: сукна цветного, камня драгоценного, опоясок цветных, блюд медных и оловянных, уздечек наборных и попон, узором шитых. Дали и денег, если что — так кому в поминок дать. Все дали по описи.

Подъячий Богдан опись делал и, прочитавши ее Афоське при воеводе и Дементии Злобине, велел десятнику к описи руку приложить.

И вот Афоська шел в киргизы. Одзуконь шел. На одном, ратном, сам ехал, а

другого, вьючного, вел в поводу за собой. Вез на нем поминки Ишенею и еду — сухари да крупу, толокна немного, мясо сохатинное сушеное. Были еще бурасаки, что Айша, жена, сготовила. Да воды запас в баклаге.

Уже неделю как шел Афоська, все на полудень и чуток на восход солнца. Первое время пробирался тайгой, тропами, по речкам разным и ручьям. Мимо улусов, с которых на Красноярский острог ясак брали, шел не скрываясь и всем ясачным, какие в пути встречались, говорил, за чем шел. Знал, что все едино — весть о его посольстве до киргизов быстрее коня добежит.

Из тайги Афоська вышел в степи. Тут стало веселее идти, не то что в чащобе, где не видать вокруг ничего. Но другая беда — сам на виду, не укрыться от чужого глаза.

Вышел Афоська в степь в конце мая. Было уже совсем сухо, только кое-где в ложочках и балках следы от талых вод весенних проглядывали. Степь зазеленела от трав. Летали и звенели-стрекотали птицы. Обдувал ветерок. Дни стояли погожие. Небо было сине, лишь изредка на него находили легкие облака. Под самы-

ми облаками кружили беркуты, а от облаков по степи бежали быстрые тени.

По первости, как в степи выехал, опался Афонька, как бы кто зла над ним не учинил. И потому даже коней на ночь не треножил, а привязывал близ себя, для чего имел железную занозу. Он вбивал ее в твердую сухую землю, как мог глубже, и привязывал к ней коней на длинном поводе, чтобы паслись. А сам спал вполглаза и на каждый шорох — ветер ли прошумит, конь ли копытом стукнет — вскидывался: кто там? Но, притомившись так-то за несколько ночей, плюнул на страхи и опаски, порешил, что, мол, все едино — коли наскочат на него лихие люди, то не отбиться ему от них и не уйти: один, как палка, среди степи-то. И после этого Афонька успокоился и ехал дальше легко и беззаботно, чая только найти Ишеневы юрты.

Выезжая со светом, он ехал все вперед и вперед. Когда находил воду — ручей или озерцо, — делал большой привал, кормил и поил коней, ел сам, разложив костерок. На ночь, как только начинали спускаться сумерки, треножил коней, смотрел, как, вскидывая передние ноги, отбегают они от костра в степь, а потом, поужинав и помолившись, укладывался спать. И спал с храпом, со свистом, потому как, наболтавшись за день в седле, по жаре и зною, уставал, как пес.

Едучи по степи, он не встречал никого, только видел, что киргизы или кто другой тут бывали явно — ему попадались овечьи орешки и конские яблоки, а то и места, где юрты стояли. Но хоть и никого не встречал он, а нутром чуял, будто кто-то глядит на него, будто следит за ним чей-то глаз. Первые дни он озирался, оставливался, кой раз даже на седло становился — все одно никого и ничего не видел. А чуял — смотрят... Но потом и с этим пообвык. «Глядите, глядите, чума вам на головы», — ворчал он себе в усы и уже больше не оборачивался, все ехал и ехал.

Иной раз по утрам ему вроде бы виделось, будто маячит на самом краю степи всадник-вершник. Но, взглядевшись, — нет, не примечал никого. То ли морок на него находил, то ли впрямь кто был — неизвестно. «А и пес с ним, — мыслил Афонька. — Еще чо! Буду я на вас досматривать, коли и рыцете вы за мной тайно, ровно волки по моему следу крадетесь»;

Вот чего он и впрямь боялся, так это волков. Правда, видать их не видел, но по ночам слышал, как они воют. Потому огонь в костре всегда держал, чтобы тот не загасал. И кони, когда волков чуяли, далеко от костра не уходили. А другой раз, услышав вой волчий, сами подбежали к огню, жались к нему, били копытами, чуть на Афоньку не наступая. «Балуи, балуи! — сквозь сон ворчал Афонька. — Не бойсь».

Так ехал он и ехал, все по хорошей погоде. Правда, раза два набегали дожди, но то были не дожди, а так, баловство одно. Теплые, тихие, благостные. После них все свежело, и ехать было не так тяжело, как по зною и пыли. Но однажды в ночь нашла гроза.

Афонька, как только ударило первый раз в поднебесье, да зычно так, ровно из ломовой пушки, — тут же вскинулся и побегал к коням. Те уже были испуганы, взбрыкивали беспокойно, крутили головами, а когда полыхнул с самого верху до самой земли огненный столб да сызнава ахнуло, раскатившись, кони и вовсе забились, заметались, стали на дыбы вскидываться. Налетевший ветер хлестко и больно сек дождем Афонькино лицо. Прикрываясь рукавом, Афонька еле успел добежать к коням. Он разом скинул кафтан, укутал тем кафтаном одного коню голову, чтобы не видел и не слышал лютости небесной, другому замотал голову попоной. Кони стихли, только дрожали и топтались беспрестанно. А Афонька их оглаживал, стоя под секущим дождем, смотрел, как пляшут, свиваются, падая наземь, огненные ленты, слушал, как грохочет-рыкает по всей ночной степи гром.

Он весь вымок, но от коней не отошел, пока не стихла гроза.

Только под утро ветер унес с собою низкие темные тучи. Но клочья их еще долго металось в небе, и долго еще полыхали молнии, и глухо раскатывался далекий уже гром.

Такой грозы Афонька не видывал. Провалившись до озноба, уставший, он свалился близ коней, накиннув на себя мокрые попоны и кафтан, и заснул ровно мертвый. Спал почти до полудня, а потом сушился и чистился. В путь тронулся только с новым утром.

И опять ехал и ехал, пока не стало видать, по всем приметам, что недалеко уже большое кочевье. Помет стал попадать чаще, и следы кострищ чаще встреча-

лись, и другие приметы человеческого жилья — кости оглоданные, не то так кинутые, не то зверьем унесенные. И кости, по всему видать, не сырые были обглоданы, а сваренные или на огне запеченные. Кострища, какие стали попадать на пути Афоньке, были не так уж давнишние. Хоть и сдут уже ветром пепел с углей, но и по горелому месту еще ни одна былинка не проросла, и пылью горелые места не припорошило. Они свежо чернелись середь трав.

«Видать, один-два гона осталось, а то и менее, до Ишенея-то,— мыслил Афонька.— А может, и совсем мало».

Вечерело. Можно было бы ехать еще часа два, до полной темноты. Но Афонька не спешил к ночи-то под киргизов подъезжать. Уж лучше поутру или днем. В ночь-то они все настороже. Это Афоньке таиться не к чему было... И Афонька, как всегда, раскинул костер, пустил коней на пастьбу, а сам, погрызши сухарей с мясом сушеным, лег спать. Перед сном он еще изготовил одежду для встречи с киргизами: вынул новый кафтан малинового сукна, шапку с собольей оторочкой. К кафтану положил белый рушник, чтобы потом через плечо вздеть для вида посольского. С тем и лег спать. И, как никогда, спал крепко, в ночь ни разу не ворохнулся.

Когда Афонька проснулся, а пробудился он враз, будто кто ударил его, то увидел вокруг себя с десятков пеших киргизов. Позади два вершника держали в поводьях коней, среди которых Афонька приметил и своих.

Афонька, хотя сердце у него екнуло, сделал вид однако, будто он и ждал киргизов. Не моргнувши даже, только так, поверх них, взором провел; неспешно, чтобы не подумали, что испужался, поднялся на ноги и стал отряхиваться. Отряхнувшись, так же неспешно нагнулся за кафтаном. Сглотнул сухость, которая комом в горле встала, распрямился, надел новый кафтан, перекинул через плечо рушник белый. Потом еще раз наклонился за шапкой и, надевши ее, подпоясавшись кушаком с саблей, только тут сурово и молча воззрился на киргизов. Те же, увидев, как он смотрит на них и оправляет на боку саблю, отступили от него на несколько шагов и, вмиг выхватив из садаков луки, направили на него острые стрелы, до отказа натянув тетивы.

Но Афонька не шелохнулся, не спя-

тился ни на вершок. Положив левую руку на саблю, а правой упершись в бок, он молча стоял, выставив вперед ногу,— ну, мол, а дальше что?

Киргизы, не опуская луков со стрелами, стали кольцом приступать к Афоньке. Они подступали медленно, но ровно, и все стрелы были направлены в Афонькину грудь. «Как враз спустят стрелы, так стану я навроде игольника Айшиного»,— подумал казак, вспомнив махонькую подушечку, куда жена его иглы втыкала. Он представил себя той подушечкой, в которой вместо игл стрелы оперенные, усмехнулся и стал совсем спокойным. И когда киргизы уже подступили вплотную, так, что стрелы с натянутых луков почти касались его, Афонька, согнавши с лица усмешку, не торопясь вымолвил:

— Ну, что надо-то? Куда наступаете-то? Видите — один я, а вас эвон сколь — и лезете, ровно на рожон.

Он обвел спокойным взором стоявших перед ним киргизов, не оглядываясь на тех, что подступили с боков и сзади. На него глядели прищуренные до щелок раскосые глаза. Темные, пропеченные солнцем лица были ровно каменные, только на скулах желваки вспухли, перекачиваются.

Услыхавши Афонькины слова, его голос, киргизы остановились, и Афонька продолжал:

— Иду к вашему князю Ишенею с добром и миром от воеводы Красноярского острогу. Как посол иду, коли вам ведомо, что сие есть,— тут Афонька указал на рушник, что через плечо повязан у него был.— И при мне его воеводские грамоты есть за государевой печатью. И потому вы должны меня отвести ко князю вашему Ишенею, а не стращать луками.

Киргизы внимательно слушали Афоньку, не опуская, однако, луков. И тут один из них, видать, кумекавший по-русски, стал перетолмачивать своим, что отповедал им казак. Афонька, хорошо знавший по-киргизски, слушал, как тот перекладывает. Тот, толмач, пересказывал все ровно бы в точности.

— Зачем тебе Ишеней? — спросил один из киргизов.— Ишеней не хочет водить дружбу с русскими людьми, не хочет, чтобы русские из Кызыл-Яр-Туры на его землю приходили. Мы сейчас убьем тебя, и твои кости растащат волки и степные лисы.

Афонька подождал, пока ему тот киргизин, что по-русски знает, перетолмачит все. Тот точнехонько довел все Афоньке.

— Убить-то что, это дело нехитрое. Это всегда сотворить можно, хоть сейчас, хоть после. Убивайте — сила-то ваша, десятеро на одного, — возвысил голос Афонька, видя, как внимательно слушают его киргизы и как, не дожидаясь, когда он смолкнет, толмач перекладывает своим его речи. — Убивайте. Только невдомек мне, похвалит ли вас за то ваш князь. А что я доподлинный посол, а не самозванец какой, на то у меня грамота есть.

Тут Афонька не торопясь снял шапку, вынул из нее грамоту, обернутую для сохранности в бычий пузырь, развернул ее и показал киргизам.

Те стали перешептываться, Афонька слушал их, усмехаясь про себя. Ишь, спу-

жались, заспорили промеж собой, вести или не вести Афоньку до Ишенея. «Поведете, миленькие, как есть поведете!»

Наконец один из киргизов, что, видать, был начальником над остальными, опустил лук и снял с тетивы стрелу. Махнул рукой, и остальные тоже опустили луки. Афонька глубоко вздохнул — вот так-то.

— Отдай нам саблю, и мы тебя поведем, — велел Афоньке.

— Вот и нет! Я не полонник и сабли не отдам. Ишь, чо удумали! Ты вот лучше вели, чтоб мне пищаль и копье отдали, и коней тоже. Эвон, захватили все! Так не гоже поступать-то с послами.

Киргизский начальный человек осердился, затряс головой, стал ругаться, кричать, даже ногами начал топтать, грозя Афоньке. Но Афонька заупрямился и стоял на своем. Толмач-киргизин едва до-

спевал переключать то Афонькины слова своему киргизину, то киргизина слова Афоньке. Заспоривши, Афонька вгорячах и не заметил, как, не дожидаясь, что ему толмач переложит, прямо киргизину отвечал, без переключки его речей. И тот киргизин тоже вгорячах такого не заметил, и толмач тоже, который даже путал, кому и как говорить, и кричал Афоньке по-киргизски же, а своему киргизину по-русски. Шум стоял великий.

Наконец киргизин, войдя в разум, что посол есть посол, никуда тут не денешься, — молвил:

— Отведем тебя к князю Ишенею.

Он махнул своим, и те, враз побежав, повскакали на коней. Начальник-киргизин и толмач тоже на коней сели. Они окружили Афоньку — стали махать руками, показывать: мол, иди давай, чего стоишь-то. Афонька осердился.

— Да вы чо? Вы на конях, а я в пешки пойду? Да ни в жисть тому не бывать, чтобы посол пешком шел, ровно он ясырь!

Киргизин опять было свариться с Афонькой стал, заперечил, но Афонька уперся на своем. Он даже плюнул с досады и сел наземь — не хотите, как хотите. Конные киргизы, обступивши его, шумели, опять грозили, за сабли и луки хватались. Тогда Афонька вскочил на ноги, натянул шапку покрепче на голову и, не глядя по сторонам, пошел обратно, откуда ехал. «Еще срамиться не хватало, нат-ко вот, хрен в нос», — думал он, резко вышагивая. Но не прошел и тридцати-сорока шажен, как услышал позади себя конский топот. Киргизские верхники обогнали его, и начальный киргизин заступил конем дорогу. Видать было, что всполошился он шибко — вдруг и впрямь уйдет посол. А что из этого станется — не ведал, и потому, остерегшись, как бы какой беды для него не учинилось, уступил упрямо Афоньке.

— Подожди, казак, подожди! Зачем спешить в важном деле и гневить сердце? Вот твой конь. Ты храбрый джигит. Джигиту нельзя без коня в степи. Садись! Поедем с нами, с почетом поедем.

Афоньке подвели коня, он ловко и легко вскочил в седло.

— Ай, джигит, ай, джигит, — все улыбался киргизский начальник. — Ты у себя в Кызыл-Яр-Туре, видно, великий воин.

— У нас все великие воины. Худых-то, замухрышек у нас не держат. Зачем они? — достойно и степенно ответил

Афонька, дождавшись, когда толмач-киргизин переложит ему то, что он уже и сам понял.

Афонька выехал вперед. Киргизин-начальник пристроился с ним конь о конь. Остальные шагах в десяти подстроились сзади. Тогда Афонька тронул коня и пустил его на рысь. Все тронулись за ним.

Ехали все больше молча. Киргизы сзади о чем-то переговаривались, но за топотом и дальностью Афонька всего не слышал. Только и разобрал, что поминали в разговоре русских, Ишенея, ясак и Кызыл-Яр-Туру.

За полдень подъехали к Ишенею кочевью. В улусе, видать, народу было изрядно. Весь род свой собрал отложившийся князь. «Подика со сто, а то и больше одних ратных мужиков будет», — думал Афонька, считая юрты.

Поначалу, как в улус въехали, Афонька потребовал было, чтобы его, ни мало не медля и не чиня волокит, тот же час повели к Ишенею. Но киргизин-начальник отказал напрочь и даже слушать не стал — заткнул уши и услал толмача, сказавши напоследок через него, что сей час-де доведет обо всем Ишенею, а уж завтра — как князь решит, — вот, мол, и весь сказ.

— Ладно уж. Будь по-вашему, — не стал перечить Афонька. И так сегодня весь день сварился, уж лучше хватит.

Два киргизских мужика по велению Атобая, — так того киргизина из начальных людей Ишенеевых звали, что привез Афоньку в улус, — показали Афоньке на одну из юрт и отвели его туда на отдых и ожидание. В юрте никого не было. На полу, как и везде, кошмы настелены, накиданы подушки, овчины, столик низенький стоит. Киргизины потыкали пальцами — ложись, мол, отдыхай. Ладно, отдыхать-то отдыхать, а пожрать-то дадите?

— Ись хочу, — сказал Афонька и ткнул себе пальцами в рот.

Те закивали головами — ладно, ладно. Вскоре Афоньке принесли еды и питья. Щедро принесли. Поев, Афонька вдруг схватился — а псминки-то Ишенею! А ну, как уволокут? Вышел из юрты — стал шуметь, где, мол, кони мои и вьюки? Хотел уже по-киргизски заговорить, да тут нашелся еще один, по-русски разумеющий, из тех же двух, что к Афоньке — видать, для досмотра — представлены были. «Тоже хитры, черти, да меня не перехитрите», — помыслил

Афонька и стал толковать, чего ему надобно. Вскорости выюки и все оружие его было принесено. Афонька велел, чтоб все сложили в юрте, а кони, сказал, пусть падутся в стаде.

Афонька не стал более докучать киргизам, к нему приставленным, и ушел в юрту, чтобы не глазели на него, потому как побегало множество и мужиков, и баб, и ребятишек. И все вокруг него крутились и разговоры разные про него вели. От шума у Афоньки голова кругом пошла, и он полог за собой задернул.

На другой день Афонька проснулся рано. Вышел из юрты малую нужду справить и чуть не упал: споткнулся с маху-то. У самого входа в юрту лежал киргизин. Тот, как Афонька споткнулся о него, вскочил, охнув. «Стерегут, черти»,— понял Афонька.

Вернувшись к юрте, он стал пытаться киргизина, когда его, посла, до Ишенея допустят. Киргизин ничего не понимал, махал руками на Афоньку, загонял его обратно в юрту.

— Но, но! Я тебе не петух, чего на меня руками машешь! Ишь ты,— и, отстранившись от себя киргизина, пошел по улусу. Киргизин поплелся следом, уговаривая Афоньку вернуться, но тот ровно не слышал ничего — шел себе и шел, поглядывая по сторонам.

В улусе уже, видать, давно попросьпались. Где в очагах уже огонь развели — дымок шел над юртами, нагоняя кизячный дух. Где костерки меж юрт пораскинули, на таганках казаны поставили с варевом. Мекали где-то овцы, ржали кони. Только верблюды молчали, лежали, поджавши ноги, и жевали, прикрыв глаза и покачивая головами на змеиных шеях.

Улус был богатый — скота много, людей тоже.

Бабы-киргизки, завидев Афоньку, взвизгивали и убегали, прятались по-за юртами, а потом выглядывали оттуда. Мужики же киргизины, которые встречались Афоньке, провожали его неприветными взглядами. А ребятишки, голопузые и босые, гуртом бежали за ним и орали на разные голоса. Бежали до тех пор за Афонькой, пока киргизин, что плелся сзади и все ворчал себе под нос, не огрел нескольких кнотом-камчой,— те тогда завизжали и поотстали.

Так походил Афонька по улусу с час, а то и больше, потом стал сердиться.

Вернулся к себе. Едва отыскал юрту свою среди иных — до того похожи одна на другую были. Там уже, около юрты, сидел второй вчерашний киргизин, тот, что умел по-русски говорить.

— Шибко ходи! Ись иди. Каймак ись, брынза ись, овечка ись,— тараторил он.

Афонька вошел в юрту. На столике еда стояла. Пока он ел, пришел вчерашний начальник, Атобай, и присел, ноги калачиком подвернул, стал ждать, когда Афонька есть кончит. Увидевши его, Афонька не стал спешить, ел медленно, не торопясь. Показал тому Атобаю — садись, мол, и ты, раз пришел, мол, одному мне есть не можно. Тот сложил руки, поклонялся, подсел к Афоньке, отломил кусок лепешки, обмакнул в каймак, стал жевать. Так посидели. Афонька съел все, что было, чтоб не обиделись хозяева. Рыгнул для приличия. Атобай заулыбался, тоже рыгнул. Стал руки о халат вытирать, Афонька — о кафтан.

— Скоро Ишеней ходить будем,— вдруг по-русски сказал Атобай и уставился на Афоньку — что, мол?

— Добрую весть принес ты мне,— по-киргизски ответил ему Афонька и тоже прямо посмотрел на Атобая — что, взял? На-ка вот, выкуси, и мы не лыком шиты, не обдуришь. Атобай было изумился, захлопал глазами, но потом напустил на себя вид, что ничего, мол, тут дивного нет и что он, Атобай, и не думал впросак попадать.

Посидев еще малость для приличия, он сказал Афоньке, что идет сейчас к Ишенею, а он, Афонька, пусть посидит малость здесь неотлучно, пусть ждет — за ним-де придут и с почетом к Ишенею доставят. Сказал он все это по-киргизски. Афонька же по-русски ему ответил, что, мол, все это ладно и хорошо, но чтоб побыстрее, а то ждать он долго не может, и коли Ишеней не хочет с ним, с послом, разговор весть, то он, Афонька, к вечеру съедет с улуса и повернет назад на острог.

С этим Атобай и ушел.

Но ждать Афоньке долго не пришлось. Вскорости за ним пришли и повели к большой юрте, крытой белой кошмой с цветными узорами,— Афонька давно ее среди иных приметил. Кланяясь казаку, киргизин откинул белую же кошму, которой вход завешен был.

Афонька вошел внутрь и остановился. У очага, что горел в юрте,— хоть на

воле и в самой юрте и так жарынь стояла,— сидело на кошмах и подушках несколько киргизов. Кто из них Ишеней и к кому речь держать — непонятно было. Который же тут князь?

Киргизы помалкивали, на Афоньку глядели. Все они были одеты вроде бы ровно — по одежде не различишь. Не то что воевода — того среди иных сразу видать по кафтану богатому, по убору головному да и по виду. И сидит он всегда в особицу. А эти... Верно, вон все же тот, что посередине, чуток поодаль от остальных. Сидит середь подушек, скрутив по своему ноги, локтями на подушку оперся. Невидный такой киргизин, от простых не отличишь ни по обличью, ни по одежде. Киргизин как киргизин. Не старец еще глубокий, но и из молодых давно уже вышел. «Поди-ка, как наш Дементий по годам. Хотя нет, вроде старше», — подумал Афонька.

Стоя в юрте и разглядывая Ишенея с его присными, Афонька вдруг даже вспотел от павшей ему думы — обряд-то посольский он и не ведал. Как по чину посольскому потребно творить ему? Сымать ли шапку, али ненадобно? Кланяться ли князю? И ежели кланяться, то каким поклоном — большим ли, малым ли? И что говорить поначалу? Оторопь взяла Афоньку. «А ну, как в порушение чести посольской сотворю чо? Али обратнo — князца избежу, ежели ему чести должной не воздам. Тьфу ты, нечистый дух с этим посольством, язви его, и не угадаешь, чо творить-то положено!» И пока так Афонька размышлял спехом, думки его метались, ровно белки на сосне. Он стоял молча перед Ишенеем и его улусными лучшими людьми. И те все, тоже молча, глядели на него. И что бы стал Афонька дале делать — неведомо, но только тут киргизин, на которого

Афонька думал, что он и есть князь, заелозил на месте и сказал по-киргизски:

— Садись, русский джигит. Твой путь был долог до наших юрт и пастбищ. Садись, ты мой гость, и воля твоя священна в доме хозяина.

Афонька вздохнул облегченно и, сделав шаг вперед, поклонился Ишенею, не ссылаясь шапки, малым поклоном.

— Рад быть я гостем твоим, преславный князь Ишеней,— по-киргизски же отвечал он.— Но не гостевать пришел я на сей раз к тебе. А послан я к тебе от тайши Кызыл-Яр-Туры с грамотой и словом его тайшинским.

Тут Афонька вынул из-за пазухи грамоту воеводы с печатью и протянул Ишенею. Тот махнул рукой, один из киргизов встал, подошел к Афоньке и, приняв в обе руки грамоту, подал ее Ишенею. Ишеней положил ее подле себя.

— А еще кланяется тебе тайша Кызыл-Яр-Туры поминками, тебе и твоим лучшим людям,— Афонька обернулся к стоявшим позади него киргизам, и те, подбежав к Ишенею, положили около него воеводские поминки: великое блюдо медное, а на нем друг на дружке еще несколько блюд, одно другого все поменьше. На верхнем блюде лежал мешочек шитый шелковый с камнями, несколько аршин цветного сукна — алого, синего и зеленого, цветные пояски шелковые, уздечки наборные и иные дары. Ишеней, кинув быстрый взгляд на поминки, сейчас же отвел глаза в сторону, будто нет у него на поминки жадности. Люди же его лучшие зацокали, закачали головами. Видать, хороши были поминки, поглянулись им.

— Скажи спасибо тайше из Кызыл-Яр-Туры за его доброту и щедрость,— сказал Ишеней.

— Скажу,— ответил Афонька и подумал: «Теперь, поди-ка, можно и самому сесть».

Афонька сел и вежливо замолчал. Ишеней начал его спрашивать о дороге, о здоровье его, Афоньки, и о здоровье тайши из Кызыл-Яр-Туры. Афонька отвечал, справляясь о здоровье князя, о его табунах и отарах, не было ли падежа али мора. Нет, слава добрым духам, не было. Потом Ишеней стал спрашивать, как дела идут в Кызыл-Яр-Туре: не было ли войн с дурными людьми, да хорошо ли ясак дают на Кызыл-Яр-Туру. Афонька и на эти вопросы отвечал степенно, а как зашло

слово про ясак, сказал, что ясака, не в пример прошлым годам, в нынешнем году собрано много.

Ишеней, видать, изумился, но смолчал, а Афонька продолжал, не дожидаясь спросов новых, что ясак-де стали давать землицы новые, дальние, украинные, которые прежде объясачены не были, и что те землицы стали добровольно под высокую государеву руку. Сами-де попросились, потому как ищут защиты от своих врагов и от раздору, теми чинимого. И еще говорил Афонька, что есть, правда, князья и улусы, которые шерть нарушали и ясак давать государю не хотели, но потом обратно к русским повернулись, обринулись. Ясак с себя против ранешнего больше дают и сызнова поклялись в верности на вечные времена. Но что верно, то верно, есть и такие, кто, шерть нарушивши и отложившись от великого царя Московского, под высокую руку государеву не идут обратно. А шерть нарушить и не образумиться — это уже последнее дело. Русский царь никому зла не мыслит и добро навсегда помнит, а уж коли ему дурное что учинят, то он тоже в обиду себя не даст и своих людей тоже.

Проговоривши все это, Афонька смолк. Ишеней слушал в оба уха, и не понять было — верит или нет, что ему Афонька наговаривает.

— Шерть нарушать — клятву — это нехорошо,— наконец сказал осторожно Ишеней.— Это очень нехорошо,— видя, что Афонька молчит, снова сказал он.— И те, кто так делают, заслуживают наказания.

— Вестимо, заслуживают,— согласился Афонька.— Но государь наш милостив. Да.— Тут Афонька смолк, не зная, что же дале-то сказывать. От духоты и жары в юрте — и как только они терпят — у него в голове застучало. Но он сидел, виду не подавал.

— Да, так поступают плохие люди,— сызнова завел Ишеней.— Ай-ай,— покачал головой и вдруг невозмутимо добавил: — Мы так никогда не делаем.— И оглянулся на своих: мол, так ли я говорю? Те закачали в ответ головами, зацокали — так, мол, так.

Афонька от такой наглости оторопел, едва не вспылал: как же так, сукины вы дети, когда сами же от государя отложились! Но смолчал и стал думать, как же это Ишенею отповедь на его лукавые речи дать. А Ишеней как ни в чем не бывало

установился на Афоньку рысьими своими глазами, ровно бы ждал — что же ты теперь, посол, скажешь?

И тут Афонька сказал, потому как нестерпимо ему более стало в кошки-мышки играть с князцом:

— Не гоже ты говоришь, князь Ишеней! Твой язык говорит не то, что думает голова, и делаешь ты не то, что говоришь. И вот за тем самым меня и послал к тебе воевода Красноярский.

— Как это так? — подивился Ишеней. — Мой язык всегда говорит то, о чем думает голова, а мое сердце всегда открыто русским батырам и джигитам. Нет, казак, мой язык не лукавит против того, что я делаю.

— Лукавишь ты, князь, али шутики шутишь — невдомек то мне по моему скудному разуму. Но стало воеводе Красноярскому ведомо, и других острогов воеводам тоже, что люди твои не дают с себя ясака на русского государя, как по шерти условлено было. А раз так — то, стало быть, шерть они свою нарушили. И ты, князь, об этом подлинно ведаешь лучше, чем я. И поступил ты, князь, лукаво: откочевал со своими улусными лучшими людьми в дальние от русских острогов земли, из-под государевой руки отклонился и сам, стало быть, шерть свою нарушил. А если кто обидит? Защиты-то у русских просить станешь.

Ишеней, слушая Афонькины слова, хмурился все больше и больше. В юрте стало тихо-тихо. Люди Ишеневы, которые шептались промеж собой, пока Афонька говорил, к концу его речи смолкли и сейчас крутили только головами, поглядывая то на Ишенея, то на посла русского, который взял да прямо так все и выложил.

Ох, видать, и озлился Ишеней на Афоньку, за свою кривду обида его взяла. Он опустил голову и из-под лба, насупившись, смотрел грозно на казака. «Ну, как повелит сейчас своим имать меня да голову с плеч сечь? Вот и всему посольству моему конец настанет», — помыслилось Афоньке.

— Ты говоришь — шерть мы нарушили, — сердито заговорил Ишеней и стал подниматься на ноги. За ним и остальные зашевелились, вставая с ковров и подушек.

— Истинно так говорю! Будто сам не ведаешь, — ответил Афонька, продолжая сидеть прямо, как сидел до этого.

Ишеней, совсем уже поднявшийся на ноги, ступил шаг к дерзкому послу, но, угодив ногой в блюдо с поминками, оступился, едва не упал. Ухватился за цветной кушак, коим был его халат за поясан, дернул несколько раз, ровно порвать хотел, потом вдруг быстро сел на прежнее место.

— Плохие ты речи, джигит, ведешь! Очень плохие. Ишеней не нарушил шерти.

— Как это так? — вскинулся Афонька.

— То шерть неверная была, не по правилам была дана, а такая клятва силы не имеет. Так старые люди говорят, а они мудры и закон знают хорошо.

— Вона чо! — изумленно протянул Афонька. — Стало быть, не ту шерть давали?

— Не ту, не ту! А раз так — то и слова мы никакого не нарушали, и тайша из Кызыл-Яр-Туры на нас обиду напрасно держит. Так и передай ему, храбрый джигит.

— Ну нет, я так сказывать не стану, — ответил Афонька. — Надо делать иначе. Раз ты давал клятву государю — стало быть, хотел служить ему, прямить во всем. Хотел ли?

Ишеней молча глядел на посла: куда это он гнет?

— Хотел ли? — повторил вдруг горядь Афонька.

— Да, хотел, — неохотно ответил Ишеней. — А почему ты об этом, джигит, спрашиваешь?

— А коли хотел, да узнал, что клятва неверная, стало быть, надобно было верную, истинную клятву дать, какая вашим законом положена, а не бегать от государя. Ведь чо получается, рассуди сам. Мы той шерти вашей веру давали и, стало быть, вам верили, мол, люди вы надежные, в дружбе и приязни с нами по чести и совести живете.

— То шерть неверная была, а раз так — то силы ей никакой нет, — упрямо и сердито стоял на своем Ишеней.

— Э, нет, погоди! — Афонька уже в азарт вошел, думать забыл про всякий чин и обряд посольский. — Э, погоди, князь! Я уж тебе сказывал ране. Ответствуй — почто, как сведал, что клятва была ложная, не пришел к русским и новой не дал? Коли хотел от души и всего сердца прямить государю нашему во всем?

Ишеней, досадливо прикусив губу, молчал и не знал, как отвечать послу на

его слова. Рысьи глаза бегали из стороны в сторону. Людишки его, примолкшие было, как спор посла к князем пошел, опять промеж себя: шу-шу-шу. А с лица у князя пот стекает. Все лицо мокрое стало. Ишеней сердито сопел, утирал лицо полой халата и исподлобья смотрел на Афоньку. Посидев так в дурнях малость, Ишеней обернулся на своих людишек, глянул зло. Те испуганно смолкли и сели все прямо, ровно идола деревянные, и вытарачились на князя своего — чего гневаться изволит?

— Много ясака на себя берете,— вдруг сердито сказал Ишеней Афоньке.

— Ну уж и много,— усомнился Афонька.— А иные столь же дают и не жалются.

— Мне нет дела до иных,— всё больше злился Ишеней.— Где я столько смогу взять?

— Видать, захудалые у тебя данники,— незлобливо сказал Афонька.— Да и добычники твои, видать, не очень знатны, коли мало добывают. Ты бы так и сказал воеводе: людей-де у меня добрых и добычливых мало. Мужиков-то много, а вот путных — ловких, умелых да удачливых — не шибко, мол. Пожалился бы на свок скудость и немощность, глядишь, и скинули бы тебе ясака сколь-нибудь. Государь-то у нас, слышь, милостив, я тебе про то давно толкую.

Все это Афонька говорил с печалью в голосе, покачивал участливо головой — ах ты, мол, беда какая, совсем, дескать, род Ишенеев оскудел. От этих слов Афонькиных Ишеней и вовсе злостью зашелся. Он, почитай, не дыша слушал

Афоньку, сузив глаза в щели и вцепившись ими в казака. Зубы Ишенея оскалились, под скулами набухли желваки. Опять в юрте все замолчали, бросив шепотки, и уставились на князя своего да на Афоньку. Слышно было только хриплое дыхание Ишенея. А Афонька сидел, ровно бы ничего не замечая, сам же думал: «Ну, теперь совсем, поди, пропал. Не стерпит князец обиды такой...»

Но Ишеней не вскочил, не затопал ногами, не закричал, как ожидал того Афонька. Брызгая слюной и весь подавшись вперед, он заговорил хриплым злым шепотом:

— Зачем дразнишь меня, казак, худые слова говоришь и сам им не веришь? Зачем? Мне такие речи обидно слышать. Люди Ишенея никогда в худых

не ходили. И данники мои не худы! Щажу тебя, казак, потому что ты человек смелый, а дерзок ты по своему долгу. Войны с вами я не хочу. Но не из страха, а ради наших женщин и детей, из жалости к ним. И не из страха я был верен вашему государю, а из дружбы. А буду ли я опять верен ему... Я, Ишеней, волен в своих решениях, но я не знаю, чего хотят мои лучшие люди. Я с ними должен держать совет. Поэтому, джигит, сейчас я тебе ничего не отвечу. Иди и жди нашего ответа... Ишеней худо живет! — князь покачал головой и усмехнулся. — Ах, казак, казак. Ты хитрый и мудрый посол, и я сделал бы тебя большим начальником. Твой язык коварен и больно жалит. Ты растревожил мое сердце. Тебя следовало бы убить за то, что ты смеялся надо мной. Но мой ум говорит мне иное. Ишеней все знает и понимает, Ишеней тоже мудр. Иди, казак, — и князь, откинувшись на подушки, махнул рукой на выход из юрты. Пока он говорил, видать, поуспокоился, и гнев сошел с него.

Слушая Ишеневы слова, Афонька чуял, как все жарче и жарче горит его лицо. Ишеней разгадал его хитрость и отчитал, ровно мальца какого. «Эк он меня поддел, — думал с обидой на себя Афонька, — точно кутенка мордой натыкал. Ну и дурень же ты, Афанасей. Обставил тебя князец, посла глупого... Чо уж тут... Ай, умен князь, умен!»

— Воля твоя, Ишеней, — как можно спокойней сказал он и с достоинством встал. — Буду ждаты, что порешишь. Скажу лишь напослед — государь наш милостив до тех, кто ему не перенит и живет с ним в дружбе. Силой же нашей мы тебя пужать не хотели. Это одно. И еще скажу — верно ты про баб и ребятишек молвишь: кому сена утеха, а им завсегда слезы и поруха. Худой мир лучше доброй ссоры, присловье такое есть у нас — от стариков с издавних лет идет. А старики, сам знаешь, худого не молвят. Прощай покуда и не обессудь за мои речи, — и, поклонившись Ишенею малым же опять поклоном, Афонька вышел из юрты.

Хоть и бранил себя Афонька за то, что, не раскусивши сразу хитрого Ишенея, не так вел разговор, однако все же про себя понимал — иначе не смог бы говорить. Да и не след было иначе говорить, чтоб не посрамить чести государевой. Ишенея обижать он, конечно же, не хотел, раззадорить только его надо было. И этого он

достиг. «А ежели чо и не так, — осердился Афонька, — то пушай спосылают кого поумнее. Чо я им, семь пядей у меня во лбу, чо ли? Я казак, ратник, а не какой умник ученый. Как чуял — так и молвил».

Долго еще ворочался Афонька на кошме в отведенной ему юрте, пока сон не застлал ему туманом глаза и не помутил разум.

Несколько дней Афонька томился, ожидая, когда его вновь призовут до Ишенея за ответом. Дни стояли жаркие и душные. Трава в степи горела, киргизы тревожились — скоту есть нечего станет, беда будет.

Афонька бродил до знойному и пыльному улусу, пил холодное верблюжье молоко, забродившее и хмельное, — кумыс зовется. От него, если много выпить, кружилось в голове, как после вина. Раза два он порывался идти до князя — неприлично-де мне, послу, так долго ответа дожидаться, — но удерживался. Ладно, подожду еще. Дело-то для них не простое — отходить от русских совсем или опять на верность им присягать.

В улусе было шумно, толкотно. Ишеней, как это приметил Афонька, почитай, каждый день собирал своих лучших людей, и те подолгу сидели у него в юрте, а выходя, шумно о чем-то промеж собой сварились. Ишеней, когда показывался из своей юрты, бывал зол и сердит. Раза два князь съезжал с улуса, через день-два возвращался, разгонял куда-то гонцов. В улус то приезжали новые люди, то опять уезжали. Гудело все и шумело, как в расстроенном улье.

Афонька уж и счет потерял, сколь времени минуло с тех пор, как он с острога выехал. «Подика, мнят там, что я и не живой уже...»

Но вот как-то рано поутру его позвали к Ишенею. Два киргиза шли вместе с ним к юрте князя, вежливо его под локти поддерживали. И следом опять же несколько человек шло для почету. В юрте князиковой, как взошли в нее, сидел Ишеней с теми же лучшими своими людьми.

Поклонившись Ишенею, Афонька сел супротив него. Русского посла угостили кумысом из плоской чашечки. Стали говорить про жару, про то, что трава горит — давно дождя не было, как бы не спалило все, — тогда бескормица будет для скота и для людей. Поговорили потом про коней — хорошие кони есть в табунах у

Ишенея. Добрые кони, выносливые, быстрые. Афонька на это отвечал, что добрый конь всегда нужен и в хозяйстве, и в ратном деле, в походах разных. Русским тоже кони нужны. Тогда Ишеней спросил, не хотели бы в Кызыл-Яр-Туре купить у него, Ишенея, коней? Афонька ответил, что коней купить могут. И красноярские служилые люди, и енисейские купят. Могут купить и на деньги, и на товар. Это уж кому как лучше.

Ну что же, сказал тогда Ишеней,— коли так, то можно будет поехать в Кызыл-Яр-Турю: у него, Ишенея, есть много продажных коней, и он рад будет продать их русским храбрым джигитам. Если почетный гость согласится, то завтра и отправятся в путь.

— Ладно,— ответил Афонька, ликуя в душе, как хорошо все получается.— Завтра, так завтра. Дело доброе — коней продать по выгодной цене. Воевода, поди-ка, закупиться не станет, потому как кони казакам очень нужны, да и пашеным мужикам, и посадским людям тоже.

Ни про ясак, ни про шерть, ни о чем ином речи не было.

На том и расстались.

Утром, поднявшись чуть свет, Афонька увидел, что юрта Ишенея собрана, и многие иные тоже. По улусу выючили скерб разный на лошадей. Бегали взад-вперед киргизы, перекликаючись громко, ревели верблюды, ржали лошади, мекали на многие голоса овцы. «Никак и впрямь снимаются с места?» — думал Афонька, глядя на все это. Пока он раздумывал так, к нему подошел Атобай, ведя в поводу коня.

— Едем, казак! Ишеней с людьми ждет тебя.

— Это не мой конь,— сказал Афонька, поглядев на рослого, от киргизских лошадемок отличного жеребца. Не здешних, видать, кровей жеребец был.

— Это тебе подарок от Ишенея,— пояснил киргиз.— Твои кони следом пойдут, с табуном вместе.

— Благодарствую Ишенею за добро! — Афонька ловко вскочил в высокое киргизское седло.

Вскорости Ишеней, Афонька и еще десятка полтора лучших Ишенеевых людей помчались прочь от улуса, все на север.

Ехали быстро, не в пример тому, как Афонька сюда добирался. На условных — видать, заранее обговоренных — местах их ждали подставы. Пересаживались на свежих, не поморенных коней и снова скакали, задерживаясь лишь на ночлеги. Табуны остались далеко позади. Прикладываясь ухом к земле, Афонька чуял далекий гул — табун, шедший сзади, был, однако, немалый.

К утру пятого дня, почти никого не встречая в пути, они уже подходили к Кызыл-Яр-Туре. Здесь, оставив Ишенея с его людьми, Афонька один поскакал к острогу, чтобы предупредить воеводу о прибытии Ишенеевом и, стало быть, о конце своего посольства.

И вот Афонька уже у ворот проезжей башни. У знакомых с издавна стен. Который раз встречается он так-то после долгих отлучек с острогом! Иное время месяцами не видел его. Но тогда Афоньку почти всегда ждали — вот, дескать, через такое время вернется казак Афонька с хлебными запасами из Енисейска, али из ясачного сбора, али с караульной службы в каком острожке дальнем. А тут вот ждут ли? Время прошло немалое в том посольстве.

Вот Афонька уже у самых ворот.

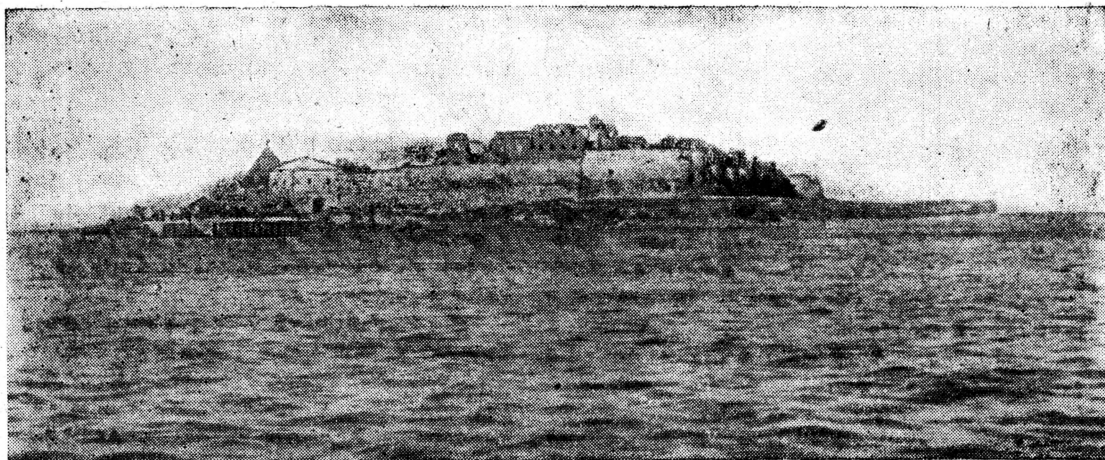
— Здоров, Афанасей! — закричал ему стоявший на карауле казак из его конной сотни.— Жив!? Чего долго не был-то? Мы уж думали, побили тебя где киргизы, али в полон угнали.

— Жив, жив, Евсейка! Будь здоров и ты,— радостно отвечал Афонька.— А вот почему долго не был, так недосуг сейчас сказывать. Слышь, Евсейка, скажи-ка кому — пусть воеводе доведет, пришел, мол, на Красноярский острог князь Ишеней с лучшими своими людьми, чтобы, значит, шерть на верность государю нашему давать.

— Ох ты! — изумился Евсейка.— Ловко ты это, Афонька, устроил. А где же он, князец-то?

— Князь-то? Верстах в десяти стоит под острогом, скоро здесь будет.

Евсейка застучал в чугунную доску, вызывая посыльных из наряда, а Афонька, широко и свободно вздохнувши, неспешно тронулся встречь Ишенею, чтобы вместе с ним въехать в острог.

Общий вид крепости Орешек.

«ЗЕЛО КРЕПОК СЕЙ ОРЕХ БЫЛ»

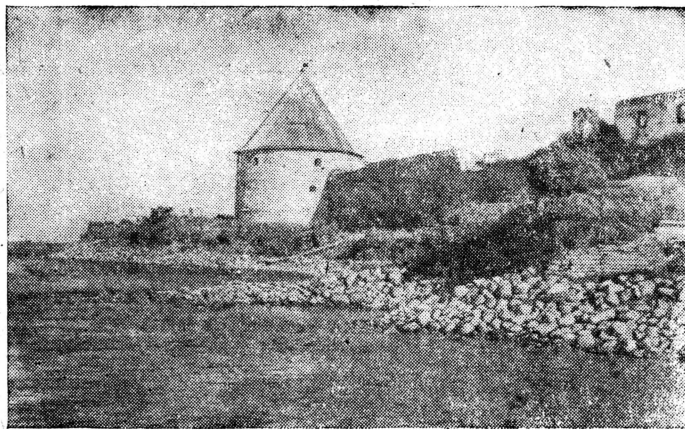
Все корабли, идущие с Ладоги в Ленинград или в обратном направлении, встречают на своем пути небольшой остров, на котором возвышаются древние выщербленные крепостные стены. Более шестисот лет прошло с тех пор, как на острове Ореховце была заложена нов-

городцами крепость, которую так и называли — Орешек. Название оказалось символическим. «Зело крепок сей орех был».

Я хочу рассказать об истории строительства Орешка, истории быта многих поколений русских людей, живших на его территории. Древние

летописи, обычно довольно щедрые на описания битв, мало говорят нам, к сожалению, о жизни простых людей: крестьян, ремесленников, посадских, служилых. Такие сведения приходится добывать по крупицам из старинных документов, сказаний, былин и народных преданий. Но главным «поставщиком» их является археология.

Уже второй сезон работала в Орешке экспедиция, организованная Государственным музеем истории Ленинграда и Ленинградским отделением Института археологии Академии наук СССР. И на территории крепости были обнаружены остатки жилых и хозяйственных построек. Бревенчатые срубы из-за недостатка места тесно примыкали друг к другу. Между домами оставались лишь узкие проходы, замощенные деревянными

Королевская башня.

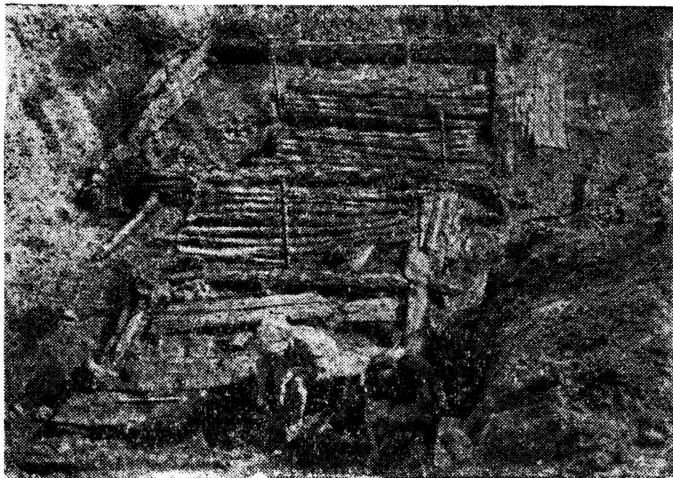
плахами. Удалось найти и главную мостовую Орешка, которая вела от входной Государевой башни к центру.

В изобилии попадались археологам обломки глиняной посуды, жернова, мутовки, ножи, замки, серпы, косы, пряжки, стремяна, бруски для точки ножей, пряслица, предметы рыболовства — грузила, поплавки.

Жили люди в небольших бревенчатых домах, которые отапливались очагами, сложенными из того же камня, что и стены крепости. На очаге в глиняных, украшенных незатейливыми узорами горшках варилась пища. Вплотную к жилым помещениям примыкали хлев, сарай, баня.

Но археологи сделали еще и другое интересное открытие. Они установили, когда были сооружены стены существующей ныне крепости, и нашли на ее территории остатки еще более древней, о которой летопись говорит, что в 1352 году на острове Ореховце был заложен «городкамень». Оказалось, что занимала она небольшую часть на юго-востоке острова. Стены древней крепости были сложены из валунов и крупного булыжника. Сравнительно тонкие, они не могли выдержать огня осадной артиллерии. Поэтому с появлением «огненного боя» Орешек в конце XV—начале XVI века, как важная оборонная точка на оживленном торговом пути, был перестроен. Эта дата впервые установлена сейчас по спилам бревен, найденных в основании крепостной стены.

Теперь остров опоясали по всему периметру высокие, толщиной в 4—5 метров, стены. Неприятель мог штурмовать крепость только с лодок. Окруженный со всех сторон водой, Орешек, казалось бы, был способен только к пассив-

Остатки деревянных сооружений на территории крепости.

ной обороне. Однако русские мастера учли особенности его островного положения. Вокруг цитадели, стоящей в северо-восточном углу острова и охраняемой четырьмя мощными башнями — Королевской, Светличной, Мельничной и Часовой, они устроили широкий ров, заполненный водой. Он служил одновременно дополнительным препятствием на подступах к крепости и удобной гаванью для небольших военных судов. В случае надобности в нижней части крепостной стены открывались специальные «водяные ворота», и оттуда устремлялись на врага грозные ладьи русских.

Подобное устройство не имеет себе равных в русском крепостном зодчестве и делает Орешек уникальной «водяной» крепостью.

Если неприятель все-таки прорывался через единственные входные ворота в Государеву башню, то оказывался перед другими, не менее мощными воротами, расположенными под прямым углом по

отношению к первым. И, кроме того, позади опускалась специальная железная решетка «герса», которая закрывала пути к отступлению. Враг попадал в ловушку.

С дальнейшим развитием артиллерии крепкие стены Орешка стали недостаточно надежными. Поэтому Петр I, освободив в 1702 году крепость от шведов, приказал ее реконструировать. Возле каждой башни были насыпаны бастионы, соединявшиеся между собой широкими, облицованными камнем стенками (куртинами). Стены и башни старой крепости были понижены на полтора-два метра и укреплены изнутри. Словом, она приобретала современный нам вид.

Сейчас ведутся большие работы по реставрации Орешка. Восстановленная крепость сама по себе станет уникальным памятником древнего русского крепостного зодчества.

А. РОЗОВ, старший научный сотрудник музея истории Ленинграда

ДОРОГА СМЕРТИ

Документальная повесть

Б. ГАЛЯЗИМОВ

Рисунки А. Туманова

I

Во второй половине дня вдруг прорвался откуда-то из-за юрт Матуши громогласный рев и выдул всех мужиков и баб из избенок, заторопил к берегу. Дивно как-то было.

Смерила толпа расстояние до берега и застыла враз, словно стена на пути выросла: опались матушинцы, как бы худом дело не обернулось. Стояли, слушали, как густеет, наливается силой чье-то свирепое «ура».

Но вдруг охнул выстрел. Глухо, будто услали заряд в воду. Бабы — взад пятки от берега. Жутко сразу сделалось. Потом охнуло еще и еще...

И враз загаркала, загомонила река. Матушинцев сдуло с берега, рассовало по закуткам, и уже оттуда, из закутков, они слышали, как зло застрекотали пулеметы, как задохнулось и сникло «ура».

Потом из-за юрт донеслось пять залпов, коротких, стегающих, и гул их валом покатился понад западинами озер и присмирившему раздолью полей.

С той поры что ни день — слух один тревожнее другого. То к берегу где-то прибьет утопленника, то лодка на мертвое тело мягко наткнется. И пошла молва, что все эти убитые — с баржи, которую пароход в один из июльских дней провез мимо юрт. А вот по какой причине погублено столь великое множество людей, никто толком объяснить не мог.

II

Прошло много лет, а молва все живет. Но как ее проверить, где сыскать хоть одного свидетеля?

Однако, говорят, под лежащий камень вода не течет. И вот сижу я на завалинке со старожилым-матушинцем.

— Погодь-ка, погодь-ка! Помню, отец говаривал, будто баржу вел пароход, «Батраком» нареченный, — дает ниточку старик.

Тут уж и я начинаю рыться в тайничках своей памяти: где-то слышал о «Батраке»? И вдруг радость — видел же, видел это название в списках судов какой-то пароходной компании! Списки эти бережно, листок к листку, хранит у себя бывший рабочий Тюменского судоремонтного завода Дмитрий Ильич Кочетков.

Встреча с Кочетковым разочаровала. Убеленный сединами ветеран широко разводит руками: — Вот о «Батраке»-то, как на грех, сведений у меня не имеется. Помню одно — ходил он от Тюмени до Тобольска.

И все. На том ниточка обрывается.

Дорога вновь ведет в Матуши, к подметенной полушубками завалинке.

— Дедусь, опять до тебя. Где же тех расстрелянных-то захоронили?

— А пройдешь от юрт с версту — все берегом держись, увидишь холм, разнотравьем порос он. Тут и схоронены. Отец сказывал: четверть сотни душ сбросали в яму, один к одному. И тот, что в красной пестрядине, тоже там.

Иду по берегу неполноводной речки Туры. Пенная вода неподалеку от ног что-то свое нашептывает. Хлопотливые ласточки-береговушки, оглашая округу звонким скрежетом, суетливо носятся в знойном предгрозовом воздухе.

Наконец вот он, сиротливый холмик. Медвяные травы на нем, и ни креста, ни какой другой отметины.

А может — опять молва?..

III

Просматривал я как-то свои архивы, и попался мне на глаза желтый-прежелтый газетный клочок. Печатные буквы поистерлись, поистлели. Подумал: «Уж не из «распутинской» ли папки?» Был грех, одно время собирал я все, что касалось сей нашумевшей личности из старинного зауральского села Покровки.

Читаю. О каком-то Зубове речь. Тоже покровский. Выходец из крестьянского сословия. И вдруг замелькали строчки: «...вместе с другими жертвами при попытке бежать с баржи расстрелян на месте».

Все домашние были подняты на ноги: может, остатки листка найдутся, а может, и та неведомая газета или книжица, от которой оторван клочок. Но так ни до чего и не доискались. Видно, попал тот клочок бумаги в архив по чистой случайности.

И все-таки радость: Зубов, да еще из Покровки! В селе каждый человек на примете. Звоню в Покровку. На проводе — сельсовет.

— Зубов? Какой же? У нас их, Зубовых, чуть не все село.

Рассказываю о матушинской легенде. Телефонная трубка только хмыкает. А потом:

— Я в этой самой Покровке уж и не счесть,

сколько годов живу, а вот не слышал, чтоб о каком-то расстрелянном крестьянине Зубове говорили. В эту войну многие Зубовы не воротились назад...

Года через два, листая Вагайскую районную газету «Сельский труженик», я наткнулся на заметку строк в сорок — все о том же Зубове. На этот раз и имя его значилось — Александр. Вот что писал пенсионер Я. Бельский: «Помню его так хорошо, словно распростились вчера. Мы несколько месяцев коротали с Александром в Тюменской тюрьме. Когда туда проникли слухи о приходе Красной Армии, белым ударило в голову всех нас эвакуировать в Александровский централ. В пути следования, у юрт Матуши, арестованные сговорились восстать. Александра Зубова избрали своим атаманом...»

Все к месту ложится. А главное — речь идет не о каком-то там побеге: громогласные крики «ура», стрельба из карабинов и пулеметов, и эти слова Бельского: «решили восстать»...

Пишу Бельскому письмо. И еще одно — в фонды областного архива, в Тобольск. Через считанные дни получаю из Тобольска ответ: «Материалы военно-окружного суда за 1918—1919 годы отсутствуют».

Зато от Бельского письмо пришло толстенное-претолстенное. Яков Андреевич подробно описывал свою тяжкую одиссею. Указал и с десяток фамилий людей, с которыми однажды свела его нелегкая судьбина.

Об одном сокрушался Бельский: «С баржи той, кроме меня да Василия Ильина, никого не уцелело. Поубивали всех колчаковские бандиты. А было нас немало — тысяча двести человек!»

Про Ильина Бельский сообщал скупое: «Ходили слухи, что живет он где-то под Тобольском, а вот в какой деревне — уж и не припомню. Название вроде бы татарское».

Но неужели и вправду от тысячи двухсот человек осталось лишь двое? В сказанное Бельским верилось и не верилось.

И вот тогда-то пришла в голову мысль рассказать о матушкинской легенде читателям областной газеты. Может, кто-то откликнется, назовет имена других участников восстания. Ста тысячам читателей однажды поутру была доставлена газета с материалом «Где вы, узники «баржи смерти?»»

И вот однажды вручили мне тугой пакет из Краснодара. Писал еще один узник баржи, Владимир Ильич Кононюк.

«Больно уж мне нелегко писать,— извещал Владимир Ильич.— Был конь, да уездили. К тому же после тяжкого ранения в голову зрение почти совсем покинуло меня. Так что не обесцудьте за уродливости в почерке».

Мелькали в письме фамилии брeвых побратимов Кононюка. Одни были уже знакомы по письму Бельского, другие упоминались впервые. На каждого я завел карточку. У меня их теперь десятков пять, таких карточек. Возьмешь иную — целый рассказ о жизни. На другой — поспуее сведения. А на третьей и вовсе одна фамилия значится, потому что о человеке, ее носившем, пока ничего не известно.

IV

Вот Яков Андреевич Бельский, сухонький, сморщенный, на голове — седая куделька волос, бородка на острый клинышек зачесана. Семьдесят лет. Посмотришь на него, прикинешь, ну точно — из семи печей хлеба едал.

— ...В конце семнадцатого, под Полеском, шибануло меня куском железа, и очутился я в Витебском госпитале. Рана, как теперь думаю, была серьезной, а ежели бы не так, то вряд ли бы списали по чистой. Приковылял я к себе домой, под Вагай, где родство наше, Бельских, издавна хлебопашеством занималось. Пожить тихо-мирно не довелось. Колчак начал шерстить нашего брата. Калека, не калека — становись под ружье. Привезли нас в Тюмень, записали в сорок пятый полк. Кто в Тюмени бывал, тому знама нынешняя гостиница «Заря». Так вот, казармы-то наши подле были. Вверху квартировали солдаты из четырнадцатой роты, а на низу шестнадцатая стояла. Дня через два принесли нам казенные мундиры, обувь. А мы — ни в какую: «Хватит, повоевали!» Заводил было человек с десятком. Помню Петра Арканова, Михаила Шебалина да Василия Ильных.

На шум прибежал офицер и Арканова — по переносью, аж кровь брызнула: «Ты что, харя неумытая, народ с толку сбиваешь?! В кутузку метишь?» Еще больший шум разгорелся. Схватили мы обидчика — да и с лестницы. Дорого обошелся нам этот самосуд. Казарму белочехи тут же опоясали. Слышим голоса с улицы: «Не угонитесь — свинцом попочтуем!» Присмирели мы, а вскоре в роту нагрянуло с десятком офицеров. Охрана при них. «Бунтовщики, выходи!» Никто с места не тронулся. Командир роты Рыбьяков побагровел, как каленый кирпич, и давай выкрикивать пофамильно: «Арканов! Шебалин! Бельский!..» Вышли мы, ждем, как дальше дело оборачиваться будет. Рыбьяков крутится возле нас, брызжет слюной: «Как кошек перевешаем! Вытравим из вас всю красную заразу!» После того случая всех нас бросили в следствен-

но-политический коридор. Был он на втором этаже Тюменской тюрьмы....

Здесь пока рассказ Бельского прервем и поведаем об Александре Степановиче Бартове. Живет он и поныне в городе Лысьве, в Пермской области. В журнале «Новый мир» как раз появились его воспоминания. И был он, как пишет, узником той самой баржи.

Но в своих журнальных воспоминаниях Александр Степанович все больше касается личных мытарств в Тюменской тюрьме да еще описывает свой побег с «баржи смерти». А вот о самом восстании обмявился вскользь, поскольку активного участия в нем не принимал.

Судьба Бартова чем-то схожа с судьбой Бельского.

Из крестьян. Грамоту едва-едва осилил: учитель знал только одно — как «ложить букву к букве», чтобы слова получались. А на двадцатом году пошел служить в восьмой гренадерский Московский полк. Было в том водку немало революционно настроенных солдат. Разговоры вели все больше о Советах, о большевистских прокламациях.

Воротился домой Александр Степанович в бойкое для деревни время. «Сначала работа была очень трудная с уравнием земли,— вспоминает он.— Имущие лица предлагали взятки и всевозможные услуги, дабы отстоять насиженные земли». А крестьяне радовались: всю земельку меж теми, кто на ней потел, поделили! И во сне такое не снилось.

Но вот пришли колчаковцы и сровняли межи. Председателя земельного отдела Бартова, а с ним еще двадцать партийных активистов загнали в Кунгурскую тюрьму: «Будешь знать, красная собака, куда свой нос совать!» Допрашивали, голодом морили, снаряжали возить нечистоты — все было. Между тем Красная Армия теснила белогвардейские части. Колчаковцы спешно выметали из тюрем «неблагонадежных». Четверо суток Бартова и других заключенных гнали от Кунгура до села Гороблагодатского. А позже, столкнув в вагоны, повезли в Тюмень, опять в тюрьму.

V

Людей в той тюрьме было — что сельдей в бочке. Коротали свой срок воры-карманники и воры-домушники, взломщики сейфов и фальшивомонетчики. Томились там пленные австрийцы и венгры, попавшие в Сибирь еще по осени 1914 года.

За чужеземными солдатами почти никакого догляда не было, лишь бы во двор нос не совали. А один их офицер, по фамилии Кутик, и вовсе себя как дома расположил. То по коридорам бродил, посвистывал, а то в шахматы с кем-нибудь играл. С русскими заключенными разговоры вел, как равный с равными. К нему частенько с просьбой обращались: то секретную записочку в ту или другую камеру пронесет, то сходит узнает, как соседи себя чувствуют.

Больше всего в тюрьме было красноармейцев, политических заключенных и советских работников. Были камеры, где яблоку негде упасть, а были и одиночки.

В одну из самых тесных и душных камер заточили колчаковцы юриста Палюдова. Уж больно беспокойный, напористый был. То требовал, чтобы его на «вы» называли, то вел переговоры об условиях тюремного житья-бытья. Полвека спустя Александр Степанович Бартов опишет это житье-

быть так: «Нас посадили в какой-то подвал всего с одним окном и дверью, раньше это помещение служило для склада тюремного имущества... Пищу давали на 100 человек — утром бак горячей воды ведер 5 или 4, в обед этот же бак с водой и кертофельного осадку сантиметров на десять. Вечером опять бак воды и буханку черствого хлеба на 10 человек, килограмма три».

Бартова дополняет Петр Львович Лошкочев, бывший батрак, а впоследствии один из активных участников борьбы за установление Советской власти в Сибири:

«Нас часто допрашивали, били, многих расстреливали. Каждый раз в 12 часов ночи в коридорах звенели ключи. Это тюремщики выводили арестованных на расстрел. И каждый вечер мы ждали своей очереди...»

Передач лишили, а есть почти ничего не давали. С голоду мы ели гнилую солому из подстилок. В тюрьме начался тиф...»

На втором этаже в крайней камере сидел парень по фамилии Чарушников. Развеселый был, разбитной.

Несколько месяцев скитался он по разным тюрьмам. А потом усадили его в «эшелон смерти» и повезли куда-то на восток. Под Челябинском заключенные взломали полвагона и бежали. Позднее Чарушников где-то раздобыл офицерскую форму и в ней объявился в Тюмени. На улице Царской носом к носу столкнулся с большим военным чином. Или честь не так отдал, или в форме был какой-то изъян, но только чин ухватил Чарушникова за рукав и позвал патрульных.

В тюрьме Чарушников не просидел и месяца — сбежал, а как — никто не знал. Правда, вскоре водворили его вновь в камеру. Избили — места живого не оставили. Но вот однажды, когда заключенные выстроились на поверку, в камеру вошел заместитель начальника тюрьмы, бивший Чарушникова при допросе. Белки выкатил, потной глыбой проплыл вдоль шеренги, и только поравнялся с Чарушниковым, как тот ударил его поутамашу.

Удар ловко пришелся. Начальник, хоть и был немалого веса, отлетел к стенке. Чарушникова снова зверски избили и перевели в другую камеру.

А тринадцатого марта часу в девятом утра на воле затрещали выстрелы. Тюремные стены окатило свинцом, да так крепко, что кой-кто из заключенных припал к полу. Крики раздались:

— В городе, братцы, восстанье!

Заключенные начали ломиться в двери, грозить надзирателям, которых и без того страх охватил. Правда, из камер выбраться никто так и не смог, а часа через два стрельба утихла.

Лишь когда в камеру побросали новых заключенных, картина прояснилась.

В тот день мобилизованные солдаты, человек шестьсот, попали на оружейный склад. Кто винтовку себе раздобыл, кто револьвер, а кто и пистолет. От оружейного склада мятежники устремились сразу к лагерю военнопленных. Караул разоружили без возни, тихо. Выпустили всех венгров! Многие из них тут же оружие взяли в руки, пошли вслед за русскими. Вот как писала об этом газета «Сибирский листок»: «К самой тюрьме подошла большая группа в 50—60 человек, но, встреченная огнем караула, быстро отступила и стала обстреливать здание тюрьмы».

Под метким огнем правительственных войск мятежники недолго устояли, и большая часть из

них, побросав оружие, убежала по направлению к «Сараям»... Здесь каждого, кого только замечали с оружием в руках, расстреливали.

В этих боях никто из правительственных войск не пострадал, а убитых и раненых мятежников оказалось приблизительно около ста человек... В дальнейшем воинские части занялись обыском в тех же «Сараях» для обнаружения оружия и, главным образом, пленных мажар, убежавших из лагеря.

К вечеру того же дня в городскую тюрьму было доставлено очень много лиц, так или иначе причастных к мятежу.

Некоторые из них, чья причастность к восстанию казалась очевидной, были тут же расстреляны. Прочих ожидало решение военно-полевого суда».

И еще об одном случае поведать бы стоило.

Житель города Туринска Павел Андреевич Садовничий, прочитав в «Тюменской правде» обращение к узникам «баржи смерти», специально прибыл в Тюмень, чтобы сообщить: живет, мол, и поныне в Москве член партии с 1917 года, персональный пенсионер Иван Гаврилович Буров, один из организаторов Туринского совдепа.

Тут же пишу письмо в столицу. А через три месяца получаю толстый пакет — десять листов убористого текста и фотографию самого Булова.

«В июле восемнадцатого года, — прочитал я, — до Туринска долетела грозная весть: белые приближаются к городу. Состоялось экстренное заседание укома РКП(б) и уисполкома. Было решено эвакуировать ряд советских учреждений, а руководителя уездного комитета партии Битто, членов совдепа Васадзе, Боярского, Сажина, Смородина, Покальнётова и меня оставить в тылу врага для подпольной работы».

Вместе с красноармейцем Алехновичем я направился в сторону станции Тавда, чтобы там переселиться на пароход.

Первую остановку мы решили сделать в деревне Тумба, в которой жил брат Алехновича. Но не успели зайти в дом, как нас окружили местные кулаки и потребовали, чтобы мы явились к старосте. Я спросил: «А кто у вас староста?» Назвали В. И. Софронова. Этого человека я хорошо знал. Был он левым эсером, некоторое время работал вместе со мной в военкомате. Я обрадовался тому, что именно Софронov избран старостой. Но радость была преждевременной. Как потом стало известно, Софронov являлся еще и начальником кулацкого белогвардейского отряда.

«Вот тебя-то мне и надо!» — процедил он сквозь зубы. Нас схватили и доставили к коменданту станции Тавда. При допросе я сказал, что Алехновича не знаю, и его вскоре отпустили на все четыре стороны. Расстрела избежал и я. Как это ни странно, но помог мне все тот же староста Софронov. В сопроводительном письме коменданту он указал, что я являюсь членом совдепа, но почему-то ничего не сообщил о моей партийной принадлежности. Единственный документ, находящийся у меня, гласил, что я «унтер-офицер одиннадцатого стрелковсго полка смерти».

Вскоре на пароходе «Братство» меня, Вякина, Яркова, Кузьмина и Тишкова отправили в Тобольск в распоряжение следственной комиссии. В тобольской тюрьме я просидел до 30 сентября. Потом меня вместе с Ярковым и Вякиным переправили в другую тюрьму — в Тюмень»

Буров и несколько его друзей по камере надумали однажды организовать побег — через печную трубу на чердак, а там — как обстановку подкажет.

В камере было две печки. Начальство выделяло дрова на обе, узники же топили лишь одну. И как только прекращалась вечерняя поверка, а камеру запирали на наружные замки, сразу и начиналась работа. Заключенные по очереди лезли внутрь печи, благо зев был широк, и обломком ножа скоблили верхние камни, чтобы лаз сделать. Уж лето наступило, жара полезла в камеры, а утомительная работа все шла да шла.

Однажды перед утром один из наряженных скоблить камни вылез из печи черный, как черт, осветил камеру улыбкой:

— Шабаш скоро будет.

Но в тот день стряслось нежданное, неожиданное.

VI

Стоял июль. Воздух прел, как в предбаннике. Где-то далеко за Тюменью тяжело откашливались пушки. Что ни день, грохот все ближе и ближе продирался к городу. Те, кто верой-правдой служили Колчаку, норовили смотать удочки. А тут еще кто-то слух пустил: дескать, красные режут всех направо-налево. Среди обывателей — паника.

Надзиратели заюлили перед политическими. Иной раз лишний ломоть хлеба в камеру подкинут или самосаду щепоть-другую сыпнут, а при случае и поведают, чем город дышит.

Радость охватила тюрьму: на Сибирь свобода шла!

Но не тут-то было!

Я уже упоминал Василия Ильных. Это о нем писал Бельский: «С баржи той, кроме меня да Василия Ильных, никого не уцелело...» И еще он писал, что живет, дескать, Василий Павлович где-то под Тобольском.

Звонок в адресное бюро, и я уже знаю, что Ильных живет в деревне Тахтаир Тобольского района.

...На мой стук вышел одноглазый старик в сатиновой рубаше без опояски, навывпуск.

— Проходите, люди добрые. Проходите...

В горнице опрятно, хотя дед Василий живет один.

— Все поразъезались — кто к богу, кто на севера, Бобыльствую...

И вот уже ложится в блокнот строчка за строчкой — невеселый рассказ деда Василия:

— Стряслась та история по новому-то стилю на седьмом месяце двадцать пятого дня. Обеденную баланду коридорные доставили нам поутру. Дивуемся: что за катавасия? Сколь сидели, никогда такого не случалось, чтоб и обед тебе тут и паужин. Сердчишко враз зазнобило. Не к добру все это, чуем.

Сглотали паек скорехонько. Начальство поторопливало. А вскорости вытолкали нас во двор. Толкотня, шушуканье и все об одном — что с нами станется. Каждый разбе бает.

Надзиратели меж тем повелели нам скинуть тюремную лопоть. Оставили голиком, а у лопоти все карманы, все складки давай прощупывать, как бы ножей или какого другого оружия не было. Забирали и иголки, и кремни, и карандаши — что под руку, одним словом, подтверждалось. А потом вновь обрядили и принудили

располагаться прямо на земле. Кой-кого сразу стали в кандалы заковывать.

Так вот время и ползло. От солнца голова кругом пошла, светляки в глазах заносились. В глотке — ни росинки, сухота одна. Были среди нас такие, кто не мог вынести адского пекла и падал в обморок.

Наконец, в пятом часу кто-то что есть моченьки рявкнул:

— Становись! Конвой по местам! Ружья зарядить!

Тех, у кого кандалами ноги опутаны, тоже согнали в ряд. А когда построение состоялось, объявился поручик и дал такое напутствие:

— Из строя не выходить, в стороны не глядеть, друг с другом не разговаривать! За кем что заметим, расстреляем на месте. Шагом марш!

Ворота стонотные, увесистые растворились настезь. Сразу же опоясала всех нас охрана. Было два ряда пеших конвоиров да ряд конных. Винтовками, шашками, маузерами снаряжены. Бежать тут разве тому, у кого не все дома. Вот если враз да по команде — еще туда-сюда. Но и то немало бы головушек с плеч поснимали.

Вели нас не торопко: народищу в строю боле тыщи — пособись-ка. Пыль столбом. Кандалы гремят. Копыта искру секут из дорожных камней. А тут еще родственники навзрыд воют, норовят к строю подобраться, чтоб узелки со стряпней переправить. Охранники лошадей людей давят, плетями воздух секут, прикладами тычут в спины: «Не подходить!»

Весь город в тот путь нас провожал. Балконы, что рябинники ягодами, людом были увешаны. По крышам домов ребятня, как угорелая, носилась, свистела, гукала, а на кого — не поймешь. Ад крошечный — и только.

Вдруг подле меня распахнулось окно, и какая-то молодка что есть мочи заголосила:

— Красные в двух верстах. Вот-вот в Тюмени окажутся!

И захлопнула створки, а тут охранник. Хватил прикладом по стеклу:

— Заткнись, стерва, не то зубы сосчитаю!

Галдеж поднялся в рядах. Улица подхватила. Начальник конвоя видит: дело неладное, беспорядками пахнет.

— Ложись!

Растянули мы свои мощи на мостовой, пыль глотаем. Конвоиры рыскают у домов, разгоняют зевак и родственников заключенных, матюкаются на чем свет стоит.

Потом вроде все утихомирилось. Подняли нас, повели. Миновали мы бывшую водокачку, здание нынешнего военкомата и зашагали по улице Ишимской. Кто-то в строю — слышал я — обронил:

— Видать, к реке ведут. Дорога предстоит.

А за городом из пушек палили, из ружей...

А колонна все тянулась и тянулась по Ишимской. Спуск к Туре начался. У берега увидел я баржу, а перед нею два свежих заплота — чтоб при посадке никто не удрал. Рядом с баржей — пароход «Батрак». Отдувается, тяжело так, с пристисом.

Кругом — суматоха, беготня. И священники тут тебе, и купчишки, и просто жители. Рев стоит, что в некормленном стаде...

К 5 августа из Тюмени колчаковцы эвакуировали около тридцати тысяч человек. Были среди них и раненые, и пленные, и беженцы. На

суда грузили лошадей, быков, повозки. Из складов в то время растаскивали тюки с листовым табаком, ящики с медом и соленой рыбой, обувь и мануфактуру.

Обо всем этом стало известно из сводки, составленной колчаковским штаб-офицером.

Но дадим слово вновь Ильину:

— ...Голова у меня от этой суматохи кругом пошла, а тут еще воткинские толстосумы к строю лезут, насаждают на охранников:

— Куда вы красную рвань везете? Топить их надо! Давайте, мы с ними сами разделаемся! Суматохой-то этой и воспользовался один из нас — Петр Арканов. Отстал от колонны да замешался в толпе.

Ходили слухи, что хоронился он у своей родни до, прихода красных. С ними будто и беляков бил.

Но пошли дале... Стали нас загонять в трюм баржи. Как сейчас помню, «Волховом» именовалась. Трюм широченный, глухой. Духотища в нем, смолой в нос бьет, водой гнилой изо всех углов несет. Смотрим: нары уже понаделали. Видать, к черту на кулички путь проляжет.

Набили нас в трюм битком. На нарах не пошевелиться. Даже в проходах люди — видимо-невидимо.

Австрийцам особый закуток отгородили. Хоть и не так просторно, но пройти можно. Расселись они по нарам, лспочут о чем-то своем.

Время идет медленно. Мы все думаем: вот-вот пароход подцепит баржу да потянет. Но уж и ночь, а все стоим у берега. Думаем: какая же судьбина нам уготована?

Никто из нас тогда не ведал, что Колчак бумагу подписал: баржи приводить в Томск чистыми. О той бумаге я узнал только лет двадцать спустя.

VII

Потонула в темени речка Тура. Глаз выходи — ничего не видно. Хоть бы фонарь кто вздул или спичкой о коробок чиркнул.

А звуки есть. Звуков — половодье. То волна, сонно чмокнув, оближет борт расшивы, то пароход вдруг просипит, как сипят худые меха двухрядки. По палубе гремят пудовыми обутками караульные. «Бум, бум, бум», — пляшет тугое в трюме, словно в порожней бочке. На берегу, как и прежде, люди с воем, криками напирают на соседнюю баржу.

А в трюме, устланном заключенными слова никто не обронит. В каждом сердце — камень. Никто не ведает, куда его путь проляжет. Похоже, что в Александровский централ. Была такая каторжная тюрьма под Иркутском, еще почище Тюменской. Стены ее каменные, вековечные. Ворота железные, с литыми затворами. Ни одна еще живая душа не покинула той тюрьмы. По велению самого Александра II понастроили здесь сторожевых вышек, обмотали стены колючей проволокой, солдатни приставили тьму-тьмущую.

Вдруг люди в трюме услышали чей-то приглушенный голос:

— Товарищи! Нас повезут в сторону Тобольска. Надеяться на благополучный исход вряд ли стоит. Колчаковцы при первом удобном случае учинят над нами расправу. Надо решать, что делать дальше.

Трюм онемел. Слова эти упали, как молот на голову. На какое-то время в сердца людские вселился ледяной страх, сковал, налил свинцом тела. Кто отважился на такие слова? Охрана над головой. Провокаторов в трюме, поди, не сочтешь. Сейчас — стук в люк, и смельчак сварился.

Вокруг стыла тишина, мелким звоном полнила уши. Но вот у борта сухо крякнули нары. Еще раз крякнули. Чей-то по-медвежьи густой бас пробубнил:

— Ране надо было мороковать, қолды к барже шли. Теперя — крышка. Как клопов передают, али на дно спровадят вместе с посудинной.

— Че-оо нюни-то распускать опрежде часа, — отозвался кто-то еще. — И сию пору подумать нелишко. На тот свет всегда успеется. Туда с охотой примаяют.

По трюму воровато пополз шепоток. Кой-где он вспыхивал шумно, как порох, но его тут же тушили:

— Будя на весь-то город, будя... Промежь себя колобродьте...

Заклученных перетасовали на несколько групп. Шли тихие, но буйные споры. Предлагали обманом заманить в трюм караульных, поотнимать у них ружья, а потом всем миром двинуть на палубу. Только тут вопрос один возник: заманить-то заманить, а как? Если крикнуть: дескать, в трюме умерший, вряд ли все солдаты спустятся вниз. Пошлют от силы двоих, а с двумя винтовками в бой идти — кур смешить.

Предлагалось и другое — проскобрить в борту лаза два и через них тихо-мирно поопускаться в воду. А там ищи-свищи ветра в поле. Ночь-то как бездна.

Но кто-то враз оборвал все споры:

— Ватамана бы надобно...

Его поддержали:

— Верно баешь, атаман нужен. Вот того бы, кто первый речь держал. Как величать-то ево?..

— Зубов... Лександра... Покровский...

— Зубова! Зубова! — пронеслось из конца в конец трюма — как ветер.

Годы, столетия пролетят с той далекой поры, потомки наши, роаясь в архивной пыли да однажды наткнувшись на описание подвига заживо погребенных, в сомнение впадут: «Верить, или нет? В такой-то обстановке да помышлять о восстании...» Ведь на палубе охраны — два десятка человек. Карабины у них да два пулемета на корме парохода. А у заклученных всего и, оружия-то — голые руки. А провокаторы? Были они, уж в этом-то никто не сомневался.

И тут встает перед нами фигура Александра Тимофеевича Зубова. Вот как описывает наружность этого человека один из тех, кому довелось видеть его за час до восстания: «На рост Зубова природа-матушка не изобидела: такой под матицей не пройдет, ежели головы не приклонит. Плечи бугристые, литые, мускулы под рубахой катаются. Кулачищи — что тебе гири. Истинного крестьянского свойства фигура. А вот в обличье сидела у него какая-то интеллигентинка. То ли глаза тут виной, глубокие, с не подеревенски грамотным прищуром, то ли обихожённые до единого волоска усы — сказать затруднительно. Разговоры он вел тоже не подеревенски, а как-то по-ученому, больно уж складно...»

В восемнадцатом году избрали Зубова председателем крестьянского отдела Тюменского исполкома. А как только Тюмень угодила под сапог Колчака, Зубова бросили в тюрьму. И вот теперь он — атаман на «барже смерти».

Уже глубокая ночь, а в трюме никто головы не приклонил. Люди готовились к своему последнему бою.

Восстание решили начать в тот час, когда пароход дотрапит баржу до Покровки. Места там лесистые, глухие. К тому же на расшиве было немало людей, вдоль и поперек исколесивших во-

лость, а потому знавших, где и что раздобыть. Все-таки тысяча человек — и оружие понадобится, и жратва, и одежда.

В неплотно прикрытые люки просочилось жидкое молоко рассвета. Рядом с расшивой, точно мужик спросонья, прохрипел железными легкими пароход. По палубе баржи прокатились чьи-то сапоги. Тяжелый, каменный голос потребовал:

— Чалку давай!

У борта расшивы всхлинула вода.

— У тя чё-оо, руки-то отсохли? — донеслось издалека, похоже, с парохода. Видать, чалка угодила мимо.

Наверху долго возлились. Потом пароход вновь принялся хрипеть и, наконец, поднатужившись, лихо, как бродяжка, свистнул. Расшиву мягко дернуло, поволокло. Вода тугими ладошками волн захлопала по доскам.

VIII

Вот уж сутки, как во рту — ни крошки. Иногда в квадратную дыру люка опустится ведро с желтой, как глина, водой — и только.

Длинный и сухой, точно вяз, старик, вытянувшийся на нарах, далеким голосом просит:

— Чайку бы... Тошнит штой-то.

— А ты спи, — совет ему дают. — Легше будет...

— Соснул бы, да сон в голову нейдет, — скрипит сухой, как лучина, голос старика. — На том свете, даст бог, отосплюсь. Чайку бы вот только...

— Братцы, у кого какая жратва есть? — какой-то рыжий парень зашарил холодно-синими ямами глаз по трюму. — Дедка вот голодухой мается.

Трюм молчит. Какие тут могут быть байки о жратве? Не из дома на баржу угодили.

Парень, сопя, полез к квадратной овчинке неба:

— Эй, на верхах!

Над люком засияли тугие щеки:

— Чего тебе?

— Уж сутки голодом, хоть бы ломоть хлеба ссудили. Человек тут мается.

— А ты что за аблакат такой? Грянет час, все нажретесь. Воды кругом — черпай — не вычерпаешь...

— Ты же из русских, человеком должен быть, — заскребся по трапу к ногам конвоира парень. — Ломоть ведь один...

— Ну-ка, ступай, откель прибыл, я вот укажу, кто из нас человек!

Конвоир распалился, ткнул прикладом — парень, икнув, скользнул на мокрый пол, по-собачьи жалобно заскулил от боли. Его молча подхватили под руки, водворили на старое место, рядом со стариком, который, словно сквозь дрему, укоризненно протянул:

— Эк, угораздило... Сидел бы да помалкивал. Тебе еще цвету набираться...

Глухо шваркает плицами колес по воде невидимый пароход. Расшива рыдает в пазух, словно норовит развалиться. Хоть бы развалилась, хоть бы...

Молчат люди, не двигаются с места. Силы надо экономить до поры, до времени. А их понадобится немало.

У села Созоновского расшива слабо боднула берег. Стало слышно, как вода жадно уцеловы-

вет борта. Люди насторожились: «Сейчас что-то стряется». Взоры устремлены к лазурным квадратам люков, над которыми стелются голоса конвоиров. Должно быть, швартуют баржу. «Неужто выгружать будут?» — назойливо плещется в висках горячая, как кипятки, кровь.

В люке, принакрыв доску неба, показалось каменное лицо:

— Масловский, выходи! Дрова с командой парохода пойдешь грузить.

Масловский, широкоскулый маленький мужичонка, выполз из потной гущи тел и суетно засеменил к трапу. Глаза белые, как бумага, не смотрели ни на кого. А люди думали: почему это на погрузку дров снарядили одного Масловского? И откуда конвоиры знают его фамилию?

Пятки Масловского мелькнули в проеме люка. Было слышно, как он сходил на берег: трап скрипел под тяжестью, прогибался, смачно шлепая по воде.

Потом стали доноситься лишь слабые всхлипы паровых котлов да тяжелые, как чугунные ступы, шаги караульных.

В трюме — не продохнуть. Парильня одна — и только. По низу тянет теплым и кислым, как из проквашенной бочки. Людей уморила духота, лежат в одном исподнем, а то и безо всего, жадно хватают ртами вонючий воздух. И каждому жрать охота. Животы подперло, больно сосет. Хлебушко подовый в мыслях, молоко с пенкой, наваристые щи. Деревня в мыслях. А она совсем рядом — рукой подать...

Опять заскрипел трап, спокойно, тягуче. Сбрякала крышка люка — доску неба пропал. Слышно было, как запирают на замок. Вторая сбрякала, третья.

В трюме зашевелились:

— Задохнемся ведь! И так дышать нечем!

— Ничего не стряется! — рывкнули с палубы. — Это награда вам за собрата. Сбежал, сволочь такая! Только далеко ли?

Люди в трюме захлопнули рты, стали торопливо ворочать мозгами. Все всприминали, как охотно, чуть не бегом, Масловский семенил к трапу. «Сбежал». Времени уже минуло с полчаса, а ни суматохи, ни выстрелов. Тихо все. Неужто Масловский — провокатор? Он слышал разговоры о восстании. Знает фамилии руководителей. Если предал — пропала волюшка...

Но на палубе все спокойно. Похоже, никакой беды не стряется. По-прежнему стелются голоса конвоиров. То и дело раскачивается трап, смачно шлепая по воде.

И все-таки никто не верит, что Масловский бежал. Но как разузнать, известен ли уже охране план восстания?

Вот тут-то и следует слово сказать о двух мальчонках, пришедших в тот день на подмогу узникам. Как ни жаль, но нам не известны их имена. Впервые довелось узнать о ребятах из уст И. Г. Бутова. А потом и другие люди, что находились на барже, подтвердили: «Да, были такие».

Один из них — высоконогий, хиленький, с буйной охоткой медных волос и с лицом, густо обрызганным веснушками. Второй, чуть пониже, чернявый, неусидчивый, все шнырял промеж нар, выискивая, чем брюхо набить. Обоим лет по тринадцать-четырнадцать. Родом откуда-то изпод Кунгура. А в заточении очутились из-за мелочного дела.

Однажды по какой-то надобности вышли они из дома. Глядь, а по улице клубы пыли, и всадники по сторонам. Человек пять. Поближе подсакали — на фуражках красные звезды запламенели. Осадили всадники коней, мездоровались и, как бы между прочим, давай спрашивать о белых: далеко ли находятся, часто ли заглядывают в село?.. Видать, из разведчиков были. А под конец попросили воды, коней напоить. Мальчишки кинулись к колодцу, приволокли несколько ведер. Поблагодарили красноармейцы ребят за услугу и ускакали. А пришли белые, и мальчишек тот час же схватили. Приписали им связь с красными разведчиками. Поначалу томились они в Кунгурской тюрьме, а некоторое время спустя перенесли в Тюменскую.

На барже белые на них особого внимания не обращали: какой вред от мальчишек? И вот когда колчаковцы захлопнули люки, по чьему-то наущению ребята слезли наверх. Потолкались там, послушали, какие разговоры вели белки.

Вскоре они спустились в трюм со страшной новостью. Слышали, дескать, как начальник конвоя говорил фельдфебелю: «Доберемся до Покровки, вызовем по телеграфу из Тобольска отряд и справимся с заговорщиками».

Ночью глухой, как подземелье, состоялось собрание. Говорил все больше Зубов и так тихо, что слышали его только те, кто рядом находился, а они уж другим передавали.

— Духом падать не надо, — теснили тишину его скупые слова. — Делать вид, что ничего не произошло. С караульными вести себя необходимо. Действовать будем, исходя из обстановки.

Расшива, жалобно скрипя корпусом, плыла в теплой бархатной темени. Над баржей шло носились одинокие птицы — носились без крика, но слышно было, как они упругими пружинистыми крыльями взбивают густой, замоченный на травах воздух.

Где-то рядом двигались берега. Хлопки паровых колес уносились к ним и бойко отскакивали назад.

IX

По утрам из жизни ушел старик, тот самый, за которого радел рыжий парень. Ушел без маяты, тихо, словно и не было его. Правда, ночью тронул за локоть соседа:

— Ежели какая беда стряется, запомни фамилию. Кирьянов я, Семен, по отцу Петровичем кличут. Из Перми родом...

Старик лежал, сложив на груди сухие и корявые, как коренья, руки. Борода его жиденькая, словно пучок высохшей травы, уткнулась вверх. На желтом высохшем лице сидели два холодных стеклянных глаза.

Палубу известили о покойнике. Там долго держали совет. Потом в трюм долетело:

— Пушай пока полежит. В Тобольске захороним.

— Пахнет уж...

— Человеком пахнет, свыкнетесь.

А там, на палубе, утро набирало силу. Яркий каравай солнца выкатился из-за леса и, попыхая теплом, поплыл по голубой скатерти неба.

Наступило 27 июля 1919 года.

У люка глухо заколотили прикладом:

— Эй, в трюме! Шесть человек надобно в помочь шкиперу!

Узники жадно уставились на Зубова: что скажет? Он тут же поднялся, высокий, широкоплечий, тихо произнес:

— Со мной пойдет Сири́н-Познанский. Нужно еще четырех человек, да покрепче.

Сири́н-Познанский был правой рукой Зубова, его заместителем.

В проходе появилось с десяток рослых, истомленных парней. Зубов указал пальцем на первых четверых. Обвел глазами трюм:

— По крику «ура» пулей бросайтесь к люку. Если сегодня не добудем себе свободу, то уже не добудем ее никогда.

— Чё-то там валандаетесь? — бойко запрывал приклад. — Сказано: шестерых в помощь надобно!

— Идем, идем! — уже громко, увесисто так, чтоб было слышно на палубе, пробасил Зубов и твердо, будто домой, направился к трапу. Ме-

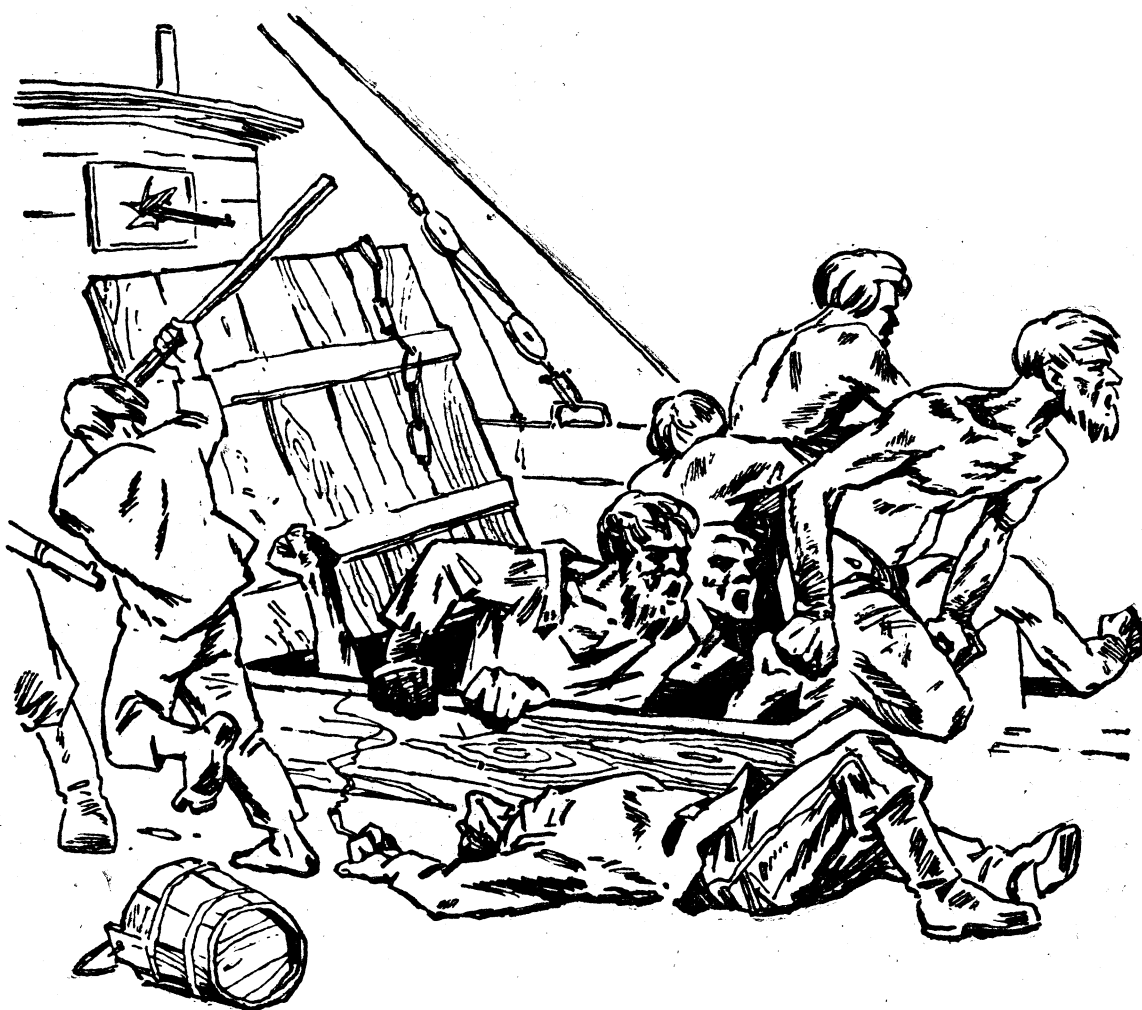
таллические поручни заходили, завсхлипывали под тяжестью литой глыбы.

Вторым в бездонную голубень провалился Сири́н-Познанский. Ушли туда, на палубу, и остальные четверо.

Трюм изготовился. У трапа, как в голод у лавки, собралась длинная ждущая очередь. Люди знали: одного люка, чтоб враз да всем миром прийти на выручку Зубову, маловато, а потому надо выскакивать на палубу сноровисто, не мешкая. Первое время конвойры придут в замешательство — у страха глаза велики, а пока поймут, что к чему, да карабины успеют настроить, тут и конец им. Лишь бы там, на палубе, не допустить какой промашки.

А на палубе солнце щедро льет свое тепло, будто парное молоко из бездонного подойника. Тянет горячей смолюю и деревом. От реки — никакой свежести: успела прогреться. Млеют в незамутненном стекле вод разморенные жарой берега.

Шкипер, могутный, словно откормленный на убой, с маленькой, бритой до смертной синевы головкой, приставил шестерых к дышлу руля:

— Править будете. След в след судну. Дело не мудреное. Только ворон не считайте.

У руля — широкой, грубо рубленой лопасти — взбивало пену, как в стиральном корыте. За кормой тащилась тьма-тьмущая лодок. В них сидели попы в темных камиллавках, усердно молились, высоко вскидывая редкие бороденки. Картинно развались на богато расцвеченном ковре, клевал носом сухонький, как вобла, волостной писарь. Было тут немало конторских служащих, их жен и детей, уже ничему не удивляющихся и ждущих: когда же настанет конец мытарствам?

Шестеро вцепились в плохо ошкуренное дышло руля, повели баржу по пенному следу, стелющемуся за пароходом.

А глаз не спускают с конвоиров. Один, усатый, присел у люка, достал увесистый кисет с самосадам, стал ладить «козью ножку». Карабин в обнимку держит. На носу пятеро лежат, млеют. На лица захватанные платки накинuty, чтоб кожу солнцем не спалило. Еще двое стирку рубах затеяли. Третий плещет воду из деревянной бадьи им под нос. Мильная вода масляно ползет по палубе, скатывается за борт. С десяток конвоиров маятно снуют вдоль бортов, поплевают в воду, глазуют на берега, ползущие совсем близко от борта, на пароход, коробящий сильными колесами опрокинутое в воду небо. Остальные двое из охраны хоронятся от жары в шкиперской — длинной досчатой будке, смахивающей на голубятню. Оттуда, как из-под земли, проступают их глухие ватные голоса.

— С будки вот и начнем, — сказал Зубов и обмочил языком сухие, как кремль, губы. — Если обезоружим обоих часовых, считай, полдела откачал. С высоты мы их, как глухарей, пещелкаем.

Сирин-Познанский припал к дышлу руля:

— Ладное, говоришь, Тимофеич. С палубными пока возню затевать без пользы. Из будки враз всех перекосят.

У руля, чтоб баржа с пути не свихнулась, оставили долговязого и угрюмого, точно обложная туча, парня. Крадучись, тихо, мягко, как рыси, полезли по крутой неудобной лестнице к фанерной двери. Караульные на корму — никакого внимания, словно за ней поручено следить не им.

Дверь пискнула тонко, по-мышьиному. Шкипер, как рак, вытарачил остекленные глаза, откатнулся к стенке. Охранники часто за сопели, метнулись к карабинам, стоявшим в углу, но запоздали. Пятеро — против троих.

Караульный с перепаханым оспой лицом, заикаясь, пытался выдать слово и не мог, лишь нервно мотал головой. Второй мелко тряс губами, мычал тихо, рвано, словно рожал. Шкипер жался к досчатой стене, как Иисус, широко раскидав в стороны красные волосатые руки.

Колчаковцев без возни увязали по рукам и ногам. Для надежности сунули в рты по тряпке. Шкиперу пригрозили: молчал чтоб!

Из будки палуба — как на ладони. Там мирно все, нешарствозженно. Стирка белья идет — только шметки пены во все стороны. У люка гадит воздух табачной отравой все тот же усатый охранник. Смотрит куда-то на белесые носки сапог. Пятеро на носу сны рассматривают. Остальные бродят у борта медленно, словно тяжести несут.

— Снять того, у дыры который, и —

«ура!» — Сирин-Познанский смотрит на Зубова, на парней. У тех щеки бледные, неживые.

Зубов кивает:

— Его первого. Он помешать может.

Ствол винтовки уперся в мутное стекло, нацелен в широкую, точно плаха, грудь караульного. Звуки пропали, лишь — звон в ушах, ровный, как песня сверчка за чувалом.

Выстрел рывнул собакой, покотив по реке чугунный шар эха. Охранник сунулся у люка поспешно, словно на молебне. «Козья ножка» зажата в пальцах.

Караульные, словно их ошпарили кипятком, заносились по палубе. Прогрелем новый выстрел, но, видно пуля прошла мимо: никто не упал.

И сразу баржу рвануло к берегу, круто, по-адски: угрюмый, как туча, парень бросил дышло, и руль, точно скулу, заворотило набок.

Истошное жиденькое «ура» сразу же отозвалось густым ревом. Из распахнутого настезь люка, как муравьи на свет, уже лезли люди. Лезли торопливо, словно их понуждали раскаленным железом, лезли, срывались вниз и вновь лезли, обезумевшие от счастья, от мысли, что свобода где-то рядом, в нескольких прыжках. Мелькали грязные и ребристые, как грабли, голые груди, мохнатые лопаты-бороды, налитые недоброй лесной злобой глаза, раскрытые в крике рты.

От топота, воя и гама дрожала баржа, дрожал воздух — вся вселенная, казалось, дрожала. И чудилось, что не люди то лезли, а где-то железная река разметала плотину и рванула на простор, сметая все на своем пути.

А охрана меж тем пришла в себя. На носу охнул выстрел. Охнул неожиданно, отрезвляя. Косолапый мужик в длинных измочаленных портах сел на карачки, обхватил простреленный живот и тут же пал, показав черные, как сажа, пятки. К стрелявшему конвоиру покатился разъяренный живой клубок, подмял его под себя, рвал, кусал, калечил, наконец, поволок к борту, и — только всплеск, не звонкий — глухой, как звук деревянной бадьи в глубоком колодце.

Рядом с клубком — возня, жестокая, нервная, хоть и двое узников — Бельский да еще один парень из Тюмени — против одного караульного. Колчаковец дюжий, как дьявол, быкастый, норовит высвободить винтовку, за которую те ухватились цепко, до ломоты в пальцах. Дерг, дерг — ни в какую.

Колчаковец обалдело рычит — оскал зубов, как у волка, — мотает двоих, словно шутя, из стороны в сторону, а то вдруг хватит карабин на себя, резко, с подсечкой. А двое только поспевают туда да сюда: сил-то мало.

Не видели эти двое — колчаковец видел, — как рванул к ним Алексей Решетников, парень из Созоново. Потный, обезумевший. Метил толкнуть охранника за борт, но тот успел протянуть руку, ухватил Решетникова за полу рубахи, и все четверо ухнули с высоты в воду. Лишь чей-то голос, тонкий, дикий, метнулся в небо:

— А-а-аа!

А вокруг — не разбери-поймешь. Катаются по палубе белые, как смерть, тела. Кого-то мнут, кого-то дают. Хрип и ругань висят в воздухе.

Михаил Жуков месит охранника кулаками. Челюсть у того трещит, глаз отяжелел, весь заплыл. Злой, косматый, как веник, охранник то-

же пустил в ход тяжелые литые кулаки — только свист стоит. А Жукон уже из сил выбивается, вот-вот даст. Движения вялые, невпопад. Лицо пот застывает. Но тут Чарушников погодился рядом, обрушил на голову охранника острую скобу. Тот обхватил окровавленную голову руками, застонал дико и обреченно.

Его оставили, ринулись куда-то в сторону дружно, словно по команде.

Кто-то шукой сиганул с баржи. И сразу крик за бортом, полосующий душу:

— Спа-си-те!

Никому нет заботы до крика. Баржа гудит неослабно, что улей. Кто кого одолевает, не поймешь.

Семен Мамонов и Василий Ильиных вызволили трехлинейку у охранника. Тот поднял руки, на колени встал:

— Пощадите!

— Пропастина! Нас щадил? — и хлопнул выстрел сухой, словно развалили орех. Колчаковец опустился на палубу. В рыжих растрепанных волосах запуталось солнце.

А выстрелы гремели все чаще, и люди все чаще запинаясь за тела. Уже несколько раз захлопывали крышку люка, но ее распахивали снизу вновь, и из трюма вылезали люди.

Первый же залп по шкиперской сразил Сирину-Познанского. Он улегся рядом со связанными по рукам и ногам охранниками. Зубов, видно, понял: оставаться в будке — дело рискованное, и стал спускаться на палубу. Его заметили. Хлопнул еще один выстрел.

И сразу крик:

— Зубова убили!

Люди замерли, словно окостенели. А пули выли, как голодные волки, унося жизни.

— Где Зубов?

Никто не знал, где лежит предводитель: тел кругом накидано, как во время чумы. Зубов лежал подле шкиперской, откинув в сторону тяжелую руку. В кисти зажато ложе винтовки. Глаза оловянные слепо смотрят в голубень. Над ним кто-то склонился и сразу упал, точно мертвого решил прикрыть от пули. И опять:

— Зубова убили!

Баржу взорвало, как плотину. Кругом заревело, затрещало, заухало. С носа расшивы двое из охраны, не вставая с колен, слали в людей пулю за пулей. На них никто не обращал внимания: кучаками носились то за одним, то за другим беляком. Каждому хотелось побыстрее завладеть винтовкой.

А колчаковцы, проникнув в шкиперскую, вели оттуда меткий огонь. Люди валились на палубу, точно их подсекали острой, как бритва, косой. Из люка вылез человек, и его прихлопнули. Он повалился назад, в трюм, увлекая за собой жажущих вырваться на палубу. Из трюма — лишь рев.

По будке хлестануло несколько залпов. Там замолчали, но с носа баржи свистел свинец. Туда ринулась новая ревущая, как волна, куча. Охранники пустили в ход приклады, но сил не хватило, их тут же подмяли, заставили умолкнуть.

В пылу боя никто и не заметил, как на носу баржи вырос длинный, как жердь, провокатор Хворов, хватил топором по толстому, вязкому, как сырое мясо, канату. Канат серой змеей сбрыкал с палубы, лихо стеганув по воде, затонул. Расшива враз застопорила ход, словно угодила на отмель, поползла, гонимая течением.

Хворов метнулся к якорю, поднатужившись, скинул его за борт. Загремела тяжелая якорная цепь. Корма баржи начала разворачиваться в сторону юрт.

К Хворову метнулся разъяренный клубок тел. Провокатор понял: не сдобровать, и кинулся с баржи в воду. Клубок тел полетел за ним. Вода у борта запенилась, зашипела.

А «Батрак», тяжелый, неуклюжий, уже греб к берегу. Приткнувшись, ощерился иглами винтовок, ударил по барже каленым свинцом, как из пушки картечью. А из трюма все лезли и лезли.

— Бартов, погоды! Ба-артов!

— Вот она, смертушка-то...

— Ой, люди! Убили, убили начисто!

— Имай его! Уже успел обрядиться. Врешь, не уйдешь!

— А-аа-а!

— Братцы, с парохода лупят! Ложи-и-исы!

Баржа ревела, гудела, всхлипывала. Русская речь мешалась с австрийской.

У борта трое пали ниц, редко слали пуля за пулей на пароход. А с него в ответ — новый густой залп.

— Всех изничтожат! Спасайся!

С борта в воду посыпались люди. Столб воды — выше баржи.

— Спасайся!

И вдруг зататакало гулко, часто, словно телега понеслась с горы: «максим»!

Пулемет не умолкая, бил долго и метко. «Батрак», ворочая колесами, сближался с баржей.

XI

В воде людей — считай, не сосчитаешь. Голов, как грибов после спорого дождя. К берегу все гребут, там — свобода.

И Бартов гребет, все норовит под водой голову держать, чтоб не заприметили. Глотнет воздуха и опять с водой слился. Руки работают, но силы уже последние. А над водой — только свист, словно ветер в щели. Кто-то там, за спиной, метит в голову. Не ведаешь, когда смерть тебя призовет. Может, сейчас? Нет, пронесло. А может...

За рубаху ухватили. Резко обернулся. Рядом дикие, навываке, глаза. Мычит. Видать, тонет. Стало страшно глубины и смерти. Человек надевает, подминая Бартова под себя, словно метит встать на его плечи. Бартов собрался с силами, развернулся, толкнул в худую грудь. Тяжесть спала. Вновь погреб к берегу, но уже не хороня голову. Задыхался. Руки ослабли, двигались, как чужие. Рядом кто-то плескался, то уходя под воду, то вновь появляясь.

Земля качнулась к ногам. Встал и тут же упал, пополз на четвереньках к берегу. Валился на бок, дышал часто, глубоко, надрывая легкие. Пули верещали где-то впереди, впиваясь в сухой и белый, точно крупа, песок.

Он встал, постоял, чтоб пообвыкнуть, и уже не боясь ни пуль, ни смерти, как пьяный, зашагал к ивовым кустам.

Неподалеку выбирался на берег Яков Бельский. Еще кто-то шел по воде, с трудом справляясь с течением. Руки раскидал, словно коромысло, для устойчивости. И только вышел на берег, тяжело охнул и пал на песок, сраженный пулей.

А с баржи, как и прежде, летели тела в воду. Мелькнула красная, будто залитая кровью, рубаха. То Горскин, парень из Иски, сиганул с борта. Из сил выбился еще на расшиве, а оказавшись в воде, понял: до берега уже не добраться.

Тянуло ко дну неумолимо, властно. Погреб к расшиве, а для чего, так и не понял. Но потом стал шарить рукой по смоляным доскам, норовя хоть ногтями уцепиться за паз. Насупал. Рука сорвалась в теплую воду. Георгий задрал голову. «Хоть бы кто показался да бросил щепку». Бок баржи возвышался огромной, недоступной, как тюремная ограда, стеной. Стена задиралась к самому небу.

На палубе шла возня...

И тут вспомнил: на корме — руль, стоит доплывать до него, а там и передохнуть можно.

Стал вяло подгребать под себя воду, стена двигалась рядом, пугала высотой. Георгий не оборотился, продолжал пробираться к корме.

Справа увидел подку. Веревка от нее куда-то к небу тянется. На лодке поп часто снует трясущимися пальцами ото лба к груди. Молится. Страх попа обуял. Уловил всплеск воды, повернул маленькое, как у ребенка, лицо, схватил длинное, широкое у конца, весло... Удар был крепкий. Вода потянула тело Горскина.

XII

— А ну, выходи!

На палубе ждут солдаты. Винтовки в сторону люка направлены. Рядом пароход отдувается, с него смотрит на палубу глубоким пустым взглядом пулемет.

— Выходи, говорят!

В трюме тишина, как в могиле.

— Выходи!

И опять тишина.

С палубы выстрелили. Еще бахнул выстрел. Из трюма долетел тяжкий предсмертный стон. А потом в люке показалась голова, грязная, в крови.

— Становись вот тут-ка!

Из трюма полезли оборванные, худые, как тени, люди. Глядели недобро, из-под бровей.

Пятьдесят человек.

— Хватит, остальных опосля. Убирайте,— палец охранника обвел палубу, устланную трупами.

Брали за руки, за ноги и — в реку.

— Простите, братцы, не по своей воле.

Вода кипела за бортом, пенилась.

— Прости, Александра Тимофеич. Может, и нас за тобой спровадят. Прости...

Уже и солнце побужало к закату, к ивовым кустам, а трупы все сбрасывали в воду. Караульные лениво, по-коровьи, жевали хлеб, ведя счет мертвецам. Сто десять трупов насчитали.

Потом стало тихо. Только пароход пускал белый пар.

— Стройтесь к борту! — громко сказал плосколицый конвоир. Заключенные выстроились. Охрана напротив. Винтовки наизготове.

— Чтоб другим неповадно было... Готовься! Кто-то закричал:

— Прощевайте, братцы! Не забывайте!

И еще крик:

— Красная Армия придет!

Стволы дохнули огнем. У борта поредело. Оставшиеся стояли, высоко задрвав подбородки. Еще раз дохнуло огнем.

Время-то, в народе говорят, как птица летит. Вот уж и пятьдесят лет с той далекой поры минуло. Запомнялось многое. Лишь документы не скудеют на память.

Двенадцатого сентября, спустя полтора месяца после того, как баржа отплыла из Тюмени, был подписан белогвардейскими врачами Коновым, Толстым и Упоровым акт.

Немало пыло по нашим рекам в те дни «барж смерти». Врачи же, о которых идет речь, осмотрели только четыре — «Волхов», «Надежду», «Белую» да баржу № 4. И вот о чем они писали.

Плыли те баржи от Тобольска до Томска пять недель. Находились на баржах «пенные красноармейцы, военнопленные австрийцы и арестанты из различных тюрем — Тобольской, Тюменской да Екатеринбургской». Всего около девяти тысяч человек. «Из расспросов,— открывенничают врачи,— установлено, что население барж крайне скудно питалось. Так, например, на барже «Волхов» за все время пути не подавалось ни горячей пищи, ни кипятку... Хлеб выдавался через 4—5 дней, по фунту на этот срок. Массами умиравшие частью выбрасывались в реки, частью были погребены на берегах во время стоянок. Были случаи, когда выздоравливающие или больные вследствие слабости падали через борт в реку, где находили себе могилу... Всем баржам присуще полное отсутствие света, душливо-зловонный воздух, чрезмерная грязь, сырость; полы, нары и лестницы во многих местах покрыты испражнениями, во всех баржах трехэтажные нары, чрезмерно грязные, с массой ползающих насекомых. Все население в грязной рваной одежде и белье, полным вшей; всюду больные тифом, цингой, язвой...»

Отыскивали врачи на «Волхове» шесть трупов. Опустились в трюм баржи № 4, а там двести мертвецов сложены в кучу. Ужаснулись врачи: это каждый день умирало столько!

«Восстание закончилось неудачей,— пишет Иван Гаврилович Буроз.— В ту же ночь в трюм спустился начальник конвоя (по всей видимости, прапорщик Железнов — Б. Г.) и заявил: «Скажите спасибо несчастным австриякам, а то бы я вас всех спровадил ко дну вместе с баржей». Трое суток нас не кормили. В Тобольске была стоянка. Из местной тюрьмы пригнали еще сто человек. Среди них, мне помнится, был электротехник А. В. Козин. Знаю, что он два раза бежал из тюрьмы. Последний раз его схватили на квартире, как только он в ней появился. Видимо, за домом была установлена слежка. И еще известно мне, что Козин после освобождения из томской тюрьмы жил и работал в Тобольске.

Из этого города нас повезли дальше, вниз по Иртышу. От духоты, зловония, сырости и голода начались массовые заболевания, главным образом дизентерией. Каждый день мы выбрасывали за борт по десятку и более трупов. А когда миновали Самарово, над рекой вновь стали раздаваться выстрелы. Иногда расстреливали до двадцати человек. Причем, без особой на то причины.

Мне вспоминается такой случай.

На нашей барже находилось пятнадцать женщин, и среди них — жена военного комиссара Мотторина. Молодая, красивая, она вдруг поправилась начальнику конвоя. Он спустился в трюм и сказал ей: «Пойдем ко мне на пароход». Мо-

торина, конечно, поняла, зачем ее приглашает белогвардеец, и ответила на его предложение отказом. Тогда начальник конвоя взбеленился: «Не пойдешь — расстреляю». Женщины стали уговаривать Моторину: «Иди, жизнь дороже». Тогда она согласилась, но попросила, чтобы вместе с ней на пароход взяли еще одну из женщин.

Прошло несколько дней. Неподалеку от Сургута нашу баржу причалили к берегу. Стояли мы долго, а почему, никто не знал. Потом стало известно, что Моторина ушла с парохода в деревню, якобы купить продуктов, и обратно не вернулась. Посланные на ее розыски солдаты прибыли с пустыми руками.

Начальник конвоя рассвирепел и стал вымещать свою злобу на заключенных. Перед заходом солнца он открывал люк. В одной руке держал список узников, в другой — наган. Белогвардеец выкрикивал фамилии людей и приказывал им подниматься на палубу. Едва несчастный выходил наверх, как тут же следовал выстрел из нагана, а затем — хлопки из карабинов. Пули пробивали деревянную палубу, вычеркивали из списка живых все новые и новые жизни.

Мы задыхались от зловоний. Заключенные проковыряли в борту отверстие и глотали через него свежий воздух. Провокаторы донесли. Всех находившихся у отверстия тут же выволокли на палубу. Залп и — за борт.

— Поковыряйте еще, там же будет! — рявкнул в трюм начальник конвоя.

Другой узник «баржи смерти», Владимир Ильич Кононюк, вспоминает:

«Был в моей жизни один день, когда смерть смотрела мне прямо в глаза. В числе десяти человек меня повели на расстрел. Находился рядом со мной и Михаил Жуков, с которым нас однажды уже приговаривали к смертной казни. Выстроили у борта. Фельдшер пришел. Фамилию его я не помню, но знаю, что был он уроженцем села Кротово Ишимского уезда. Взглянул он на меня и сказал конвоирам:

— Этот во время бунта болел тифом, на палубе не появлялся.

Меня отвели в сторону. Я видел, как стали падать товарищи, как словно косою подкосило Жукова. Свет в глазах померк. Я опустился на колени, стал умолять, чтобы пустили и мне в лоб пулю. Но охранники схватили меня, поволокли к люку и бросили в трюм на чьи-то руки.

Сутки я провел в бреду. Приходил в себя и снова слышал выстрелы да душераздирающие крики.

На всю жизнь мне запомнилась фамилия некоего Меринова. Однажды его вызвал начальник конвоя. Допрашивал долго и по пустякам, а

потом сказал: «Поживи до утра, а утром я тебя на тот свет отправлю».

Ночью Меринов сошел с ума. Скинул с себя одежду и давай распевать песни. С палубы донеслось: «Это кому там так весело?» Белогвардейцам ответили: «Больной». А с палубы: «Посылайте-ка его наверх, быстро вылечим».

Как мы ни уговаривали солдат не трогать Меринова, ничего не помогло. Они выволокли его на палубу, подняли на штыки и сбросили в воду.

На палубе долго не смолкал хохот...

Трюм пустеет. Но люди не просят милости. Идет скрытая борьба за жизнь каждого человека. Уже окликали Василия Ильиных. Трюм ответил:

— Он умер.

Семена Мамонова окликали — тот же ответ. Баго, гора трупов растет в углу, пойми, кто в ней».

Тогда стали расстреливать по порядку, не разбирая фамилий. Люди прыгали в воду до выстрелов, норовили подальше уйти от баржи. Но пули настигали их, окрашивая воду в багровый цвет.

Потом конвоиры стали перед расстрелом связывать руки. Гремели выстрелы, будоража притихшие берега. А баржа все плыла и плыла вперед, устилая свой путь человеческими телами.

Из тысячи трехсот узников, находившихся только на одной барже «Волхов», в Томск прибыло лишь сто сорок семь человек. Всех их тут же заточили в местную тюрьму, в которой многие и нашли свой конец. Во всяком случае, нам известны фамилии только восьми человек, оставшихся в живых. Среди них — Александр Петров, бывший работник Тюменского губчека. Говорят, впоследствии он вновь вернулся в Тюмень и работал здесь на старом месте. В Каменск-Уральском доме инвалидов живет М. Д. Очкова, в свое время работавшая учительницей в Туринском районе Свердловской области. В селе Шадринка Курганской области проживает бывший председатель Кошукского волисполкома М. М. Бабиков...

И только. Остальные погибли. И как упрек нам, живым, — нигде не отыщешь ни одного памятника, ни одной мемориальной доски тем, кого настигла смерть на страшных баржах.

А хотелось бы, чтобы у тех же юрт Матуши вознесся к небу белокаменный обелиск со звездой — спутницей наших боевых дел, с выбитыми на нем словами: такого-то числа, в таком-то году... Старики бы вспоминали у того памятника юность грозовую свою. Молодые бы мужеством дедов сердца свои полнили.

Когда говорят «документ эпохи», многим представляется какой-нибудь пергаментный свиток или переплетенный в кожу том. Для археолога таким документом служит сама вещь. Если это изделие соответствует какому-то значительному в жизни народа периоду и дает новое представление об искусстве и технике изготовивших его ма-

называемой сабле Карла Великого, хранящейся ныне в сокровищнице Историко-художественного музея Вены. Сабля длиной около девяносто сантиметров сохранилась целиком, даже с ножнами, и поражает роскошью своей отделки. Рукоять и ножны обложены золотыми пластинками с чеканным орнаментом. Медная, также позолоченная, полоса тянется с каждой стороны клинка. Изгиб лезвия и форма эфеса напоминают сабли, найденные в Восточной Европе на полях прошлых битв. Перед нами, однако, не боевое, а парадное оружие, которое получило государственное значение. До конца XVIII века им опоясывались при коронации императоры «Священной Римской империи».

САБЛЯ

стеров, оно приобретает особую историческую ценность «говорящего» источника.

Ученые слависты заботливо собирают памятники эпохи Киевской Руси, того героического периода, когда недавно родившееся ранне-феодальное государство оказалось могущественнейшим в Европе. Шедевры и уникалы того периода мы знаем, казалось бы, наперечет. А новые находки крайне редки. И вот одна из них была сделана в... музее.

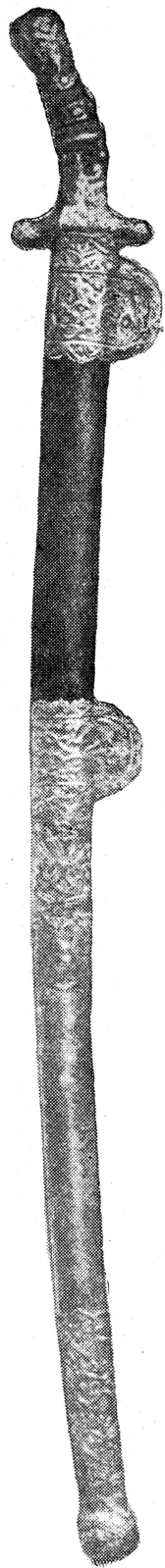
Земля Восточной Европы — гигантская, неисчерпаемая кладовая древнего оружия. При археологических раскопках и просто так, случайно, обнаружены сотни наконечников копий, боевых топоров, мечей, десятки шлемов и кольчуг, тысячи наконечников стрел. Археологическая судьба этих вещей более или менее одинакова. Пролежав много столетий в земле, они однажды были извлечены и стали достоянием музеев. Владельцы самих изделий почти во всех случаях остались для нас безмянными. Среди множества предметов, имеющих отношение к Руси X—XI веков, существует, однако, один, который никогда не терялся, не лежал под насыпью кургана, а бережно передавался из поколения в поколение, как инсигния¹, возникшей в 962 году в «Священной Римской империи». Речь идет о так

КАРЛА

ВЕЛИКОГО

Происхождение вещи овеяно романтической легендой. Германский император Оттон III якобы нашел саблю при вскрытии в 1000 году погребения Карла Великого в Аахене. Со временем эта легенда обросла фантастическими подробностями. Так, по одной версии, возникшей в XVIII веке, сабля была подарена первому средневековому императору халифом Гарун аль Рашидом, по другой — захвачена Карлом на войне с аvaraми. Сколько-нибудь достоверные сведения о сабле относятся к более позднему времени. До 1794 года она в числе других церемониальных инсигний немецкой короны хранилась в Аахене, а затем попала в 1801 году в Вену.

Среди вещественных древностей западного средневековья, где в качестве

традиционного клинкового оружия выступал меч, сабля Карла Великого всегда казалась необычной и чужеродной. Оружиеведы давно усомнились в ее принадлежности Карлу Великому и установили, что аахенская реликвия изготовлена где-то вне пределов Западной Европы, на Востоке, много позже смерти в 814 году ее предполагаемого

венценосного владельца. При этом высказывались суждения, поражающие своей неустойчивостью и произвольностью. Саблю считали аварской, арабской, сицилийско-норманнской, венгерской, центрально-азиатской; ее убранство связывали с дакийскими, готскими, гуннскими, иранскими, «сасанидско-магометанскими», арабскими, византийскими, сарацинскими, норманнскими украшениями. Казалось этому перечню не будет конца. Новое изучение так называемой сабли Карла Великого, после того как археологи начали сличать ее детали с русскими древностями, дало неожиданные результаты. Мысль об изготовлении знаменитой вещи не где-нибудь, а в столице Руси Киеве была впервые высказана западными специалистами, которых не заподозришь в симпатиях к русской культуре, но эта мысль не была подкреплена ни фактами, ни анализом. Между тем, отечественная археология располагает обширным и убедительным мате-

риалом для суждения о происхождении аахенской реликвии.

Итак, что же собой представляет «сабля Карла Великого»?

Судя по роскошному оформлению, ее можно назвать «орнаментальным чудом». Именно благодаря этому обстоятельству мы в состоянии заглянуть в «душу» вещи, определить ее национальное происхождение и время изготовления. Действительно, растительные узоры на клинке напоминают о художественной отделке русских и особенно венгерских изделий второй половины X века. Но зато в совершенно ином стиле оформлены ножны и рукоять сабли. Здесь виден орнамент из пальметок и ленточного плетения. Чужеродные элементы? Однако именно так украшались некоторые киевские, черниговские, новгородские вещи X—XI веков! И не только оружие, но и утварь, такие же пальметки встречались на бляхах костюма. Кроме того, в узорах сабли нетрудно разглядеть петлеобразную фигуру, увенчанную трилистником. А трилистник, мы знаем, входил в родовой герб первых Рюриковичей. Таким образом, внимательный анализ украшения сабли говорит о том, что мы имеем дело с орнаментальным стилем, который пышно развивается в архитектуре, прикладном искусстве, книжной графике XII века и истоки которого уходят в ранне-киевский период. Аахенскую саблю с полным правом можно включить в число тех редких и случайно дошедших находок, которые иллюстрируют период зарождения древнерусского искусства, уже на первых порах отмеченного печатью яркого своеобразия. Итак, декоративное обрамление рукояти и ножен сабли указывает на русскую, вероятно, приднепровскую работу. Учитывая, что в отделке клинка нашей сабли, возможно, участвовали еще и мадьяры, она предстает как свидетельство русско-венгерских связей. А изготовлена она, похоже, между 950—1025 годами. То было время расцвета ремесел и становления городов ранне-феодальной Руси.

Спрашивается, как могла славянская вещь стать государственной святыней западной империи? Несомненно, это редкий случай, однако в таком превращении нет ничего невероятного. Люди европейского средневековья высоко ценили и даже считали вещи независимо от их происхождения, лишь бы они были связаны с популярной личностью или героем и казались достойными имени этого человека. Таковы, например, западноевропейские мечи князей Всеволода и Довмонта, после их смерти выставленные в Троицком соборе в Пскове как символ псковской храбрости и независимости. Таково оказавшееся в Реймсе славянское Евангелие, которое по одной из версий привезла во Францию дочь Ярослава Анна, ставшая супругой Генриха I. На этом Евангелии французские короли в течение ряда столетий приносили присягу на верность государству.

Ценные вещи входили в состав дипломатических, брачных и прочих даров и путешествовали, не зная границ. Как могла, например, так называемая сабля Карла Великого попасть из Киева на Запад? Хроника тех лет гласит, что в 1705 году немецкое посольство возвратилось из Киева «с такими богатыми дарами в золоте, серебре и дорогих одеждах, что никто не запомнит такого другого случая, чтобы одновременно в германское государство было ввезено такое множество». Но независимо от того, каким образом выдающееся произведение восточноевропейского ремесла, окрещенное саблей Карла Великого, попало на Запад — прямо из Руси или через посредство Венгрии, — оно со временем стало рассматриваться как освященная традицией драгоценная церемониальная реликвия западной империи. А в том, что эта сабля — один из памятников искусства Киевской Руси, сомнений нет.

А. КИРПИЧНИКОВ,
кандидат исторических наук

КЛАД, ЕДИНСТВЕННЫЙ В СВОЕМ РОДЕ

«Прочитав в газетах депешу о смерти Чупина, я с болью в сердце вспомнил, после глубокого, тяжелого вздоха о нем, о книгах и бумагах, оставшихся после его смерти. Сохраняй ли их!»

И. Белов. Наркиз Константинович Чупин. («Исторический вестник», т. VIII, 1882 г.)

В понедельник 12 апреля 1882 года в Екатеринбурге скончался управляющий Уральским горным училищем Наркиз Константинович Чупин. «...Мы лишились замечательного человека...» — писала местная газета. И в этих словах не было преувеличения. Н. К. Чупин был гордостью уральской интеллигенции. Его называли «ходячим архивом», и не было большего авторитета в вопросах ураловедения, чем он.

Высокообразованный ученый-энциклопедист, Чупин вел жизнь затворника. Забывая о еде и отдыхе, проводил все время в своей неубранной, заваленной книгами и рукописями квартире, полностью погруженный в изучение материалов о догороде ему Урале.

Чупин редко ходил по гостям, но к нему мог прийти каждый. И с каждым, будь то местный исследователь, столичный или иностранный ученый, он охотно и щедро делился своими богатейшими знаниями.

Собранной Н. К. Чупиным библиотекой его друзья и почитатели гордились, пожалуй, не меньше, чем необыкновенными знаниями самого ученого. Это было замечательное книжное собрание. Оно содержало книги чуть ли не по всем отраслям знаний и немало библиографических редкостей. И «почти все, что когда-либо и где-либо напечатано об Урале и прилегающих к нему землях...» Так характеризовали библиотеку знавшие ее люди.

После смерти Чупина судьбою библиотеки были озабочены его друзья, исследователи Урала. Уральское общество любителей естествознания (УОЛЕ) решило сделать все возможное, чтобы не допустить продажи чупинского книжного собрания по частям, сохранить его «как один из лучших памятников деятельности покойного Чупина и научный клад, единственный в своем роде».

Многие годы собирались средства на приобретение библиотеки. Только через четверть века УОЛЕ смогло расплатиться, распаковать книги, описать и расставить их. В отчете за 1908 год появилась, наконец, долгожданная запись: «...зако-

чена разборка, составление карточного каталога и установка в шкафы книг библиотеки, приобретенной от В. Чупина, в которой 1447 книг, кроме рукописей».

Прошли десятки лет. Библиотека УОЛЕ стала библиотекой Свердловского областного краеведческого музея. Сменилось несколько поколений библиотекарей. Не один раз меняли систему расстановки книг. Шкафов с чупинскими книгами не стало. И исследователям, интересующимся Н. К. Чупиным, приходилось довольствоваться рукописным каталогом его библиотеки, составленным П. М. Вологодским и сохранившимся в Свердловском областном архиве.

Но какова судьба книг ученого, сохранились ли они? Может быть, есть еще возможность собрать снова Чупинскую библиотеку?

Летом 1966 года работники научной библиотеки Свердловского областного краеведческого музея решили начать поиски. Рассуждали так: все чупинские книги потерять не могли. И, вполне возможно, среди тех старых книг, над которыми ежедневно работают читатели, есть и те, что принадлежали Наркизу Константиновичу.

Но как искать? Может быть, начать отбирать книги, указанные в каталоге Вологодского? Попробовали. Нет, этот путь мало что дает. Ведь в библиотеке музея нередко хранятся два или три экземпляра одинаковых изданий. И даже если налицо только один экземпляр, где доказательства, что он — чупинский?

— Книги Чупина легко определить, — сказал мне один краевед, — на них есть знак.

— Эклибрис?

— Да нет, не то чтобы экслибрис, а у Чупина был, видимо, свой особый штемпель, печатка.

Снова (уже в который раз) рассматриваем несколько книг, принадлежность которых Чупину не вызывает сомнений.

Титульные листы этих сборников щедро украшены печатями разного происхождения. И как это мы раньше не обратили внимания?! На каждом стоит темная круглая мастичная печать. В центре ее — рисунок, кажется, герб Екатеринбурга, по

краям — какая-то надпись. Мы отобрали наиболее четкие изображения и с трудом разобрали слова: «...екатерин... судебный пристав...»
Но при чем тут Чупин?

Нашли еще несколько книг с автографами и дарственными надписями. И на каждой — печать судебного пристава. Как же это объяснить?

Снова просматриваю отчеты УОЛЕ и материалы Чупинского фонда в Свердловском областном архиве. И тайна печати постепенно проясняется. Оказывается, сразу после смерти ученого его имущество (в том числе и книги) было описано местными судебными властями. Его предполагали продать, а деньги передать наследнику Наркиза Константиновича — его несовершеннолетнему сыну Владимиру. Вот тогда-то и появилась на книгах Чупина печать судебного пристава.

Значит, она должна быть на всех книгах Чупинской библиотеки и может служить их отличительным признаком?

Печать судебного пристава оказалась хорошей приметой. Она сразу бросается в глаза, и отбор книг из общего фонда становится простым делом. Но через некоторое время начали закрадываться сомнения. Стало известно, что в библиотеку УОЛЕ поступило немало других личных книжных собраний. В них встречаются книги, имевшиеся и у Чупина. И вполне возможно, что какая-нибудь из этих библиотек тоже могла быть описана судебными властями.

Нет, нужны дополнительные приметы.

Искать, к счастью, пришлось недолго. Просматривая еще раз опись фонда Н. К. Чупина в Областном архиве, я увидела под номером 303 название «Карточки на книги из библиотеки Чупина». Какие это карточки? Мне не приходилось о них ни читать, ни слышать.

Приносят папку, перевязанную крест-накрест веревочкой. В папке — три стопки листов с описаниями книг. Большая часть написана рукой П. М. Вологодского, остальные — кем-то другим, но на них видны дополнения и поправки Вологодского.

Начинаю сравнивать свою находку с каталогом — книги те же. Но насколько эти карточки для нашей работы ценнее каталога! Здесь имеются сведения о внешнем виде книги («в старинном кожаном переплете», «без переплета» и т. п.) и замечания о ее сохранности («иллюстрации и карты вырваны»). А иногда, обычно в правом верхнем углу, можно найти и такие записи: «С зам. НКЧ» (то есть «с заметками Н. К. Чупина»), «С зам. НКЧ и еще чьими-то», «С доп. ИФН [?], автора и НКЧ». Но самое главное — на каждой карточке стоит номер. И, к нашей большой радости, эти же номера мы стали находить на книгах. Правда, чернила успели выгореть, и почти все номера перечеркнуты или закрыты печатью, поставленной позднее.

Кто ставил их и кто зачеркивал (а зачеркивала явно другая рука и другими чернилами), мы не знаем. Важно одно: карточный номер всегда совпадает с книжным.

А для чего писались сами карточки, пожалуй, ясно: они могли служить П. М. Вологодскому черновиком при составлении каталога Чупинской библиотеки.

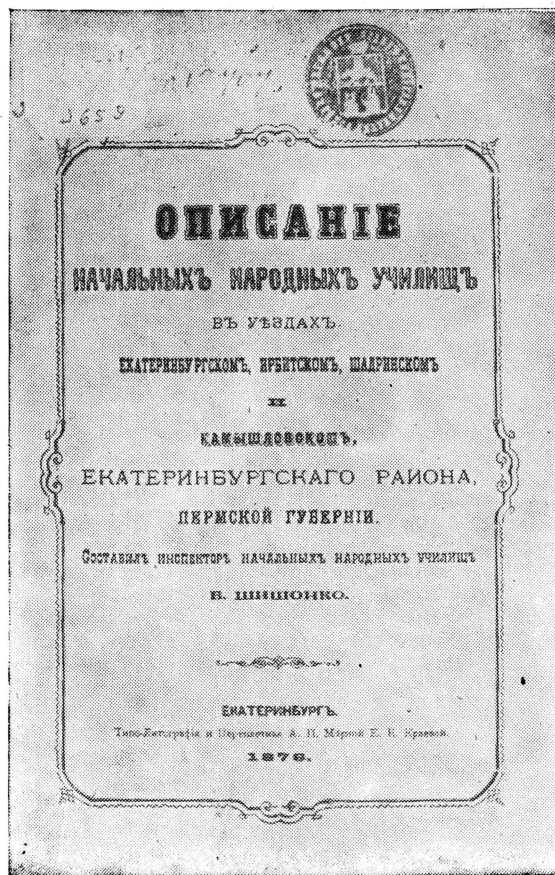
Начался самый «веселый» этап работы. Ежедневно с подок снимались целые пачки чупинских книг. Сначала для них потребовался один шкаф, потом — второй, а теперь заполняются пристроенные к шкафам стеллажи. Количество выявленных книг приближается к 700, а впереди еще просмотр иностранного фонда. Здесь нас ждет немало находок: имеются сведения, что в Чупинской библиотеке были книги на двадцати пяти языках.

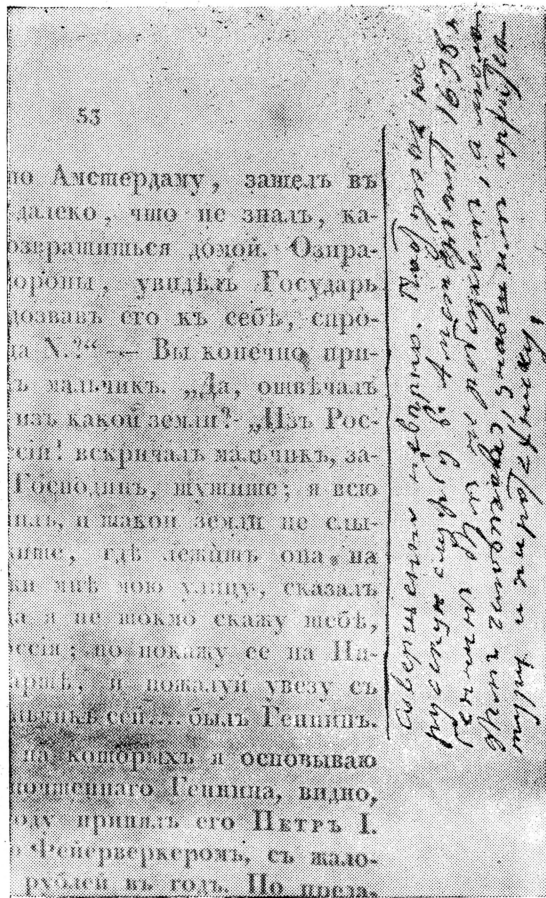
Работать с каждым днем легче: нам известны сейчас еще некоторые признаки чупинских книг. Но самое главное — мы их «чувствуем». Это «чувство» иногда подводит, а иногда — очень помогает. Удалось, например, найти несколько принадлежавших Н. К. Чупину книг, хотя на них нет ни номера, ни печати судебного пристава. Видимо, сам Наркиз Константинович подарил их библиотеке УОЛЕ.

А однажды мы увидели чупинские пометки на книге, которая ему не принадлежала.

На чистых листах, вклеенных в чупинские модельные сборники, обычно написано их содержание. Занимались этим двое. Один писал чернилами, часто не доводил работу до конца. Там, где торопился, почти невозможно разобрать написанное. Другой работал аккуратно и тщательно. Иногда продолжал работу первого, вставляя пропущенное. И хотя писал он карандашом, до сих пор приятно читать: так аккуратно написано.

Книга из библиотеки Н. К. Чупина с печатью судебного пристава.

Заметки Н. К. Чупина на одной из книг его библиотеки.

Просматривая в Областном архиве папки с делами из фонда Н. К. Чупина, я снова встретилась с этими почерками. Так вот кто писал чернилами и часто не доводил описание сборника до конца — сам владелец библиотеки. Ну и почерк! На книгах он, оказывается, еще старался писать понятно, а тут... И как это историки умудряются прочитывать его рукописи!? Написанное им в последние годы жизни, мне кажется, вообще невозможно разобрать.

А четкий почерк второго, старательного человека, встретился в папках с перепискою опекунов малолетнего сына Н. К. Чупина. Это почерк Павла Михайловича Вологодского, составителя каталога Чупинской библиотеки.

И не собрать бы нам библиотеку без его каталога и без карточек с такими ценными пометками Вологодского на них. Мы, библиотекари, хорошо понимаем, какой большой и кропотливый труд проделан им ради Наркиза Константиновича Чупина и его книг. Он был, несомненно, близким ученому человеком. Это он произнес речь на похоронах Чупина, вместе с Онисимом Егоровичем Клером стал опекуном осиротевшего Володи.

Модест Онисимович, сын О. Е. Клера, был единственным, кто мог еще помнить этого, так заинтересовавшего нас человека.

— Вологодский, — спросил меня М. О. Клер, — это высокий такой?

— ?

— Да, да. Приходил к отцу. Высокий, кажется, в сапогах. Детей очень любил, играл с нами. А профессию его я не помню, как будто и не было у него профессии. И что-то припоминаю, какой-то чудак он был.

В первом выпуске двенадцатого тома «Записок Уральского общества любителей естествознания» мы нашли две статьи памяти П. М. Вологодского. Автор одной — О. Е. Клер, другой — Д. Н. Мамин-Сибиряк. Оба они близко знали Павла Михайловича и с глубоким сочувствием рассказывают о его жизни.

П. М. Вологодский окончил Пермскую духовную семинарию и поступил в Казанский университет, но пробыл там недолго: нужно было искать работу, чтобы прокормить осиротевших племянников. Недостаток знаний он восполнял самообразованием, постоянным чтением, и в этом ему помог Наркиз Константинович и замечательная Чупинская библиотека. Всю жизнь Павел Михайлович Вологодский нуждался, работал то здесь, то там, не имея ни четкой профессии, ни постоянного места. И при этом, какой он был труженик, какой бескорыстный человек!

«Кто в Екатеринбурге не знал Павла Михайловича? — пишет Д. Н. Мамин-Сибиряк. — Но многие ли задавали себе вопрос: как живет этот человек? Чем он существует?.. О Павле Михайловиче вспоминали тогда, когда навертывалась какая-нибудь работа и требовался даровой труд. «А где у нас Павел Михайлович?» Павел Михайлович являлся и беспрекословно впрягался в чужой воз, потому что у всех других служба, определенные занятия и разные недосуги, а Павел Михайлович всегда находил свободное время, особенно если затевалось общественное дело... Такая деятельность продолжалась не год, не два, а без перерыва десятки лет... Какая похвала может быть выше: целую жизнь человек хлопотал о других и забывал о себе».

Пока книг было мало, они молчали. Но по мере того, как заплывали полки в шкафах, отведенных под Чупинскую библиотеку, книги ученого все больше стали рассказывать о своем владельце — человеке широких, поистине энциклопедических знаний и чрезвычайно своеобразном.

В его библиотеке почти нет роскошных изданий и дорогих переплетов. Многие книги одеты в дешевые обложки из картона, сделанные, несомненно, провинциальным мастером, некоторые в самодельных переплетах. Здесь играли роль не только эстетические соображения. Богатый переплет стоил дорого, и Чупин не мог бы одеть свою библиотеку в сафьян, даже если бы появилось у него такое желание.

Чупинская библиотека замечательна тем, что она отражает широкий круг интересов замечательного екатеринбургского ученого, красноречиво рассказывает о его глубокой образованности. Можно сказать, что это книжное собрание отражает достижения ряда отраслей наук во второй половине XIX века, и прежде всего ураловедения в широком смысле этого слова.

Из наиболее интересных статей Чупин составлял особые тематические сборники. Эти сборники с большой убедительностью раскрывают круг его интересов. Наряду с материалами, посвященными вопросам истории, статистики, горного дела, Н. К. Чупин хранил целые подборки статей из «Современника». Здесь мы находим немало работ Н. А. Добролюбова и Н. Г. Чернышевского, Чупин

хранил их в те годы, когда «Современник» был закрыт, а Н. Г. Чернышевский находился в Сибири на каторге, и даже имя его было запрещено царской цензурой.

В Чупинский библиотеке много изданий, связанных так или иначе с Казанью и родным Наркизу Константиновичу Казанским университетом. Несомненно, годы, проведенные в университете, были самыми счастливыми для него. Надписи на некоторых книгах рассказывают, что это — подарки профессоров и бывших товарищей по учебе.

Сразу обращают на себя внимание книги с надписью известного русского слависта профессора Виктора Ивановича Григоровича. Чупин был среди любимейших учеников этого замечательного ученого. «Приснопоминающий (т. е. всегда, вечно поминающий. — С. Г.) В. Григорович» — так подписал профессор одну из последних книг, подаренных им своему бывшему ученику.

Вот венгерско-немецкий словарь, изданный в Пеште в 1869 году. Этот «маленький мадьярско-немецкий словарь», как называл его Наркиз Константинович, был прислан ему Казанским обществом естествоиспытателей. Он не оправдал надежды ученого: «...Присланный мне карманный мадьярский словарь напечатан до крайности мелким шрифтом, так что справиться с ним невозможно без пособия лупы, и притом слишком краток и не дает достаточно полных объяснений значения слов», — отозвался о нем Чупин.

Скромно изданная книжка «О древней культуре западных финнов по данным их языка. По сочинению д-ра Августа Алквиста... составил Л. Майков», вышедшая в 1877 году в Петербурге. Большую радость доставило Чупину получение этой работы видного ученого, впоследствии академика, а в эти годы председателя отдела этнографии русского Географического общества. Вместе с книгой Леонид Николаевич Майков прислал письмо, в котором высоко оценивал научные заслуги екатеринбургского ученого. «...Не имея удовольствия знать Вас лично, я однако давно привык уважать Ваши прекрасные труды... Поэтому, составив небольшой труд, в котором мне пришлось неоднократно ссылаться на Ваши работы и отчасти даже повторять то, что уже было Вами сделано, я решил препроводить к Вам прилагаемую при сем книгу... Покорнейше прошу до-

зволить мне и на будущее время относиться к Вам по разным вопросам Уральского края, о котором Вы напечатали столько любопытных статей, к сожалению, не имеющих всей той известности, какой они заслуживают...»

Наркиз Константинович внимательно изучил эту работу, отметил на полях заинтересовавшие его места, в том числе ссылки на свои работы.

Поэма М. Хераскова «Владимир Возрожденный» издания 1785 года. Книга очень хорошо сохранилась, видно, что ее берегли. На листе перед титульным — надпись, сделанная, видимо, сразу же после выхода ее в свет: «Его высокоородию, милостивому государю моему Александру Федоровичу Голубцову посылает из Москвы Иван Тургенев». Дальше стоит дата: «1785. Марта 8 дня». Книга эта связана с людьми и событиями XVIII века, чрезвычайно интересовавшими Н. К. Чупина. И автор поэмы, и названные в надписи на книге И. П. Тургенев и А. Ф. Голубцов, и издатель поэмы — известный русский просветитель Николай Иванович Новиков — были членами общества масонов-мартинистов. В дни, когда печаталась эта книга, приехал в Москву сын уральского заводчика Григорий Максимович Походяшин. Он сблизился с Н. И. Новиковым и остался верен ему и его делу и в те годы, когда по приказу Екатерины II крамольный издатель был арестован и посажен в Шлиссельбургскую крепость. «...Григорий оставил по себе долговечную память», — писал Н. К. Чупин.

Когда перебираешь Чупинскую библиотеку, невольно обращаешь внимание на большое количество книг, подаренных Наркизу Константиновичу авторами. Это в основном ученые. Среди них немало известных во второй половине XIX века специалистов, людей, близких по интересам и взглядам Чупину. И неожиданно среди этих книг — труд врача Вениамина Осиповича Португалова — народника, отбывавшего на Урале ссылку. Казалось бы, эти люди не могли общаться, но на книге мы находим теплую дарственную надпись автора.

Многое могут рассказать чупинские книги, о многом заставляют задуматься.

С. ГОМЕЛЬСКАЯ

ДРУЗЬЯ СКАЗКИ

Недавно исполнилось сто лет со дня смерти знаменитого уральца, уроженца Тобольска, П. П. Ершова. Писатель Виктор Утков много лет собирает материалы о нем и пишет своеобразную биографию всемирно известной сказки П. П. Ершова «Конек-Горбунок» — от ее зарождения до наших дней. Публикуем одну из глав его будущей книги.

У молодого Ершова было немало друзей. И все они так или иначе были друзьями и его «Конька-Горбунка».

С восхищением отнесся к появлению ершовской сказки Пушкин. По свидетельству современников, прочитав «Конька-Горбунка», он сказал: «Теперь этот род сочинений можно мне и оставить». Существует литературное предание, записанное со слов книгоиздателя А. Ф. Смирдина, что Пушкин не только восхитился сказкой, ее языком, образами, но и написал первые четыре строки, те знаменитые строки, которые, наверное, помнит каждый русский человек:

За горами, за лесами,
За широкими морями,
Не на небе — на земле
Жил старик в одном селе.

Так ли это или не так, а Пушкина мы можем с полным правом называть крестным отцом «Конька-Горбунка».

Содействовали успеху и распространению сказки Ершова и друзья Пушкина — поэт Жуковский и Плетнев. Много сделал для издания «Конька-Горбунка» его первый цензор Никитенко.

В числе друзей сказки были и учившийся вместе с Ершовым Константин Тимковский — внук «Колумба русского» Шелихова, будущий петрашевец, и Андрей Ярославцев, оставивший нам книгу воспоминаний об авторе «Конька-Горбунка» и содействовавший выпуску повторных изданий сказки, и, наконец, «беззаботный весельчак, поэт шуток и знаемец целого Петербурга» — Владимир Треборн, с которым Ершов переписывался всю свою жизнь.

С Треборном Ершов проводил время особенно охотно, и когда тот ночевал у Ершовых, в маленьком домике на Песках, то хозяин рассказывал гостю сказки, между прочим и про Конька-Горбунка. Но даже ему он не говорил, что сам пишет сказку: «не по какой ли расчетливой прихоти поступал он так, а, без сомнения, по своим правилам — не открывать никому до окончания предпринятого...» Скорее всего Треборн и был первым доверительным слушателем «Конька-Горбунка».

После появления в печати сказка Ершова сразу же приобрела друзей во всех слоях общества. Это были и книгопродавцы, такие, как, например, петербуржец Смирдин, и москвич Шамоу, типографы, приказчики книжных лавок, офени-книгоноши...

Число друзей и поклонников «Конька-Горбунка» росло с каждым годом. Уже недостаточными оказывались тиражи сказки, ее начали переписывать, распространять в списках. Ярославцев в конце 1842 года писал Ершову: «Недавно в департаменте народного просвещения, где я служил, молодой канцелярский чиновник возле меня переписывает какую-то книгу в стихах: я посмотрел — это был твой «Конек-Горбунок».

Сказку переписывали не только в столичных канцеляриях. Она проникала в глубину России, ее переписывали и в далекой провинции и на родине поэта. Безвременно скончавшийся талантливый исследователь прошлого Сибири Н. А. Лапин нашел в Курганской области список «Конька-Горбунка», сделанный в мае 1842 года в селе Полевском близ города Шадринска. Несомненно, что и в других местах России бытова-

«Ершов и Плетнев в гостях у Пушкина» — картина художника П. Чукомина (Тобольский музей).

П. П. Ершов

ли списки «Конька-Горбунка».

Появились друзья сказки и в Тобольске, куда вернулся в 1836 году молодой Ершов после окончания столичного университета. Среди них в первую очередь следует назвать декабристов, живших в сибирской столице после отбытия каторжных работ в Восточной Сибири. Ершов был дружен с семьями Фонвизинных, Кюхельбекера, Штейнгеля, хорошо знаком с другими декабристами, поселенными в городах Тобольской губернии. Добрейший П. С. Бобринцев-Пушкин, который слыл в Тобольске мастером на все руки — механиком, слесарем, столяром, портным, маляром, лекарем, — свою резвую мухортую лошадку, на которой ездил по городу, называл Коньком-Горбунком. Его появление на улице в экипаже, запряженном небольшим мохнатым сибирским коньком, неизменно вызывало у тоболяков добрую улыбку, словно и действительно разъезжал по городу Иванушка на своем волшебном Горбунке...

В 1850-х годах появляется в

Тобольске у Ершова новый друг — молодой учитель рисования Михаил Степанович Знаменский. Ершов и раньше знал Мишу Знаменского, сына священника, воспитанника ялуторовских и тобольских декабристов. Теперь Знаменский вернулся из Петербурга, где учился рисованию. Он был моложе Ершова на 18 лет, но это не мешало их дружбе.

Молодой художник не раз обращался к теме «Конька-Горбунка». В Тобольском музее сохранились некоторые дружеские шаржи Знаменского на своего старого друга. На одном из них Ершов изображен дремлющим за письменным столом. Он уже располнел, отяжелел. Над ним парят Иванушка верхом на Коньке-Горбунке, Сузге, Сибирский казак в боевом снаряжении — герои произведений Ершова. Под рисунком подпись: «Голоса: «Еще, еще, Петр Павлович!..» Собирался Знаменский иллюстрировать сказку Ершова: сохранилась обложка «Конька-Горбунка», рисованная им.

Дружба Ершова и Знамен-

ского продолжалась до смерти Петра Павловича. Знаменский оставил интересные воспоминания о Ершове, опубликованные пока частично.

Большими друзьями «Конька-Горбунка» были Менделеевы. Семьи Ершовых и Менделеевых дружили не одно поколение. Ершов мальчиком учился у Ивана Павловича Менделеева, отца великого ученого, а потом, когда вернулся в Тобольск, учил детей Менделеевых, в том числе и Дмитрия Ивановича, который кончил Тобольскую гимназию в 1849 году.

Дружба двух семей продолжалась и после отъезда семьи Менделеева из Тобольска. В научном архиве Д. И. Менделеева, хранящемся при Ленинградском государственном университете, найдено несколько десятков писем Ершова, из которых видно, что автор «Конька-Горбунка» до последних дней жизни переписывался с Менделеевыми, а Дмитрий Иванович принимал самое горячее участие в судьбе бывшего учителя. После ухода в отставку в январе 1862 года Ершов жил некоторое время очень тяжело, «одними долгами и надеждами». Д. И. Менделеев помог ему выхлопотать пенсию и получить деньги за пятое издание «Конька-Горбунка». Он же энергично боролся за устройство дел своего гимназического учителя: стал его доверенным лицом по всем делам, связанным с выпуском сказки.

Много было искренних и добрых друзей у «Конька-Горбунка». Они поддерживали его в трудные годы, облегчали ему дороги к читателям. Самым верным другом этой нестареющей сказки всегда, с первых дней ее появления на свет, оставался народ. «Конек-Горбунок» жил в народе, был связан с народом теснейшими узами, сказка была признана народом, она одна из немногих по праву получила имя народной сказки, хотя и имела автора...

Виктор УТҚОВ

ИЗ ЖИВНОГО МИРА ОДНО

Медвежья охота

Заметив, что я вот-вот окажусь впереди, пес моментально намечал невидимую точку метрах в десяти и мчался к ней во весь дух, по-волчьему скользя над землей.

Вдруг он остановился. Тело напряглось, хвост вытянулся, уши наострились... Я взглянул вперед.

Там, на плоской вершине, где, точно останцы снега, голубели пятна ягеля, спокойно паслось стадо диких оленей.

В полевой бинокль было видно, как они не спеша щиплют ягель, срывают с чахлах полярных березок жесткие круглые листики. Иногда один из них настороженно поднимал голову, возбужденно втягивал воздух. Тогда и все стадо прекращало пастись, замирало в неподвижности. Только желтенькие оленята-тугутки резвились по-прежнему. Прыгали, насканивали друг на друга, подкидывая вверх тонко выточенные ножки с легкими, копытцами. Или ныряли под важенок, взбивали мордочкой вымя, жадно сосали. А оленухи страстно и нежно облизывали их.

Неожиданно на фоне темных базальтовых дав мелькнуло что-то бурое. Я пригляделся. Медведь!

Он не шел, а полз, распластавшись на камнях, то исчезая, то появляясь вновь, все ближе и ближе к вершине. Было видно, как при каждом движении темно-бурый загривок волнами поднимался и опускался.

Вот медведь уже на самом краю, скрытый невысокими кустиками. Он начал медленно подтягивать под себя сначала задние, потом передние ноги. Спина выгнулась, шерсть поднялась дыбом, и весь он стал похож на туго свернутую, готовую моментально развернуться пружину. От оленей его отделяло всего пять-шесть метров. Но тут, видно, ветер пахнул с его стороны. Самый большой олень резко повернул голову, поднял переднюю ногу...

Прыжок медведя и удар копытом о землю были одновременны. Олени разом взметнулись и красивыми длинными прыжками понеслись прочь. Тугутки неумело повторяли движения матерей, но не отставали от них. Впереди, откинув назад красивую, хотя и безрогую сейчас голову, летел вожак, подавший сигнал тревоги.

Медведь же, выскочивший на пустую поляну, растерянно остановился. Потоптался на ней, посмотрел вслед убежавшему стаду и, сконфуженно опустив голову, побрел к спуску.

Так мне, хотя и издалека, довелось увидеть медвежью охоту.

Любопытная зверюшка

Сел я на корень старой лиственницы, положил около себя рюкзак, молоток, компас, достал дневник и задумался.

Вдруг слышу — шелестит что-то в траве. Взглянул. Торчит из-за рюкзака маленькая серенькая головка, и только черненькие глазки-бусинки поблескивают. Посмотрели туда-сюда и исчезли. Улыбнулся я — любопытная зверюшка. А она уже тут как тут. Сидит на рюкзаке и лапками быстро-быстро перебирает. Сама буровато-серая, только вдоль спинки три черненькие полоски. Хвостик небольшой, но пушистый.

Притих я. Выжидаю, что дальше будет.

Зверюшка юркнула за рюкзак, снова появилась и — шашты! — да по корню лиственницы ко мне на колени. Тут уж для нее раздолье: и в раструбы сапог заглянула, и карманы куртки обнюхала, даже руку усиками пощекотала. А сама веселая и быстрая, как змейка. Терпел я, сколько мог, не шевелился, да не выдержал: уж очень комары надели. Начал обмахиваться, глядь, — а зверюшка уж на лиственнице сидит, под которой я расположился. Головку набок склонила, глазками-бусинками поблескивает, а самой, если не присмотреться, и не видать совсем. Как есть под цвет ствола.

Вынул я образцы из рюкзака, разложил перед собой и начал описывать. Наклонюсь, возьму образец, посмотрю и назад положу. О зверюшке и думать забыл, работой занялся. Только я за третьим камнем наклонился, а около него опять та же зверюшка сидит. Шейку вытянула и мордочкой в образец тычется. Тоже геологией интересуется. Так она со мной все камни пересмотрела.

Кончил я записывать, нужные образцы в мешочки положил, рюкзак завязал, вскинул на плечи и дальше пошел. А зверюшка все еще около того места бегала, что-то вынюхивала, высматривала.

Любопытная зверюшка — бурундук!

К. АБРАШЕВ

Что приснилось мне зимней ночью

бока отлежишь, все глаза проглядишь. Так-сяк крутишься на жестком топчане — не спишься.

Пудобнее подбиваю ватник под боком и лежу с открытыми глазами, наедине со своими думами.

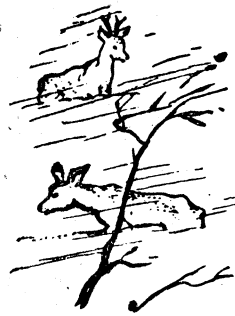
А о чем думается в эту бесконечную ночь? О том, что не плохо бы срубить на речке десятка три молодых осин — зайцам для подкормки. Они, конечно, и так не замрут, но зачем зверькам жить впроголодь, если кругом полно никчемного осинника.

Вспомнил про зайцев, а тут и другие заботы явились. Вот лосям хорошо. Они сильные, выносливые, никакой снег им нипочем. И едят, что попадет. Вчера видел, как огромный сохатый с черным хребтом и ветвистыми рогами, похожими на вывороченные корневища, захватил зубами высокую разлапистую сосновую ветку, потащил в сторону и сломил весь сук. Только треск по лесу пошел!

Частенько за лосями остатки веток собирают зайцы. Но лоси тоже экономны: никогда без нужды не сломят деревце. Не раз я удивлялся, глядя на помеченные лосиными зубами осинки: на стволе содран только лоскут коры, на другом — еще лоскут, на третьем — еще. А чтобы деревце кругом оголить — такого не бывает. Будто знают, что оно погибнет.

Ну, хорошо, лоси да зайцы проживут. А каково косулям? Снегу навалило много, похоронило всю древесную молодь, о траве и говорить нечего. Ходят косули стайками, будто плавают — одни головы торчат из снега. Трудно им зимой добывать корм.

Вот тут бы и надо оставить им копешку или две сена, может быть,

даже кормушки сделать. Нардобие яслей, какие делают домашнему скоту. Лоси и зайцы тоже не обошли бы такую «столовую».

Думал я об этом, думал и зашел в тупик: а кто же будет заниматься подкормкой животных? Легко сказать — сено. Но ведь его надо накопить. Одни лесники не справятся. Егери тоже. Лес-то большой! Кто же должен позаботиться зимой о диких животных?

Под другой бок сунул ватник, рюкзак приспособил под голову. Мерцают в железной печурке оранжевые угли, где-то под нарами скребется мышка, прогудела, как басовая струна, ожившая в тепле большая муха и слепо стукнулась об стену. А потом вдруг за окном мелькнула разлтая тень, и стало слышно, как на конек ветхой крыши опустилась какая-то ночная птица. Скорей всего филин. Посидел немного, потоптался когтистыми лапами и бесшумно скользнул вниз — опять мелькнула тень.

Нет, не уснуть! То ли крепкого чаю много попил, то ли не дает заснуть первобытное волшебство зимней ночи. Схожу-ка лучше на улицу.

А вышел — и невольно замер от чуткой цепенеющей тишины. Над головой в купоросно-синем небе крупные белые, с фиолетовыми лучами звезды. Яркие такие, иглистые, как стеклянные елочные ежи, мелодично позванивающие. Это, конечно, от тишины кажется, что они звенят. Глядя в небо над собой, обернулся несколько раз вокруг — и звезды потекли, закружились в веселом праздничном хороводе. И уже не могу разобрать, где Большая Медведица, где Малая, а где Полярная звезда.

Походил, подышал морозным воздухом, опять вернулся в избушку. Околотил о порожек валенки, поставил их поближе к печке. Снова лег. И только смежил глаза, как пригрезилось мне вот что.

Бежит по санной дороге лошадка. Под дугой бренчит колокольчик, слышатся звонкие голоса. Все ближе голоса, и вот вижу, как седая от инея лошадь, пуская из ноздрей пар, подворачивает к избушке. Из широких розвальней весело выпрыгивают ребята.

— Откуда вы? — спрашиваю.

— Из сто пятой школы, — отвечают.

— А зачем в лес среди ночи?

— Во-первых, уже не ночь, а утро, а во-вторых, это вас надо спросить, почему вы тут, — говорят хором. — Здесь наше лесничество, мы охраняем лес.

— Какое такое в а ш е? — не понял я.

— Обыкновенное, школьное. Уже год, как нам его приписали. Летом мы собирали шишки, заготавливали семена. Заселили сосной целый гектар пустыря. И саженцев много высадили на старых порубках. Еще косили для лосей и косуль сено. Осиновые веники развесили — это для зайцев. А теперь, в каникулы, проверяем, как расходуются наши запасы, не пугает ли кто зверей. Нас то они совсем не боятся, а приходят взрослые, да еще с ружьями — все дело портят. Мы за тем и приехали, чтобы посмотреть, не нарушает ли кто лесной покой. Вот наши удостоверения.

Рассматриваю протянутые книжечки, а в них написано: «Общественный лесной инспектор», «Пионерский лесной патруль», «Общественная служба леса»...

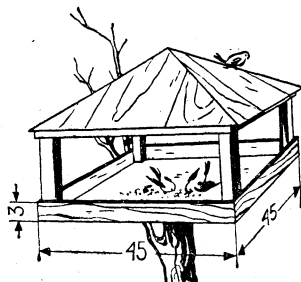
Не знаю, сколько бы еще продолжался этот сон, но послышалось мне, что кто-то сильно торкнулся в раму, и меня, словно ветром, смело с нар.

Я протер рукавом запотевшее стекло. Над гривой черного леса поднялась круглая, спелая, сияющая луна. Она осветила поляну перед избушкой, белые черемухи у реки, глубоко просевшую в снегах санную дорогу. И мне почудилось, будто вправду где-то вдали бренчит колокольчик. Я долго ждал, когда из-под черной гривы сосняка выбежит на поляну заиндевелая лошадка, а не дождавшись, не стал расстраиваться: не сегодня, так завтра, не завтра, так через год сюда все равно приедут ребята. Ведь школьные-то лесничества существуют на самом деле. Мало их пока, но со временем будут везде.

Л. ФОМИН

Рисунки В. Яковлева

ПТИЧЬЯ СТОЛОВАЯ

В суровую январскую пору на улицах наших городов и сел можно видеть ослабевших, а то и вовсе окоченевших воробьев и синиц.

О больших морозах в народе говорят: «Птицы на лету замерзают». Но причиной их гибели является не холод, а голод. В тяжелое зимнее время они невольно ищут поддержку у человека, переключиваются поближе к жилью.

Птицы в беде! Сейчас им особенно нужна ваша помощь, следопыты! Срочно, не откладывая, устраивайте для них столовые у своего дома, на пришкольном участке.

Сделать это несложно: прибейте по краям небольшой фанерки или широкой дощечки низкие бортики, подвесьте за углы бечевками к ветви дерева, и простейшая кормушка готова. Но лучше над кормушкой устроить крышку, тогда пищу не будет заносить снегом.

Очень удобна «автоматическая» кормушка, в которой постепенно зерна сыплются на столлик. Вот только корм в ней мало заметен, и ее лучше устанавливать тогда, когда птицы привыкли к месту прикормки (см. рисунок).

В школьном саду, парке или сквере сделайте кормовой домик. Строится он так. Устанавливаются четыре столбика-опоры высотой 1,5 метра таким образом, чтобы они образовали четырехугольник со сторонами 80—100 сантиметров. Основания столбиков ставятся в лунки, выкопанные в снегу до земли, и заливаются водой. Они вмораживаются очень прочно и стоят до самой весны. Сверху на столбиках крепится двух- или четырехскатная крыша из фанеры или жести.

Под крышей, в центре, на отдельном столике высотой до метра, устанавливается простейшая кормушка, в которую и засыпается корм.

Птичьи столовые устраивайте в тихих местах, где-нибудь в уголке сада, вблизи деревьев. Тогда пернатые смогут соскочить с ветвей прямо к корму. А чтобы птицы были постоянными посетителями ваших зимних столовых, еду в них нужно подкладывать каждый день и лучше в определенное время.

Чем же подкармливать птиц? Семенами подсолнуха, конопля, арбузными и тыквенными семечками, семенами лебеды, крапивы и репейника. Если вы будете подкладывать в кормушку ягоды рябины и клюквы, то ее частыми посетителями станут снегири и свиристели. Для больших синиц повесьте на ветви деревьев кусочки несоленого мяса или сала и кости, сырые или вареные. Даже крошки, оставшиеся после обеда, можно высыпать в кормушку. Воробьи не замедлят прилететь и полакомятся таким угощением.

А. МАЛЫШЕВ, зоолог

РУКОПИСИ НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

Технический редактор Э. Максимова

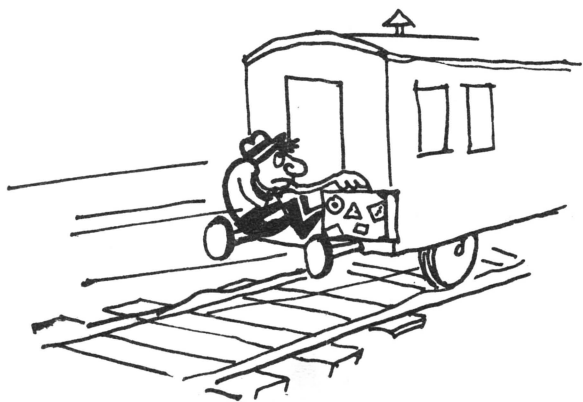
Корректор В. Бурангулова

Адрес редакции: Свердловск ГСП-353. Ул. Малышева, 36, комн. 79 и 87. Телефон Д1-22-40
Подписано к печати 22/XII 1969 г. Бумага 84×108^{1/16}=2,62 бум. — 8,82 печ. л. Уч.-изд. л. 10,36.
НС 14990 Тираж 145 000. Цена 30 коп. Заказ 572.

Типография изд-ва «Уральский рабочий», г. Свердловск, проспект Ленина, 49. Обложка и вклейка отпечатаны на Свердловской фабрике офсетной печати.

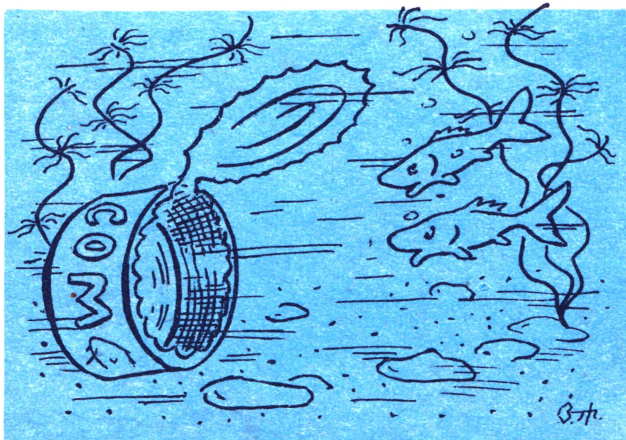
Рисунки О. Теслера,
Б. Слукина и В. Тесленко.

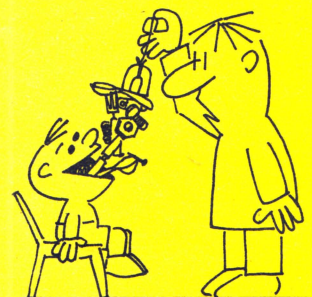
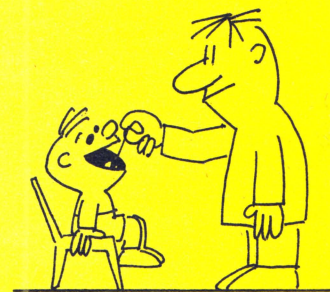
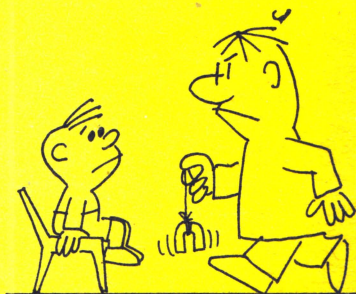
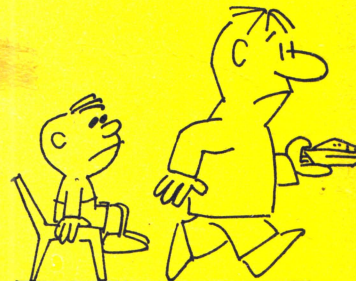
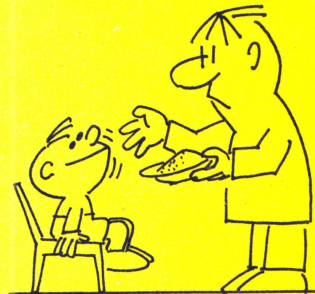
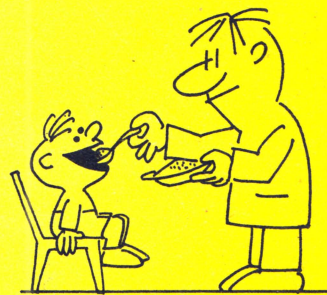
Домой.

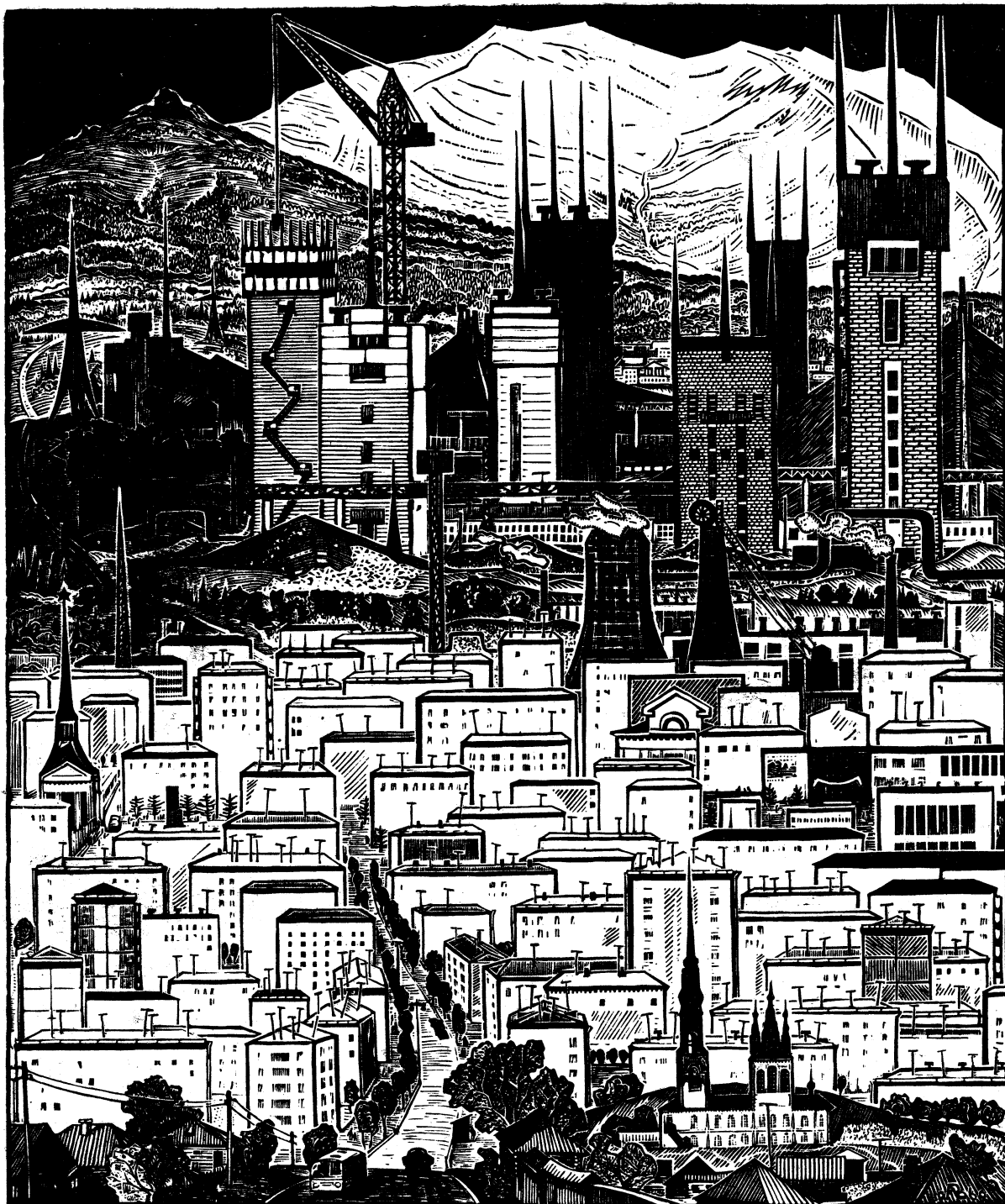
Межсезонье.

Привет от дедушки.

Аппетит!

Л. Вейберг.

Уральский город.

30 коп

73413

Главный редактор И. АКУЛОВ
Редколлегия: В. АЛЬТОВ, А. АСС, А. БОГАЧЕВ (зам. главного редактора), М. ГРОССМАН, Ю. КУРОЧКИН, О. ЛЕОНОВА, А. МАЛАХОВ, МУСА ГАЛИ, В. НИКОНОВ, И. НИКОНОВ, Л. РУМЯНЦЕВ, И. ТАРАБУКИН (ответственный секретарь), В. ШУСТОВ